

ВЕСЦІ

НАЦЫЯНАЛЬнай

АКАДЭМІі НАВУК БЕЛАРУСІ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАВУК. 2022. Т. 67, № 4

ИЗВЕСТИЯ

НАЦИОНАЛЬНОЙ

АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2022. Т. 67, № 4

Журнал основан в январе 1956 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель – Национальная академия наук Беларуси

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь,
свидетельство о регистрации № 394 от 18.05.2009

*Журнал рецензируется. Входит в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований,
включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)*

Главный редактор:

Александр Александрович Коваленя – Отделение гуманитарных наук и искусств
Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Редакционная коллегия:

- В. И. Бельский** – Помощник Президента Республики Беларусь по вопросам финансово-кредитной системы, Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)
- В. В. Гниломедов** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)
- А. И. Локотко** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)
- М. С. Макрицкая** – Издательский дом «Беларуская навука», Минск, Беларусь (*ведущий редактор журнала*)
- Е. М. Бабосов** – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- Д. К. Безнюк** – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- Г. А. Василевич** – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
- П. А. Водопьянов** – Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь
- В. Л. Гурский** – Президиум Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- В. В. Данилович** – Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь
- А. И. Жук** – Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Беларусь

- И. Л. Копылов** – Филиал «Институт языкознания имени Якуба Коласа» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
- А. Д. Король** – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
- М. В. Мясникович** – Коллегия Евразийской экономической комиссии, Москва, Россия
- П. Г. Никитенко** – Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- И. В. Саверченко** – Филиал «Институт литературоведения имени Янки Купалы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь

Редакционный совет:

- А. Н. Булыко** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- В. И. Васильев** – Центр истории и теории культуры и академического сектора науки Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Научный и издательский центр “Наука” Российской академии наук», Москва, Россия
- Г. Генчель** – Институт славистики Университета Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия
- С. Ю. Глазьев** – Коллегия по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
- Е. К. Голаховска** – Институт славистики Польской академии наук, Департамент лингвистики, Варшава, Польша
- А. Е. Дайнеко** – Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь
- В. А. Ильин** – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», Вологда, Россия
- С. П. Карпов** – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
- С. Л. Кандыбович** – Российская академия образования, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Федеральная национально-культурная автономия белоруссов России, Совет при Президенте Российской Федерации, по межнациональным отношениям, Консультативный совет по делам белорусов зарубежья при МИД Республики Беларусь, Москва, Россия
- Е. Миронович** – Белостокский университет, Белосток, Польша
- А. А. Сатыбалдин** – Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
- А. В. Смирнов** – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт философии Российской академии наук», Москва, Россия
- П. П. Толочко** – Институт археологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина
- Чжан Юйянь** – Институт мировой экономики и политики Китайской академии общественных наук, Пекин, Китай
- Янг Хионг** – Институт социологии Шанхайской академии социальных наук, Шанхай, Китай

Адрес редакции:

ул. Академическая, 1, к. 119, 220072, г. Минск, Республика Беларусь.

Тел.: + 375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru

Сайт: vestihum.belnauka.by

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ.

Серия гуманитарных наук. 2022. Т. 67, № 4.

Выходит на русском, белорусском и английском языках

Редактор *М. С. Макрицкая*

Компьютерная вёрстка *Ю. А. Агейчик*

Подписано в печать 17.10.2022. Выход в свет 26.10.2022. Формат 60×84¹/₈. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 11,3. Тираж 86 экз. Заказ 195.

Цена номера: индивидуальная подписка – 12,66 руб., ведомственная подписка – 29,74 руб.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013. ЛП № 02330/455 от 30.12.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220084, г. Минск, Республика Беларусь

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука».

Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 2022

PROCEEDINGS

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

HUMANITARIAN SERIES, 2022, vol. 67, no. 4

This journal was founded in 1956

Frequency 4 issues per annum

Founded by the National Academy of Sciences of Belarus

This journal is registered by the Ministry of Information of the Republic of Belarus,
Certificate of Registration no. 394 dd. 18 May 2009

*The journal is included in The List of Journals for Publication of the Results of Dissertation Research
in the Republic of Belarus and in the database of the Russian Scientific Citation Index (RSCI)*

E d i t o r - i n - C h i e f :

Alexander Alexandrovich Kovalenya – Department of Humanities and Arts
of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

E d i t o r i a l B o a r d :

Valery I. Belsky – Assistant to the President of the Republic of Belarus on the Financial and Credit System, Minsk, Belarus
(*Associate Editor-in-Chief*)

Vladimir V. Gnilomedov – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy
of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)

Alexander I. Lokotko – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy
of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)

Marina S. Makritskaya – Belaruskaya Navuka Publishing House (*Lead Editor*)

Evgeny M. Babosov – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Dmitry K. Beznyuk – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Grigory A. Vasilevich – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Pavel A. Vodopyanov – Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus

Vasily L. Gursky – Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Vyacheslav V. Danilovich – Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Alexander I. Zhuk – Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus

Igor L. Kopylov – Branch “Institute of Linguistics named after Yakub Kolas” of the State Scientific Institution “Center
for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus”, Minsk,
Belarus

Andrei D. Korol’ – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Mikhail V. Myasnikovich – Board of the Eurasian Economic Commission, Moscow, Russia

Petr G. Nikitenko – Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Ivan V. Saverchenko – Branch “Institute of Literary Studies named after Yanka Kupala” of the State Scientific Institution
“Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus”,
Minsk, Belarus

Editorial Council:

- Alexander N. Bulyko** – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
- Vladimir I. Vasilyev** – Center for the History and Theory of Culture and the Academic Sector of Science of the Federal State Budgetary Institution of Science «Science and Publishing Center “Nauka” of the Russian Academy of Sciences», Moscow, Russia
- Gerd Hentsthal** – Institute of Slavic Studies at the Karl von Ossietzky University, Oldenburg, Germany
- Sergey Yu. Glazyev** – Board for Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission, Department of the Faculty of Public Administration of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Lomonosov Moscow State University”, Moscow, Russia
- Eva K. Golakhovska** – Institute of Slavic Studies of the Polish Academy of Sciences, Department of Linguistics, Warsaw, Poland
- Aleksey Ye. Daineko** – Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus
- Vladimir A. Il'in** – Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, Moscow, Russia
- Sergey P. Karpov** – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Lomonosov Moscow State University”, Moscow, Russia
- Sergey L. Kandybovich** – Russian Academy of Education, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Federal National-Cultural Autonomy of Belarusians of Russia, Council under the President of the Russian Federation for Interethnic Relations, Advisory Council on the Affairs of Belarusians Abroad under the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus, Moscow, Russia
- Evgeni Mironovich** – University of Bialystok, Bialystok, Poland
- Azimkhan A. Satybaldin** – Institute of Economics of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan
- Andrei V. Smirnov** – Federal State Budgetary Institution of Science of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- Petr P. Tolochko** – Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine
- Zhan Yuyan** – Institute of World Economy and Politics of the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China
- Yang Xiong** – Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China

Address of the Editorial Office:

*1 Akademicheskaya Str., Room 119, 220072, Minsk, Republic of Belarus.
Tel.: + 375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Website: vestihum.belnauka.by*

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS.

Humanitarian Series, 2022, vol. 67, no. 4.

Printed in Russian, Belarusian and English

Editor *M. S. Makritskaya*
Computer imposition *Yu. A. Aheichyk*

Signed to print on 17.10.2022. Published on 26.10.2022. Format 60×84¹/₈. Offset paper.
Digital printing. Printed sheets 10,23. Publisher's sheets 11,3. Circulation 86 copies. Order 195.
Number price: individual subscription – BYN 12.66, departmental subscription – BYN 29.74.

Publisher and printing execution:

Republican unitary enterprise “Publishing House “Belaruskaya Navuka”.
Certificate on the state registration of the publisher, manufacturer,
distributor of printing editions No. 1/18 dated August 2, 2013. License for the press no. 02330/455 dated December 30, 2013.
Address: F. Scorina Str., 40, 220084, Minsk, Republic of Belarus.

© RUE “Publishing House “Belaruskaya Navuka”,
Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series, 2022

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

- Ксенофонт В. А.** Ментальная война и национальная безопасность 351
Шкурова Е. В. Типологические особенности религиозности в условиях современного поликонфессионального общества в Беларуси 365

ГІСТОРЫЯ

- Каваленя А. А.** Год гістарычнай памяці – сродак разумення вытокаў і развіцця беларускага народа 373

МОВАЗНАЎСТВА

- Трощинская-Степушина Т. Е.** Окказионализмы в художественном тексте: словообразовательный аспект (на материале прозы русскоязычных белорусских авторов) 386

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

- Го Сяохун, Е Цюн.** Особенности музыкального исполнения героического эпоса “Гэсэр” в Китае: история и современность 393

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

- Мікуліч М. У.** “На камні, жалезе і золаце...”: паэзія Максіма Танка як ідэйна-мастацкі феномен 401

ПРАВА

- Томашевский К. Л.** Исторический генезис правового регулирования нетипичных форм занятости в Беларуси 412

ЭКАНОМІКА

- Тудейко Е. В.** Теоретические основы использования государственно-частного партнерства в условиях региональной экономической интеграции 422

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

CONTENTS

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

- Ksenofontov V. A.** Mental warfare and national security..... 351
Shkurova A. V. Typological features of religiosity in the conditions of modern polyconfessional society in Belarus ... 365

HISTORY

- Kovalenya A. A.** Year of Historical Memory is an example of a reasonable outflow and development of the Belarusian people 373

LINGUISTICS

- Trashchynskaya-Stsiapushyna T. J.** Occasionalisms in a literary text: derivative aspect (based on the prose of Russian-speaking Belarusian authors)..... 386

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

- Guo Xiaohong, Ye Qiong.** Features of the musical performance of the heroic epos “Geser” in China: history and modernity..... 393

LITERARY SCIENCE

- Mikulich M. U.** “On Stone, Iron and Gold...”: Maxim Tank’s poetry as a conceptual and artistic phenomenon..... 401

LAW

- Tomashevski K. L.** Historical genesis of legal regulation of atypical forms of employment in Belarus..... 412

ECONOMICS

- Tuleika K. V.** Theoretical foundations for using public-private partnerships in conditions of regional economic integration..... 422

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ
PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 355.01
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-4-351-364>

Поступила в редакцию 24.05.2022
Received 24.05.2022

В. А. Ксенофонов

Военная академия Республики Беларусь, Минск, Беларусь

МЕНТАЛЬНАЯ ВОЙНА И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Аннотация. В условиях геополитического противоборства страны Запада (во главе с США) стремятся системно ослабить Россию, Беларусь и Союзное государство в целях доминирования в границах Евразийского континента и установления нового мирового порядка. В интересах реализации стратегии «Петля анаконды» используется широкий потенциал средств силового принуждения. Нарастание военной силы сопровождается экономическим, информационным, идеологическим, интеллектуальным противоборством. Насилие в информационной и культурно-мировоззренческой сферах привело к новой форме противоборства – ментальной войне. В системе национальной безопасности ведущая роль принадлежит человеку, сознание и мировоззренческая сфера которого являются главной мишенью в ментальном насилии. Рассмотрены существующие методологические подходы к пониманию сущностного содержания ментальной войны. Показана авторская трактовка данного вида насилия. На основании законов классической войны уточнены основные закономерности, принципы ведения ментальной войны, а также направления ее реализации. Определено, что познание сущности ментальной войны, ее технологий не менее важно для социальной системы, чем совершенствование военной сферы национальной безопасности. Сделан вывод, что разрешение противоречия между современными способами насилия и системой национальной безопасности находится в плоскости комплексного совершенствования человека, науки, образования, управления, деятельности. Понимание диалектики ментальной войны и национальной безопасности позволит органам государственного и военного управления уточнить практическую составляющую идеологической работы, направленную на консолидацию усилий в укреплении белорусской государственности.

Ключевые слова: Беларусь, Союзное государство, геополитика, национальная безопасность, военный конфликт, человек, сознание, мировоззренческая сфера, ментальная война, наука

Для цитирования: Ксенофонов, В. А. Ментальная война и национальная безопасность / В. А. Ксенофонов // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 4. – С. 351–364. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-4-351-364>

Vladislav A. Ksenofontov

Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

MENTAL WARFARE AND NATIONAL SECURITY

Abstract. Under the conditions of geopolitical confrontation, the states of the West (led by the United States) seek to systematically weaken Russia, Belarus and the Union State in order to dominate the boundaries of the Eurasian continent and establish a new world order. In order to implement the “Anaconda Loop” strategy, a wide potential of means of coercion is used. The build-up of military force is complemented by economic, informational, ideological and intellectual confrontation. Information, cultural and ideological violence has led to a new form of confrontation – mental warfare. In the system of national security, the leading role belongs to the individual, whose consciousness and worldview are the main targets of mental violence. The existing methodological approaches to understanding the essential content of mental warfare are considered. The author’s interpretation of this type of violence is shown. On the basis of the laws of classical warfare the main laws and principles of mental warfare, as well as the directions of its implementation have been clarified. It is determined that the knowledge of the essence of mental warfare and its technology is no less important for the social system than the improvement of the military sphere of national security. The author concludes that the resolution of the contradiction between modern ways of violence and the system of national security lies in the comprehensive improvement of man, science, education, management, and activity. Understanding the dialectics of mental warfare and national security will allow state and military

authorities to clarify the practical component of ideological work aimed at consolidation of efforts to strengthen the Belarusian statehood.

Keywords: Belarus, Union State, geopolitics, national security, military conflict, man, consciousness, worldview, mental war, science

For citation: Ksenofontov V. A. Mental warfare and national security. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 4, pp. 351–364 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-4-351-364>

Введение. В условиях нарастающего геополитического противостояния государств Запада (во главе с США) в отношении Евразии *стратегия «Петля анаконды»*, сформулированная еще в ходе Гражданской войны в США, а затем перенесенная на планетарный уровень, с помощью которой США и Великобритания стремились ослабить евразийские державы (в первую очередь Россию) и не допустить интеграции в границах континента, продолжает активно реализовываться и наполняться новым содержанием [1]. Для осуществления данной стратегии используется широкий потенциал средств – от политико-дипломатических до военно-силовых. При этом фактор военной силы остается значимым, но дополняется экономическим, информационным, идеологическим, культурно-мировоззренческим противоборством. Напомним, что военная сила и военное насилие являются важными инструментами геополитического давления и контроля над пространством, они диалектически связаны. Иными словами, военный конфликт – это инструмент геополитики. Член-корреспондент АВН А. А. Бартош отмечает: «Нацеленность США на реализацию своих геополитических целей вопреки существующим нормам и правилам выступает в качестве своеобразного катализатора обострения критичности и развития глобальной нестабильности в процессе геополитической конкуренции» [2, с. 28]. Современное межгосударственное противоборство становится системным (политическое, экономическое, духовное, социальное) и многосферным (суша, море, воздух, космос, инфо- и киберсфера).

Исходя из современного значения информации [3] и научных знаний, которые выступают побудительными мотивами для человека в социальной практике, западные стратеги целенаправленно осуществляют перенос акцентов противоборства в информационную и культурно-мировоззренческую сферу. Этот вид насилия по подчинению противника своей воле (К. Клаузевиц) часто именуется концентрическим, когнитивным, информационным, идеологическим, смысловым, историческим, образовательным, духовным и т. д.

На наш взгляд, указанные виды силового воздействия составляют сложный феномен *ментального насилия (ментальной войны)*, которое в контексте мировой (глобальной) гибридной войны (А. Бартош) обогащается новым содержанием и современными технологиями овладения информационной и духовно-мировоззренческой сферой отдельного индивида, социальных групп, общества в целом. В результате такого воздействия социальная система реформируется под заданные стандарты государства или союза государств, ведущих ментальную агрессию.

В системе национальной безопасности как сложной многофункциональной и многокомпонентной структуре ведущая роль принадлежит человеку. Именно он, обладая научными знаниями и соответствующими убеждениями, осуществляет целеполагание и социальные действия, направленные на сохранение и развитие собственного потенциала, а также возможностей социальной среды и в целом государства. Следовательно, *сознание и мировоззренческая сфера отдельного человека или социальных образований являются главной мишенью в ментальном насилии (войне), а антропосфера выступает важнейшим театром современной войны* [4].

Указанные факторы обуславливают приоритетное значение обеспечения защищенности социальной системы национальной безопасности в контексте постоянного ментального противоборства, а также требуют простых и понятных ответов на сложные вопросы: что представляет собой ментальная война; какими средствами она ведется, каким законам и принципам подчинена; что необходимо предпринять для защиты социальной системы? Ответы на эти вопросы попытаемся дать в настоящей статье.

Основная часть. Глубокое познание взаимосвязи философии насилия (деструктивности) и национальной безопасности – это главное условие сохранения и развития государства. Одной из важнейших задач философской и военной науки является своеобразный «взгляд за горизонт»,

т. е. определение облика и характера будущей войны. Такой прогноз позволяет рационально готовить государственный организм и осуществлять военное строительство в целях безопасного в военном отношении будущего. Учитывая то, что военные конфликты стали формой бытия социума, определение их сущности, характера и основных черт жизненно необходимо.

Современная наука и военно-политическая практика нашего государства под категорией «война» понимают социально-политическое явление, «представляющее собой крайнюю форму разрешения политических, экономических, идеологических, национальных, религиозных, территориальных и других противоречий между государствами, народами, нациями и социальными группами. Для достижения поставленных целей в современной войне применяются политические, экономические, идеологические, военные и другие насильственные и ненасильственные средства и соответствующие им формы борьбы» [5, ст. 4].

Данное определение учитывает современные закономерности военного насилия, а также диалектику классической и неклассической парадигмы войны. Напомним, что в *классической* парадигме войны признается определяющая роль вооруженной борьбы, а в *неклассической* – существенная роль отводится комплексу невоенных средств противоборства, при этом роль применения военной силы становится вспомогательной.

Под характером военных конфликтов понимается «совокупность наиболее важных черт, показателей и характеристик, раскрывающих его военно-политическое и стратегическое содержание» [6, с. 47]. Кроме того, «определение возможного характера военных конфликтов современной эпохи – коренной вопрос военной стратегии, так как от его решения во многом зависят направления развития военной теории, строительства ВС, подготовки страны к войне» [6, с. 48].

Обратимся к Военной доктрине Союзного государства, где в разделе «Характер современных военных конфликтов» фиксируется, что основными *общими чертами современных военных конфликтов* являются:

- влияние этих конфликтов на все сферы жизнедеятельности человечества;
- определяющее значение информационной сферы в противоборстве на всех стадиях развития военного конфликта и после завершения его активной фазы;
- коалиционный характер этих конфликтов;
- применение новейших высокоэффективных систем вооружения, военной и специальной техники, в том числе основанных на новых физических принципах;
- широкое использование нетрадиционных форм и способов военных действий, средств дальнего огневого и радиоэлектронного поражения;
- стремление противоборствующих сторон к дезорганизации системы государственного и военного управления;
- маневренные действия войск (сил) на разрозненных направлениях с широким применением сил специальных операций;
- поражение войск (сил), объектов тыла, экономики, коммуникаций противника на всю глубину его территории одновременно в глобальном информационном и воздушно-космическом пространствах, на суше и на море;
- катастрофические последствия поражения (разрушения) предприятий энергетики (прежде всего атомной), химических и других опасных производств, коммуникаций, объектов инфраструктуры и жизнеобеспечения;
- высокая вероятность вовлечения в военные конфликты новых государств, эскалации вооруженной борьбы, расширения масштабов и спектра применяемых средств, включая оружие массового уничтожения;
- участие в военных действиях иррегулярных вооруженных формирований и частных военных компаний, незаконных вооруженных формирований [7, ст. 9].

Обратим особое внимание на то, что в настоящее время среди комплекса основных *военных угроз* Союзному государству государства-участники признают:

- использование информационно-коммуникационных технологий для осуществления враждебных действий, представляющих угрозу международной безопасности, в том числе направленных

на дискредитацию государств-участников, нарушение их территориальной целостности и государственного суверенитета, вмешательство в их внутренние дела [7, ст. 13].

Анализ военно-политической практики показывает, что *информационная компонента* военного конфликта выделяется как определяющая на всех стадиях его развития, т. е. от момента зарождения противоречий до стадии их разрешения. Таким образом, информационное противоборство в военной сфере имеет явную тенденцию к возрастанию. Информация, которой оперирует противник, выступает как несмертельное «оружие». А идентифицировать противника достаточно сложно, так как он часто является виртуальным и неосязаемым, нанося своими деструктивными действиями значительный урон не только отдельной личности, обществу, но и государству в целом. Следовательно, информационное пространство – это самый сложный театр современной войны.

Как отмечают авторы монографии «Феномен безопасности в современных условиях: проблемы и перспективы», сегодня активно используется манипулирование в военно-политической сфере как значимая составляющая феномена «мягкой силы». Они пишут: «Использование информационно-психологических, информационно-коммуникационных технологий деструктивного толка, политического мифотворчества в качестве «мягкого» информационно-психологического оружия оказывает негативное влияние на личность, общество, государство и представляет угрозу национальной безопасности Республики Беларусь» [8, с. 199].

Военный эксперт А. А. Бартош отмечает: «Все более широкое использование социальных сетей, обмена сообщениями в социальных сетях и мобильных устройствах открывает новые возможности для новой области – *когнитивной войны*, в которой человеческий разум становится полем битвы (выделено мной. – В. К.). Цель заключается в том, чтобы изменить не только то, что люди думают, но и то, как они думают и действуют. Технологии когнитивной войны при успешном ведении формируют и влияют на индивидуальные и групповые убеждения и поведение, способствуя достижению тактических или стратегических целей агрессора» [2, с. 86].

Сегодня в научном дискурсе активно продолжается обсуждение проблемы ментальной войны в интересах безопасности России [9–11]. Учитывая стратегические приоритеты Беларуси во внешней политике (строительство Союзного государства), принимая во внимание наши военно-политические интересы, данная научно-практическая проблема непосредственно касается обеспечения национальной безопасности белорусского государства.

Важно точно определить предмет анализа и разобраться с понятием «ментальная война». Ряд исследователей могут возразить в отношении умножения проблемного поля войны, ведущего к терминологической «неразберихе». Полагаем, что это проблема не столько понятийно-категориального аппарата, сколько содержательного аспекта насилия как военного, так и невоенного.

Например, ученый А. М. Ильницкий отмечает, что при ведении классических войн цель «заключается в разгроме ВС противника и захвате его территории», а в современных инфо- и кибервойнах она несколько другая – «уничтожение критически значимой инфраструктуры противника, дезорганизация его систем государственного и военного управления, наведение хаоса, разбалансировка и в конечном итоге ликвидация государства» [9, с. 25]. При этом цель войны нового типа (ментальной войны) – «уничтожение самосознания, изменение ментальной, цивилизационной основы общества противника». Иными словами, она направлена «на разрушение мировоззрения и цивилизационных основ противника» [9, с. 25].

Доктор военных наук И. Н. Караваев под ментальной войной понимает «применение противником системы способов и средств воздействия, направленных на поражение общественного сознания (ментальности, идентичности, исторических традиций, ценностей и др.) противостоящей стороны как в мирное время, так и в условиях военного конфликта. Ее цель – уничтожение или трансформация объекта воздействия: разрушение общественного сознания, общественных институтов, государства, ВС и др.» [10, с. 39].

Оба автора четко формулируют цели ментальной войны, акцентируя внимание на том, что она ведется без объявления, а последствия проявляются не сразу.

Аналитик А. М. Ильницкий в свою очередь обосновывает цели, этапы и технологии ментальной войны [9]. Причем к стратегическим целям он относит: перезагрузку исторического

самосознания, системы образования и воспитания, а значит, базовых смыслов и целей общества, т. е. идеологии, в том числе переписывание (обнуление) истории, разрушение традиций, укладов, веры (религии) и базовых ценностей. По его мнению, они реализуются в поколенческом масштабе (10–15 лет) [9, с. 26].

Профессор И. Н. Караваев предлагает собственную концепцию ментальной войны, цель которой – «уничтожение или трансформация объекта (разрушение общественного сознания, общественных институтов)», а результатом должна стать «деградация общества и государства, всех его сфер и институтов» [10, с. 38]. По его убеждению, данная концепция является «междисциплинарной научной теорией, включающей такие предметные области, как теория национальной безопасности, учение о войне и армии, философия, военная политология, социология, психология, стратегия (как составляющая военной науки) и другие научные отрасли» [10, с. 42].

Авторская позиция заключается в том, что ментальная война – это высшая разновидность (форма) конфликта между социальными субъектами, который ведется в информационной и духовно-мировоззренческой сферах противоборствующими сторонами. Он связан с применением интеллектуально-психологического насилия на противника в интересах разрушения его мировоззренческого ядра и системы духовно-нравственных ценностей, сменой его идентичности. Другими словами, это крайняя форма экзистенциального конфликта, в которой победа достигается путем уничтожения ценностей противоборствующей стороны. Теряя собственную идентичность, поверженная сторона приобретает иную. Таким образом, *ментальная агрессия* – это высокоинтеллектуальный философско-мировоззренческий конфликт, в котором сознание индивида или социального образования является предметом замены или ментальной оккупации.

Средства ведения ментальной войны комплексны. По мнению А. М. Ильницкого, ментальная война включает два этапа: 1) информационно-идеологическое воздействие; 2) социальные технологии манипулирования обществом [9, с. 26]. Он отмечает и технологию реализации, содержащую информационную и психоэмоциональную составляющие. Причем в обеих активно задействуются технологии искусственного интеллекта. *Информационная составляющая* – «это перезагрузка (переформатирование) информационного поля, поля знаний, фактов и сведений. Регулированию и направленной деформации подлежит все – от новостей до аналитических и социологических данных, от программ обучения в высших учебных заведениях и школе до телевизионных программ и доступных архивных данных» [9, с. 26]. *Психоэмоциональная составляющая* «представляет не меньшую угрозу, поскольку основана на манипулировании сознанием, настроениями и эмоциями, когда индивидууму, группам людей и обществу в целом опосредованно внедряются нужные настроения, оценки, мнения о чем-либо, о ком-либо, и все это принимается людьми неосознанно, без понимания сути» [9, с. 27].

По мнению И. Н. Караваева, происходит смена постулатов в понятии «война», в частности, среди приоритетов в применении форм насилия. Так, «раньше на первом месте было физическое насилие, потом – эмоциональное и интеллектуальное, а «сегодня предпочтение отдается *интеллектуальному, затем эмоциональному и физическому*» (выделено мной. – В. К.)» [10, с. 37]. Он также отмечает, что «к основным формам ментальной войны относятся многоходовые информационные операции, при проведении которых используются специфические психологические механизмы воздействия на сознание человека (установки, заражение, подражание, убеждение, влияние, подавление, внушение и др.), особые силы и средства, сетевые и другие информационные и психологические техники и технологии, поражающие ментальность общества в целом, все его сферы, индивидуальное и общественное сознание, социальные отношения, социальные институты, в том числе семью, образование, органы власти, все виды деятельности» [10, с. 39].

Несмотря на определенные различия в подходах, оба указанных автора подчеркивают значимость информации (знаний) как основного инструментария (оружия) ведения данного типа войны (ментальной войны). Они убеждены, что именно информация в совокупности с методологией управления человеком, основанной на научном знании, закономерностях функционирования психики человека, психологии социальных образований, и выступает «оружием» ведения данного типа войны.

Еще раз подчеркнем, что ментальная война – это сложная и высокоинтеллектуальная технология воздействия на сознание личности и социума, меняющая их знания (обыденные и теоретические), убеждения и идентичность. Данная технология социального управления является междисциплинарной и использует методологические подходы различных отраслей знания: философии, социологии, психологии, педагогики, истории, культурологии, теории национальной безопасности, военной науки и др.

Полагаем, что такая комплексность позволяет контурно определить *основные направления ведения ментальной войны*, причем в каждом направлении информация (знание) и выступает основным инструментом воздействия (насилия) на человека и социальные общности. Это следующие направления:

цивилизационное, в котором основным предметом оперирования (разрушения и смены) являются духовно-нравственные и религиозные ценности, являющиеся базисом духовной культуры той или иной социальной общности людей;

философско-методологическое, меняющее философские доктрины и предполагающее смену философско-мировоззренческого ядра как руководства к теоретическому и практическому социальному действию, а также установок и ценностных ориентиров личности, формирующих своеобразие того или иного социума;

научное, направленное на искажение научных знаний и замену их псевдонаучными теориями и различными «верованиями»;

геополитическое, политическое и идеологическое, внедряющее иные политические и идеологические традиции, нормы, принципы, базирующиеся на интересах стран – геополитических лидеров и их диктате, направленное на деструкцию социально-политического устройства стороны, избранной в качестве жертвы агрессии;

экономическое, имеющее целью снижение экономического потенциала противной стороны и включение ее в зону своих интересов (своеобразное паразитирование);

технологическое и техническое, направленное на неоспоримое лидерство страны-агрессора в данных направлениях и установление явной зависимости страны-жертвы в технике и технологиях;

образовательное, предполагающее комплексное воздействие на систему образования страны-жертвы в интересах резкого снижения ее интеллектуального потенциала до критической черты (меры), способствующей социальному скатыванию на обочину истории;

историческое, обеспечивающее смену истории и поражающее историческое сознание человека, социума в целях разрушения цивилизационных основ государства-жертвы;

культурное, нацеленное на всю систему культурного потенциала государства-жертвы для разрушения его культуры как духовной основы нации и навязывании ему иного культурного кода.

Каждое из перечисленных направлений является, с одной стороны, инструментом воздействия (оружием) в рамках сложной системы ментальной агрессии, а с другой – своеобразным театром (сферой) ментальной войны. Подчеркнем, что это лишь основной перечень инструментария воздействия, который в рамках каждого направления может и должен детализироваться. Также отметим, что указанные направления «работают» в общей системе ментальной войны. Приоритетность выбора «мер воздействия» на противника зависит от международной и военно-политической обстановки, целей ментальной войны, а также ментального потенциала государства-агрессора.

По каким же законам осуществляется ментальная война? Так, в разработанной Концепции ментальной войны доктор военных наук И. Н. Караваев выделяет ее основные закономерности:

нарастающий характер интенсивности;

всеобъемность и усиливающаяся напористость поражения всех сфер общества (как при «раковой опухоли»);

взаимосвязь и взаимовлияние всех сфер общества, социальных институтов в ментальной войне;

определяющий характер духовной сферы и значительное влияние экономических факторов на трансформацию общества;

отсроченность воздействия, обусловленная инерционностью сознания (сложность противодействия технологиям ментальной войны, поскольку трудно, а порой и невозможно добиться отказа от ложных убеждений и заблуждений, навязанных противником), что вызывает проблемы в «лечении» сознания и трансформаций в духовной сфере общества, ставших следствием применения технологий ментальной войны [10, с. 40].

Постараемся уточнить и наметить основные законы ментальной войны как неклассической, основываясь на разработанной системе законов классической войны [12]. Осмысливая характер (главным образом своеобразие) законов войны, следует учитывать, что классическая война, будучи социально-политическим явлением, подчиняется как законам войны, отражающим и военные, и общественные процессы, так и законам развития общества в целом и, безусловно, всеобщим законам – законам диалектики, от которых зависят не только общественные явления, но и сами законы войны. Одновременно следует помнить, что общественные законы проявляют себя через деятельность людей, которая не всегда однозначна, даже в одинаковых условиях. Поэтому в обществе законы действуют как в виде определенных связей, отношений, так и в виде законов, тенденций и носят исторический характер, т. е. появились на определенном этапе развития общества и меняются, исчезают, возникают новые в ходе его развития. Естественно, все это имеет отношение к законам войны [13, с. 94]. Эти соображения в целом касаются и законов зарождения и ведения ментальной войны.

Под *законами войны* следует понимать «существенные, необходимые, повторяющиеся связи и отношения между различными сторонами и элементами войны как процесса, обуславливающие его зарождение и функционирование, развитие и исход» [12, с. 45]. Они носят объективный характер, поскольку их действие не зависит от воли и желания людей. Объективность законов не свидетельствует о том, что они реализуются вне человеческой деятельности.

Как классическая, так и ментальная война охватывает все сферы жизнедеятельности общества (экономическую, политическую, социальную, духовную и, безусловно, военную). Следовательно, законы ментальной войны диалектически увязывают явления и процессы всех подсистем общества – от материальных до духовных. Предпосылками действия объективных законов являются как материальные, так и духовные факторы.

Обычно исследователи, ведя речь о законах классической войны, выделяют в ней законы ее *возникновения* (генетические) и законы ее *функционирования и развития* (онтологические). Генетические законы определяются антагонистической природой общества, разнообразными социальными противоречиями. Законы функционирования и развития классической войны представляют собой законы первого (высшего) порядка – законы войны и второго (низшего порядка) – законы вооруженной борьбы [13, с. 94]. Говоря о законах войны, известный военный философ С. А. Тюшкевич четко выделяет генетические законы и законы функционирования и развития войны [12, с. 59–67].

Законы ментальной войны (как существенное, необходимое, всеобщее в ней) не действуют вне более общей международной, военно-политической, экономической, идеологической и т. п. обстановки с одной стороны, вне особенного, отдельного, вне конкретных явлений и событий самой ментальной войны.

Кроме того, законы ментальной войны выступают одновременно и «требованиями» социальной жизни, определяя деятельность людей. Данная деятельность обусловлена определенными социально-политическими, экономическими отношениями, соотношением материальных и духовных сил противоборствующих сторон, действиями политического и военного руководства. Поэтому мы не можем отделять законы друг от друга, они не могут и противопоставляться, поскольку возникают и действуют в рамках ментальной войны как конкретно определенной системы в процессе ее зарождения, развертывания и окончания.

Законы возникновения ментальной войны являются выражением антагонистической противоречивости исторического процесса в целом и отдельных социальных сообществ, геополитическими противоречиями, а порой и просто собственной «исключительностью», и амбициями. Эти законы отражают действия в них сил, которые заинтересованы в разрешении противоречий

общественного развития, а также в решении социальных, политических, национальных, идеологических и других проблем средствами ментального насилия.

Механизм действия законов, порождающих ментальную войну, действует неоднозначно в различные исторические эпохи. Ментальная война рождается не случайно, а при определенной расстановке геополитических сил, при известном развитии межгосударственных, военно-политических и внутренних противоречий.

Породив конкретную войну, законы возникновения (генетические) как в классической, так и ментальной войне уступают место законам развития (онтологическим). Они не исчезают бесследно, а присутствуют в последних в «снятом» виде. Законы развития определяют течение ментальной войны как определенной конфликтной социальной системы. Тот факт, что ментальная война не прерывает предшествующую политику государств (коалиций), а продолжает ее иными, насильственными средствами (цивилизационными; философско-методологическими; научными; геополитическими, политическими и идеологическими; экономическими; технологическими и техническими; образовательными; культурными), свидетельствует о том, что она имеет конкретное политическое содержание, законы и противоречия социально-политического характера. Это отражается на условиях действия законов ментальной войны.

Если основной закон классической войны – это закон зависимости характера и степени применения военной силы от политических целей, то применительно к ментальной войне основной закон может быть сформулирован так: зависимость применения комплекса ментального насилия на противника от геополитических целей субъекта агрессии.

В классической войне действует закон определяющей (и решающей) роли политических целей войны. Применительно к ментальной войне его можно уточнить: определяющей роли геополитических целей страны-агрессора. Поэтому следует основательно разбираться в тайном и декларируемом целеполагании субъектов геополитического противоборства. Этот закон охватывает своим воздействием все стороны ментальной войны, поскольку именно геополитические намерения страны-агрессора обуславливают характер ментальной войны и ее сущность. Именно от геополитических (цивилизационных, геоэкономических) целей агрессора зависят цели ментальной войны, степень и интенсивность использования ментального насилия, комплексность задействованных ресурсов и направлений духовно-деструктивного воздействия на противника, характер жизнедеятельности государств и союзнических отношений в коалициях.

В рамках геополитических целей государства-агрессора определяются: ментально-военные цели, в первую очередь стратегические и оперативные цели ментальной войны, технологии ее реализации, очередность и интенсивность проведения ментальных операций, а также критически важные подсистемы государства-жертвы, воздействие на которые приведет его к упадку и подчинению агрессору. Этим, на наш взгляд, определяются и приоритетные направления ментальной войны. При этом агрессор исходит не только из целей своей геополитики, но и принимает в расчет задачи послевоенного устройства региона, мира и подчиняет им ведение ментальной войны.

Важным законом в классической войне является закон определяющей роли соотношения материальных и духовных сил воюющих сторон, относящийся к наиболее общим законам войны. Применительно к нашему предмету анализа ментальной войны он может быть очерчен как закон определяющей роли соотношения ментальных сил противоборствующих сторон. Соотношение любых сил всегда является результатом предшествующей деятельности людей и характеризует тот уровень развития общества, который достигнут к моменту начала ментальной войны или определенному ее этапу, очерчивает рамки противоборства сторон, выбора ими целей и решений.

Необходимо отметить, что в классической войне соотношение материальных и духовных сил, военной мощи воюющих сторон, отражая состояние экономики, науки, уровень морально-политического и духовного потенциалов, характер традиций и т. д., определяет основное направление развертывания процессов боевых действий войны, их интенсивность, формы и результаты. Это наиболее общий закон классической войны. В ментальной войне соотношение интеллектуальных и духовно-нравственных сил сторон будет отражать наиболее общий закон этой войны.

Особенность наиболее общего закона ментальной войны заключается в том, что он является обобщением ряда других законов, выражающих разные стороны соотношения ментальных сил.

Говоря о соотношении сил, стоит отметить закон классической войны, выражающий зависимость хода и исхода войны от соотношения экономических сил противоборствующих сторон. По мере развития военного дела и трансформации войны роль экономического фактора в войне неуклонно возрастает. Экономическое обеспечение ментальной войны также выступает значимым условием ее успешного ведения, поэтому данный закон работает и в ней.

С названным законом тесно связан закон зависимости хода и исхода ментальной войны от соотношения научных потенциалов противоборствующих сторон. Он выражает зависимость хода и исхода ментальной войны от масштабов и степени использования достижений различных отраслей науки и техники противоборствующими сторонами. Именно научные и технологические достижения влияют на ментальный потенциал, на духовный мир участников ментальной войны, способы и формы ее подготовки и ведения. В условиях социальной модернизации и научно-технической революции, превращения науки в важнейший фактор социального прогресса, проникновения науки во все сферы жизнедеятельности общества превосходство в научном потенциале приобретает исключительное значение в судьбе как классической, так и ментальной войны.

В качестве важных законов ментальной войны могут выступать и законы классической войны: зависимость хода и исхода войны от общественного строя, социальной структуры общества противоборствующих государств (коалиций);

зависимость хода и исхода войны от политической системы, государственного строя, организованных политических сил противоборствующих стран (коалиций);

зависимость хода и исхода войны от духовных сил воюющих государств (коалиций).

Вышеприведенные три закона можно рассматривать в качестве одного важного: зависимость хода и исхода ментальной войны от соотношения социальных, политических и духовных сил противоборствующих государств (коалиций). Уровень и состояние социальных возможностей, морально-политических и духовных сил народа и армии определяются характером экономических отношений, общественного и государственного строя, господствующей в обществе идеологией, политическими целями ментальной войны. Чем полнее эти факторы отвечают целям национального стратегического развития и национальным интересам страны, потребностям социальной практики, чем выше моральный дух населения и армии, тем больше возможностей для победы в ментальной войне.

Существенное влияние на ход и результаты ментальной войны оказывают нравственные, морально-политические силы, исторические традиции, общественное мнение, уровень доверия государственным институтам и морально-психологической подготовки населения и армии.

Кроме отмеченных выше законов ментальной войны действуют и другие, выражающие историческую неизбежность торжества нового над старым, как проявление закона диалектики – отрицание отрицания. Важное место отводится закону, согласно которому побеждает сторона, представляющая новый, более прогрессивный социальный и экономический строй и эффективно использующая заключенные в нем возможности. История свидетельствует, что побеждает на войне тот, у кого больше резервов, больше источников силы, больше поддержки в народных массах.

При проведении ментальной войны используются различные формы борьбы, имеющие относительную самостоятельность, например, дипломатическая, информационная, идеологическая и др. Закономерности развития этих форм борьбы также влияют на ведение ментальной войны.

Нами рассмотрены наиболее общие законы функционирования и развития ментальной войны. Обратим внимание, что закон определяющей роли геополитических целей страны-агрессора и закон определяющей роли соотношения ментальных сил противоборствующих сторон решающим образом влияют на главные показатели ментальной войны.

По своей структуре обороноспособность государства (совокупность материальных и духовных сил) представляет собой систему экономического, научного (научно-технического), духовного, социального (социально-политического), демографического, собственно военного потенциалов или факторов.

Поскольку ход и исход классической войны в целом зависят от соотношения сил воюющих сторон – их обороноспособности (военной мощи), а обороноспособность – это система определенных потенциалов, то ход и исход классической войны зависят от каждого конкретного потенциала данной системы. Эти зависимости и выступают наиболее общими законами классической войны.

Так как выше нами определены основные направления ведения ментальной войны, характеризующие ее специфику, выделим *специфические закономерности* этой войны. Ход и исход ментальной войны зависят от следующих обстоятельств:

- цивилизационного потенциала противоборствующих сторон;
- философско-методологического потенциала противоборствующих сторон;
- научного потенциала противоборствующих сторон;
- геополитического, политического и идеологического потенциалов противоборствующих сторон;
- экономического потенциала противоборствующих сторон;
- технологического и технического потенциалов противоборствующих сторон;
- образовательного потенциала противоборствующих сторон;
- исторического потенциала противоборствующих сторон;
- культурного потенциала противоборствующих сторон и др.

Полагаем, что указанные компоненты относятся к ментальному потенциалу противоборствующих сторон, поэтому их состояние и количественно-качественные параметры будут влиять на ее ведение.

При рассмотрении любого из законов ментальной войны необходимо уяснить его роль в ментальной борьбе (насилии), определить сущность, структуру, особенности, показатели потенциала, связь исследуемого закона с остальными законами ментальной войны.

Законы ментальной войны связаны с общими законами общественного развития, выступают их специфическим проявлением. Они представляют собой такое единство противоположностей, которое обуславливает особенности и характер ментальной войны, ее динамику, тенденции и результаты.

Профессор С. А. Тюшкевич подчеркивает, что «окончательного решения» проблемы законов войны быть не может, поскольку они историчны: «Изменения содержания войны и вооруженной борьбы, тем более в сторону усложнения, неизбежно приводят к эволюции их онтологических связей и отношений. В результате одни законы могут проявляться не столь явно, вплоть до полного отмирания, другие – усиливать свое действие» [14, с. 21].

Очевидно, что нельзя догматизировать рассмотренные выше законы ментальной войны, так как сама сущность этой войны еще недостаточно исследована и находится в постоянной динамике. Поэтому система законов ментальной войны является открытой.

Следует обратить внимание на то, что чем основательнее изучены законы ментальной войны, чем совершеннее их теоретическая система, тем более научным является наше знание о такой войне.

Таким образом, законы ментальной войны отражают форму социального конфликта, в ходе которого происходит насильственное взаимовлияние противоборствующих сторон «ментальным оружием» во имя своих геополитических целей и интересов. Специфические силы и средства, цели ментальной войны составляют особенности ее законов. Существенное влияние на законы ментальной войны оказывает современная информационно-коммуникационная революция в человеческом обществе, воздействующая на изменение ее форм, способов и направлений.

Уже не подлежит сомнению, что существенным фактором современного противоборства является информационная составляющая как системообразующий компонент, а также использование гуманитарных технологий (смена ценностно-смысловых ориентиров человека) [15, с. 36; 16], которые фактически рассматриваются как альтернатива военным действиям.

В частности, ученый А. М. Ильницкий отмечает: «Информационная среда предоставляет возможность создания, по сути, нового оружия массового поражения ментального действия, направленного на сознание людей и социальных групп посредством «коррекции» информационного

поля, навязывания мнений, предпочтений и даже прямой дезинформации» [11, с. 25]. Аналитики также указывают на ведение *социальной войны*.

Сегодня четко обозначилась зависимость хода и исхода войны от соотношения информационного, идеологического потенциалов, которые существенно обозначили себя в военном противоборстве. Это требует учета современных тенденций противоборства (выявление и уяснение новых связей и отношений) для обеспечения безопасности личности, общества и государства, в первую очередь в военной сфере.

Представления о военных конфликтах меняются, намечаются их новые параметры и технологии ведения, следовательно, необходимы новые теоретические исследования проблемы современного противоборства в целях обеспечения национальной безопасности.

Отметим, что деятельность человека входит в механизм действия и использования законов ментальной войны, он может создавать благоприятные или неблагоприятные условия для действия законов, их использования. Поэтому человек должен понимать ее сущность, обладать необходимыми компетенциями для ее успешного ведения.

В любой войне постоянно проявляются две основные тенденции: максимальная целенаправленность и планомерность, а также нарушение порядка, организованности и планомерности. Поэтому законы ментальной войны выражают ее сложную и противоречивую природу, показывают, что ее развитие – общий результат взаимодействия многих факторов. Они действуют как усредненные законы-тенденции.

Рассматривая принципы ведения ментальной войны, напомним, что *принципы* в теории – основное, исходное положение какого-либо учения, конкретной науки, а также убежденность исследователя в чем-либо, норма или правило его мышления и социальной активности. В статье А. М. Ильницкого в контексте принципов ведения ментальной войны можно выделить следующие основные правила:

а) ментальные войны ведутся без объявления, постепенно реформируя мир [9, с. 27];

б) ментальная война имеет тотальный характер, ее фронты, сражения и бои разномасштабны, но синхронизированы и системны [9, с. 29].

Продолжая свое исследование о парадигме ментальной войны, автор выделяет ее особенности, которые можно трактовать как принципы ее ведения:

агрессивные действия (нападение) начинаются без объявления, носят эволюционный, перманентный характер, ведутся в «серых зонах» и нередко приводят к проигрышу государства-жертвы из-за его неспособности дать достойный отпор;

потерпевшие поражение национальные государства ликвидируются (причем зачастую без оккупации их территории) или лишаются не столько населения и ресурсов, сколько политической воли и возможности самоуправления;

население страны-жертвы нередко оказывается под управлением структур (внешних и внутренних) без возможности влиять на собственную судьбу;

борьба ведется за умы, знания и волю, за мировоззрение отдельных граждан и общества в целом;

национальные история, культура, традиции, уклад и выбор жизненных приоритетов населения игнорируются и заменяются иными, которые навязываются извне нередко при молчаливом непротивлении людей;

абсолютной победой считается оккупация духовного пространства и общественного сознания, когда побежденный не только утрачивает способность отстаивать свои ценности, но и полностью ассимилирует чуждые и «фальшивые» установки, которые ему внедрил, навязав свою волю, противник-победитель;

блицкриг в данной войне заключается в параличе воли противника через воздействие на его элиту и СМИ, чтобы затем их же руками развалить государственные институты, разложить армию и силовые структуры;

атаки на страну-жертву ведутся не только «снаружи», но и «изнутри», что радикально отличается от традиционного способа военных действий «снаружи внутрь».

Таким образом, ментальная война имеет тотальный характер, комплексно воздействует как на информационное поле, так и на сферу чувств, эмоций и настроений населения страны – жертвы агрессии [11, с. 28].

В частности, профессор И. Н. Караваев на основе исследования опыта и практик ведения информационного противоборства и применения различных форм, способов, методов и приемов ментальной войны формулирует некоторые ее принципы: превентивность; релевантность (соответствие); адаптивность; комплексность; индивидуальный, групповой и массовый подходы; наступательность, нарастающий характер противодействия, зеркальность и др. [10, с. 40].

Авторская позиция в определении принципов заключается в том, что данный тип противоборства ведется: постоянно (не имеет перерывов); явно и тайно; информационно-агрессивно; системно (по всем компонентам ментального потенциала); индивидуально и массово; высоко интеллектуально и технологично; воздействуя на разум и волю; нарушая способность и критичность мышления; разрушая интеллектуальные силы личности и социума; на внешнем контуре и внутри страны; лишая национального исторического сознания; изменяя базовые ценности и традиции; до полной оккупации ментального поля личности, общества и государства.

Рассмотрев сущность, основные закономерности и принципы ведения ментальной войны, необходимо решить проблему защиты социальной системы от данного типа насилия. Поэтому познание сущности такой войны не менее важно, чем совершенствование военной сферы национальной безопасности.

А. М. Ильницкий достаточно четко формулирует меры по сбережению и развитию России, определяя приоритетные составляющие: здравоохранение, фундаментальное образование, территориальная связность и безопасность. Эти компоненты, по его мнению, представляют основы идеологии развития государства в XXI веке [9, с. 30]. Автор делает важный методологический вывод о том, что «в сфере национальной безопасности страны отныне подразумевается принципиальная неразделимость внутренних и внешних вызовов – ментальных прежде всего» [9, с. 31]. Необходим опережающий характер противодействия, основанный на единой системе прогнозирования и предупреждения угроз нашей цивилизации во всех сферах – образовании, культуре, экономике, науке, обороне и безопасности [9, с. 31].

На фоне реализации Западом политики давления и сдерживания развития России и Беларуси необходимо «переходить от оборонительной тактики информационного противоборства к наступательной стратегии обеспечения информационно-психологической, а точнее – ментальной безопасности» [11, с. 30]. Указанный автор предлагает разработать и ввести в действие стратегию ментальной устойчивости (безопасности) всего социума и отдельного индивида на платформе традиционных духовно-нравственных ценностей [11, с. 31], которая бы позволила вести целенаправленную и системную работу органов государственного и военного управления противодействия противнику в ментальной войне.

Профессор И. Н. Караваев отмечает, что практическая функция разработанной им концепции ментальной войны «предполагает обоснование и разработку рациональных рекомендаций по подготовке и ведению психологической обороны (наступления), определение их содержания, организации, видов, форм, методов, а также способов и приемов деятельности по защите общественного сознания, ценностей, традиций, норм, в том числе в рамках информационного противоборства» [10, с. 41].

Учитывая тотальность ментальной войны, необходимо понимание сути происходящего не только специалистами информационного пространства, управленцами всех уровней, но и каждым гражданином страны.

Заключение. Безусловно, в изучении ментальной войны как актуальной формы современного насилия еще много «белых пятен». Западные стратеги не планируют раскрыть нам собственные «тайны» ее ведения. Главная наша задача – своевременно вскрывать различные деструктивные замыслы и действия геополитических противников, направленные на подрыв системы национальной безопасности. Целесообразно системно наращивать потенциал исследований в ее сфере. Только научное и интеллектуально-образовательное развитие социальной системы является необходимым условием успешного противостояния в современном насилии. Разрешение проти-

воречия между современными способами насилия и системой национальной безопасности находится в плоскости комплексного совершенствования человека, науки, образования, управления, деятельности. Формула простая, но задача сложнейшая и касается всего общества и государства. Иного пути нет.

Возможно, стоит сформировать в рамках существующих исследовательских и научно-аналитических структур специальные подразделения по анализу и прогнозу философии безопасности, а в учреждениях образования, осуществляющих подготовку управленческих кадров, создать соответствующую кафедру. Наша позиция заключается в том, что дальнейшее повышение уровня научно-аналитического сопровождения принимаемых решений в области государственного и военного управления будет способствовать обеспечению национальной безопасности. Подчеркнем, что глубокое понимание сущности, направлений, применяемых средств, законов, принципов ментальной войны, способов противодействия ментальной агрессии позволит органам государственного и военного управления уточнить практическую составляющую идеологической работы, направленную на консолидацию усилий в укреплении белорусской государственности и национальной безопасности.

Полагаем, что основные практические усилия в противодействии ментальной войне должны быть сосредоточены на реализации положений Конституции Республики Беларусь [17], а также дальнейшем исследовании всего комплекса гибридных угроз, в том числе ментальных, совершенствовании методологии обеспечения национальной безопасности в контексте защиты от невоенных опасностей (угроз).

В интересах совершенствования системы национальной безопасности представляется значимым в контексте противостояния ментальной войне выделить самостоятельную сферу гуманитарной безопасности, нацеленной на сохранение человека как высшей ценности и цели развития общества и государства, цивилизационных основ нашего бытия.

Представленное видение проблем ментальной войны является лишь отправной точкой решения сложнейших задач по выявлению невоенных угроз национальной безопасности, выработке системных мер по заблаговременному блокированию существующих и перспективных угроз нашему государству. Постоянно меняющийся характер военного и невоенного насилия в отношении государства, его противоречивость обуславливают сложность научного познания законов социального насилия. Но это важнейшее условие для управления государственным и военным строительством, обеспечения функционирования всех подсистем национальной безопасности как важнейшего условия сохранения и развития Беларуси.

Список использованных источников

1. Маккиндер, Х. Петля анаконды. Стратегия геополитического превосходства / Х. Маккиндер, З. Бжезинский ; пер. с англ.: М. Тимофеева [и др.]. – М. : Родина, 2020. – 223 с.
2. Бартош, А. А. Сдерживание в военных конфликтах XXI века / А. А. Бартош. – М. : Горячая линия – Телеком, 2021. – 320 с.
3. Анненков, В. И. Информация – ключ к победе в современной войне / В. И. Анненков, В. Ф. Моисеев, В. К. Новиков. – М. : Горячая линия – Телеком, 2021. – 428 с.
4. Ксенофонов, В. А. Антропосфера как важнейший театр современной войны / В. А. Ксенофонов // Выш. шк. – 2021. – № 2. – С. 37–40.
5. Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 20 июля 2016 г., № 412-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11600412>. – Дата доступа: 11.05.2022.
6. Мальцев, Л. С. Основы военной доктрины государства : учеб. пособие / Л. С. Мальцев. – Минск : ВА РБ, 2007. – 265 с.
7. О Военной доктрине Союзного государства [Электронный ресурс] : постановление Высш. Гос. Совета Союз. государства, 4 ноября 2021 г., № 5 // Союзное государство : офиц. сайт Постоян. Ком. Союз. государства. – Режим доступа: <https://www.postkomsg.com/documentation/document/1899/>. – Дата доступа: 02.02.2022.
8. Феномен безопасности в современных условиях : проблемы и перспективы / В. Ю. Арчаков [и др.] ; под общ. науч. ред. В. П. Вишневской. – Минск : ИПС РБ, 2021. – 253 с.
9. Ильницкий, А. М. Ментальная война России / А. М. Ильницкий // Воен. мысль. – 2021. – № 8. – С. 19–33.
10. Караваев, И. Н. Концепция ментальной войны как составная часть учения о войне и армии / И. Н. Караваев // Воен. мысль. – 2022. – № 3. – С. 35–42.

11. Ильницкий, А. М. Стратегия ментальной безопасности России / А. М. Ильницкий // Воен. мысль. – 2022. – № 4. – С. 24–35.
12. Тюшкевич, С. А. О законах войны : вопросы военной теории и методологии / С. А. Тюшкевич. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Проспект, 2017. – 349 с.
13. Дикселис, В. П. Философия и методология науки, военной теории и практики : учеб.-метод. пособие / В. П. Дикселис. – Минск : ВА РБ, 2014. – 103 с.
14. Зимонин, В. П. Проблемы войны и мира : концептуальный взгляд через прошлое в будущее (100-летию С. А. Тюшкевича посвящается) / В. П. Зимонин // Воен. мысль. – 2018. – № 1. – С. 14–27.
15. Устинкин, С. В. Гуманитарные технологии как инструмент разрушения идентичности граждан в современной информационной войне / С. В. Устинкин, А. В. Рудаков // Вестн. акад. воен. наук. – 2017. – № 4. – С. 33–37.
16. Манойло, А. В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию / А. В. Манойло. – М. : Горячая линия – Телеком, 2021. – 496 с.
17. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. – 79 с.

References

1. Mackinder H., Brzezinski Z. *Anaconda loop. A strategy for geopolitical supremacy*. Moscow, Rodina Publ., 2020. 223 p. (in Russian).
2. Bartosh A. A. *Deterrence in military conflicts of the XXI century*. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2021. 320 p. (in Russian).
3. Annenkov V. I., Moiseev V. F., Novikov V. K. *Information – the key to victory in modern war*. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2021. 428 p. (in Russian).
4. Ksenofontov V. A. Anthroposphere as the most important theater of modern warfare. *Vysheishaya shkola* [Higher School], 2021, no. 2, pp. 37–40 (in Russian).
5. Military Doctrine of the Republic of Belarus: approved by the Law of the Republic of Belarus 20.07.2016, no. 412-Z. *National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus*. Available at: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11600412> (accessed 11.05.2022) (in Russian).
6. Mal'tsev L. S. *Fundamentals of the Military Doctrine of the State*. Minsk, Military Academy of the Republic of Belarus, 2007. 265 p. (in Russian).
7. *On the Military Doctrine of the Union State: resolution of the Supreme State Council of the Union State, November 4, 2021, no. 5*. Available at: www.postkomsg.com/documentation/document/1899/ (accessed 02.02.2022) (in Russian).
8. Vishnevskaya V. P. (ed.). *Phenomenon of security in modern conditions: problems and prospects*. Minsk, Institute of the Border Service of the Republic of Belarus, 2021. 253 p. (in Russian).
9. Il'nikskii A. M. Mental warfare in Russia. *Voennaya mysl'* [Military Thought], 2021, no. 8, pp. 19–33 (in Russian).
10. Karavaev I. N. The mental warfare conception as an element of the teaching about war and the army. *Voennaya mysl'* [Military Thought], 2022, no. 3, pp. 35–42 (in Russian).
11. Ilnitsky A. M. The strategy of Russia's mental security. *Voennaya mysl'* [Military Thought], 2022, no. 4, pp. 24–35 (in Russian).
12. Tyushkevich S. A. *On the laws of war (issues of military theory and methodology)*. 2nd ed. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 349 p. (in Russian).
13. Dikselis V. P. *Philosophy and methodology of science, military theory and practice*. Minsk, Military Academy of the Republic of Belarus, 2014. 103 p. (in Russian).
14. Zimonin V. P. Problems of war and peace: a conceptual view through the past to the future (dedicated to the 100th anniversary of S. A. Tyushkevich). *Voennaya mysl'* [Military Thought], 2018, no. 1, pp. 14–27 (in Russian).
15. Ustinkin S. V., Rudakov A. V. Humanitarian technologies as a tool of destruction of the identity of citizens in the modern information war. *Vestnik akademii voennykh nauk* [Bulletin of the Academy of Military Sciences], 2017, no. 4, pp. 33–37 (in Russian).
16. Manoilo A. V. *Information wars and psychological operations. Guide to action*. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2021. 496 p. (in Russian).
17. *Constitution of the Republic of Belarus: with the amendments and additions adopted at the referendums of November 24, 1996, October 17, 2004 and February 27, 2022*. Minsk, National Center of Legal Information of the Republic of Belarus, 2022. 79 p. (in Russian).

Информация об авторе

Ксенофонтов Владислав Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры идеологической работы и социальных наук. Военная академия Республики Беларусь (пр. Независимости, 220, 220057, Минск, Республика Беларусь). E-mail: nksena777@gmail.com

Information about the author

Vladislav A. Ksenofontov – Ph. D. (Philos.), Associate Professor, Professor of the Department of Ideological Work and Social Sciences. Military Academy of the Republic of Belarus (220 Nezavisimosti Ave., Minsk 220057, Belarus). E-mail: nksena777@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 316.74:2(476)
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-4-365-372>

Поступила в редакцию 29.06.2022
Received 29.06.2022

Е. В. Шкурова

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА В БЕЛАРУСИ

Аннотация. Одной из ключевых задач современного религиоведения является осмысление феномена религиозности как отражения религии, которое претерпевает заметные трансформации. Динамика восприятия религии, которое в современных реалиях смещается в поле не только религиозных традиций, требует поиска механизмов осмысления религиозного опыта, релевантных потребностям социальных субъектов. Конфессиональная среда Беларуси характеризуется относительной устойчивостью, в условиях которой динамика религиозности осуществляется преимущественно в сфере качественных трансформаций. Применение многомерного кросс-конфессионального подхода к изучению религиозности обеспечивает возможность ее типологии, отражающей специфику этих трансформаций в условиях поликонфессионального общества. Таким образом, в религиозном поле Беларуси религия выполняет в основном нормативную и мировоззренчески ориентирующую функции.

Ключевые слова: религия, религиозность, трансформация религиозности, типология религиозности, многомерный кросс-конфессиональный подход

Для цитирования: Шкурова, Е. В. Типологические особенности религиозности в условиях современного поликонфессионального общества в Беларуси / Е. В. Шкурова // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 4. – С. 365–372. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-4-365-372>

Alena V. Shkurova

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

TYPOLOGICAL FEATURES OF RELIGIOSITY IN THE CONDITIONS OF MODERN POLYCONFESSIONAL SOCIETY IN BELARUS

Abstract. One of the key tasks of modern religious studies is to comprehend the phenomenon of religiosity as a reflection of religion, which is undergoing noticeable transformations. The dynamics of religion perception, which in modern realities is shifting to the field not only of religious traditions, requires the search for mechanisms for comprehending religious experience that are relevant to the needs of social subjects. The confessional environment of Belarus is characterized by relative stability, in which the dynamics of religiosity occurs mainly in the sphere of qualitative transformations. The application of a multidimensional cross-confessional approach to the study of religiosity provides the possibility of its typology, reflecting the specifics of these transformations in a multi-confessional society. In this connection, it can be judged that in the religious field of Belarus, religion performs mainly normative and ideologically orienting functions.

Keywords: religion, religiosity, transformation of religiosity, typology of religiosity, multidimensional cross-confessional approach

For citation: Shkurova A. V. Typological features of religiosity in the conditions of modern polyconfessional society in Belarus. *Vesti Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 4, pp. 365–372 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-4-365-372>

Введение. В системе социально-гуманитарного знания религия и способ ее отражения – религиозность – устойчиво присутствуют в качестве объекта исследований, но их осмысление является одной из наиболее сложно решаемых задач. Концептуализация религиозности как феномена осуществляется примерно с 1920-х гг. в рамках религиоведения и соответствующих социальных дисциплин с последующей трансформацией механизмов ее понимания. В антропологии религии эта трансформация прослеживается в ее трактовке как универсального фактора социальной и индивидуальной жизни с последующим переходом к пониманию социально-культурной

обусловленности религиозности. В психологии можно отметить изменение от интерпретации религиозности как простого феномена до многомерного. Социология религии начинает ее рассмотрение как групповой характеристики с переходом к учету ее индивидуальной размерности, что легло в основу построения стандартизированных исследовательских методик изучения. В совокупности сложившиеся в социально-гуманитарном знании представления сформировали в религиоведении подход, базирующийся на интерпретации религиозности как многоаспектного явления, проявляющегося в разнообразных формах, причем не только между различными религиозными системами, но и внутри самих религий, и даже в рамках религиозных направлений, и на индивидуальном уровне последователей.

Основная часть. Результатом трансформации обозначенных подходов к пониманию многоаспектности и полифункциональности религиозности является формирование целого ряда разнообразных концептов к интерпретации и операционализации данной категории. Ряд идей основан на попытках поиска функциональных черт религии в других социальных и социально-политических институтах: гражданская (civil) религия Р. Белла (1967) [1], публичная (public) религия Х. Казанова (1994) [2] политическая (political) религия С. Стауэрс (2007) [3], популярная (popular) религиозность в значении «гражданская», или «народная» М. Гарсия (2008) [4], революционная (revolutionary) религиозность А. Шамс (2016) [5].

Заметна группа подходов, связанных с поиском новых религиозных смыслов, в том числе эклектичных, сопряженных с нерелигиозными аспектами повседневности, и, соответственно, направлений функционального влияния религии на жизнь социальных субъектов: псевдо- (pseudo-) религия Й. Вах (1958) [6], квази- (quasi-) религия П. Тиллих (1963), А. Грейл, Д. Руди (1990), Дж. Э. Смит (1994) [7], имплицитная (implicit) религия Э. Бейли (1969) [6], невидимая (invisible) религия П. Бергер, Т. Лукман (1967) [8; 9], кросс-культурная (cross-cultural religiosity) религиозность У. Экхард (1970) [10], ошибочная (being wrong) религиозность У. Шеферд (1974) [11], полисимволическая (polysymbolic) религиозность Л. Кливер (1979) [12], последовательная (consequential) религиозность Дж. Тамни (1985) [13], религиозный бриколлаг (bricolage) Д. Эрвье-Леже (2003) [14; 15], когнитивная религия (в сознании) Й. Сёренсен (2005) [16; 17], гиперреальная (hyper-real) религия А. Поссамаи (2005) [18], открытая (open) религиозность П. Бейер (2013) [19], религиозность, основанная на склонности к использованию «духовных инструментов» М. Уйбу (2016) [20].

Еще одна группа концептов акцентирует внимание на поиске механизмов влияния религиозности на повседневные практики: религиозный супермаркет Г. Мэтьюс (2000) [21], частная и публичная (private and public) религиозность как механизм стимулирования волонтерской деятельности П. Пакстон, Р. Райт, Дж. Глэнвиль (2014) [22], гендерная (gendered) религиозность, определяемая полом, Л. Шнабель (2017) [23], аудиторная / аудиторская (auditee) религиозность, определяющая более высокий этический уровень ведения бизнеса в религиозных странах, Ф. Гуль, А. Нг (2018) [24], современная (modern) религиозность, которая понимается как соответствующая современности религиозная практика, противопоставленная абстрактной «вере» М. Гошадзе (2021) [25].

Многообразие указанных подходов свидетельствует не только о том, что под влиянием факторов социальной динамики трансформируются представления о религиозности, но и о том, что в условиях распространения секулярной культуры удовлетворение религиозных потребностей начинает осуществляться не столько в рамках религиозных традиций, сколько вне их, что в свою очередь требует поиска новых форм выражения религиозного опыта. Это актуализирует вопрос о поиске механизмов интерпретации такого опыта, для чего нужны вариативные объяснительные схемы, соответствующие многообразию форм проявлений религиозности, а также измерительных инструментов, обеспечивающих возможности сопоставления этого многообразия и построения индуктивных выводов.

О некоторой специфике религиозного поля можно судить на основании данных социологических исследований, характеризующих особенности вовлеченности населения в религию, в качестве параметров которой традиционно используются самоотнесение к определенному религиозно-

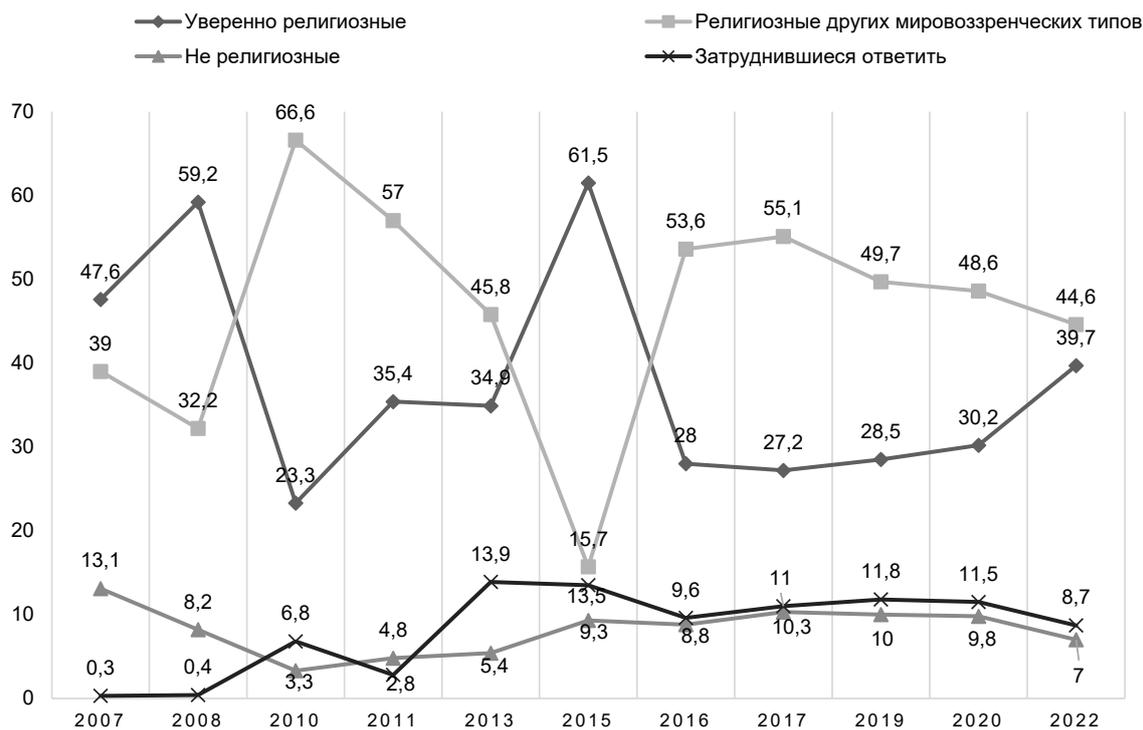

Рис. 1. Динамика религиозно-мировоззренческих типов

Fig. 1. Dynamics of religious and ideological types

мировоззренческому типу и конфессиональная идентификация¹. Совокупность показателей идентификации с определенным религиозным типом характеризует уровень религиозности. При этом если рассматривать религиозность в широком смысле как многоаспектное и сложно структурированное явление, выражающееся в вовлеченности (индивида, группы, общества) в религиозную систему или религиозное движение, которая может проявляться на разных уровнях, то в той или иной степени религиозными можно считать всех тех респондентов, которые не относят себя к нерелигиозному типу. В таком случае уровень религиозности в Беларуси на протяжении последних 10 лет сохраняет относительно устойчивую структуру (общая численность в той или иной степени религиозных людей или затрудняющихся себя идентифицировать составляет около 90 %), а движение происходит между религиозно-мировоззренческими типами (рис. 1).

Конфессиональное поле также характеризуется устойчивостью, обусловленной спецификой исторического присутствия конфессий на территории Беларуси. Это обуславливает и стабильность показателей конфессиональной идентификации населения: приверженность православию приближается к 80 %, около 10 % составляют католики. В числе других конфессий, с которыми связывают себя респонденты, чаще указываются протестантизм, ислам, иудаизм, униатство, старообрядчество (рис. 2).

¹ В 2007–2022 гг. в рамках реализации государственных программ научных исследований Институтом социологии НАН Беларуси осуществляются систематические мониторинговые замеры целого ряда социальных проблем, которые в том числе включали замеры религиозности населения. В качестве генеральной совокупности рассматривалось население страны старше 18 лет. Исследования проводились методом опроса «лицом к лицу» по репрезентативной случайной республиканской территориальной выборке с проверкой квот на последнем этапе (общий объем в разные годы составлял 1500–2100 человек). Замеры осуществлялись во всех регионах Беларуси с соблюдением пропорционального представительства по основным социально-демографическим характеристикам генеральной совокупности (полу, возрасту, образованию). При размере выборочной совокупности в 2100 респондентов она является репрезентативной (ошибка выборки – 2,1 % при уровне значимости $\alpha = 0,05$) по семи регионам республики (6 областей и г. Минск) и зонам проживания (областные центры (население свыше 250 тыс.), крупные города (от 100 до 250 тыс.), большие города (от 50 до 100 тыс.), города с населением от 10 до 50 тыс. и малые города с населением менее 10 тыс., поселки городского типа и сельские населенные пункты).

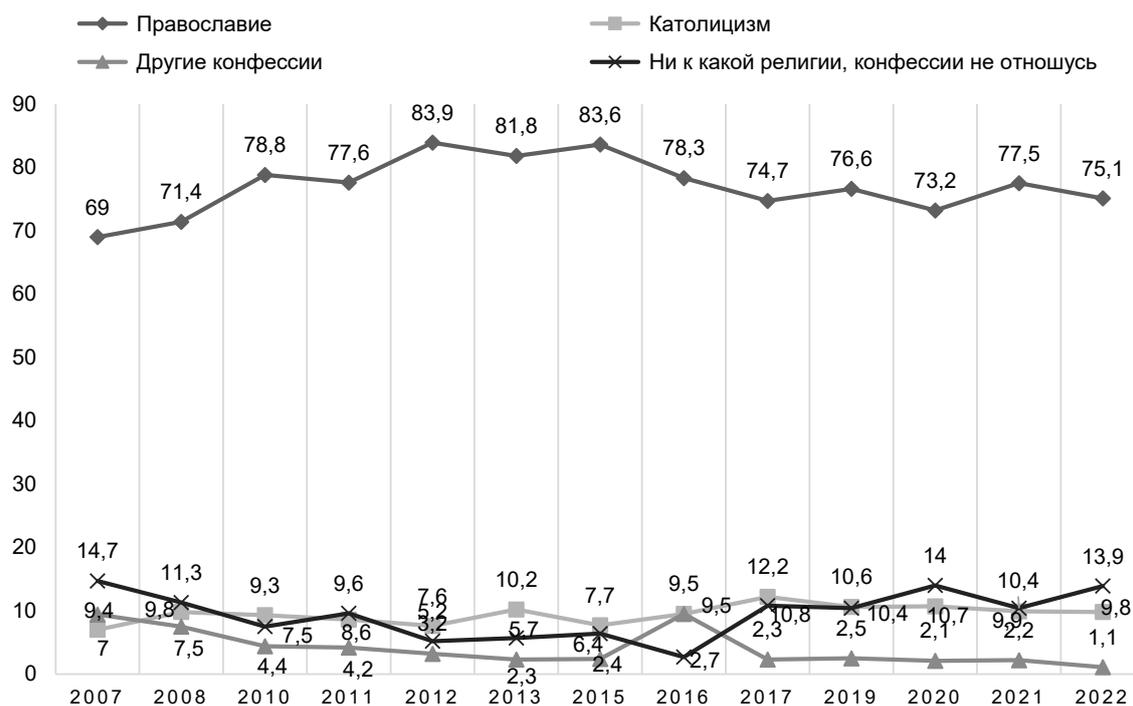

Рис. 2. Динамика конфессиональной идентификации

Fig. 2. Dynamics of confessional identification

Примечательным представляется сопоставление параметров мировоззренческой и конфессиональной идентификации. Среди респондентов, идентифицирующих себя с православием, 42,7 % отнесли себя к уверенно религиозному типу, 49,3 – в той или иной степени к религиозному, 1,6 – к нерелигиозному и 6,1 % затруднились с ответом. Среди приверженцев католицизма значения показателей составили 63,1, 33,6, 0,0 и 2,0 % соответственно. Определенную специфику имеет и нерелигиозная среда: среди респондентов, не считающих себя религиозными, 81,1 % не связывают себя с какой-либо конфессией, еще 17,0 % идентифицируют себя с православием.

Если трактовать религиозность в широком смысле как вовлеченность в религиозную систему, основанную на переживании религиозного опыта как всякого акта участия человека в жизни религиозной традиции (движения), независимо от характера его принадлежности к религии [1, с. 50–51], то можно судить, что в той или иной степени религиозными во всех социальных группах являются 93 % и более респондентов. Это свидетельствует о том, что современная религиозная ситуация в Беларуси характеризуется переходом религии и религиозности в поле качественных трансформаций. Данный факт актуализирует вопрос о поиске механизмов интерпретации религиозности, обеспечивающих возможность отслеживания ее качественных изменений.

Кроме того, при построении методологических оснований исследований необходимо учитывать тот факт, что Республика Беларусь сформировалась как поликонфессиональное государство, и на сегодняшний день сложившаяся ситуация в религиозной сфере предполагает конструирование универсальных измерительных моделей, обеспечивающих изучение религиозности независимо от конфессиональной принадлежности ее носителей и при этом доступность сопоставления и сравнения ее характеристик. Генеральным принципом, обеспечивающим решение поставленных задач, может выступать разработанный многомерный кросс-конфессиональный подход к изучению религиозности. Результатом применения такого подхода является конструирование кросс-конфессиональной типологии религиозности, на основе которой можно судить о специфике религиозной ситуации в Беларуси.

Основой подхода является интерпретация религиозности как интегральной величины, сочетающей различные показатели, по которым можно выявлять ее характеристики и проводить их сравнение. Это обеспечивает возможность отказаться от одностороннего понимания религиозности,

которое не дает возможности проводить сравнение между различными религиозными традициями (например, нельзя сравнить религиозность католика и иудея по регулярности причащения, религиозность православного и мусульманина по частоте исповеди и т. п.). Полученная на основе кросс-конфессиональных показателей интегральная характеристика религиозности становится сравнимой величиной для последователей разных исповедных традиций, направлений, движений, сред. Для такого сравнения необходим поиск ее соответствующих значений, обеспечивающих возможность сопоставления. Основанием для сравнения интегральных значений религиозности является мера ее проявления, эмпирическое выражение которой – степень вовлеченности в религию (показатели ее измерений).

Это позволяет сконструировать теоретическую кросс-конфессиональную типологию религиозности с учетом специфики степеней вовлеченности и особенностей измерений многомерной модели. Компоненты этой модели имеют универсальный характер: все измерения, показатели, переменные шкалированы по степеням вовлеченности в религию, по этим основаниям они подлежат сравнению между собой и сопоставлению с характеристиками типов религиозности. Полученные в ходе эмпирического исследования данные интерпретируются для разных групп респондентов на основе оценки их соответствия степеням (сильная, средняя, слабая, номинальная) и типам религиозности (жертвенная, заинтересованная, абстрактная, декларативная). Они могут отражать как вовлеченность в религиозную систему в целом, так и степень вовлеченности по отдельным измерениям религиозной системы, например, сильная (жертвенная) степень вовлеченности по идейно-мировоззренческому измерению может одновременно соотноситься со средней (заинтересованной) степенью вовлеченности по деятельному измерению и т. п.

Особенности белорусской религиозной среды отражены в таблице. Довольно глубоким можно назвать погружение в идейное содержание (систему представлений) религиозных традиций: религиозные люди преимущественно осведомлены о ключевых исповедных истинах религии, высоко оценивают их значимость и стремятся следовать им. Однако эта осведомленность проявляет себя скорее в отношении общих исповедных положений, знании деталей. Схожая ситуация наблюдается в плане готовности жертвовать ради религии определенными благами, материальными и социальными: значения показателя выше в части словесных заявлений о служении своей религии и снижаются при оценке реальной готовности исповедовать ее. Это свидетельствует о распространенности в идейной религиозной сфере Беларуси заинтересованного и абстрактного типов религиозности, обобщенно соответствующих средней и слабой ее степеням, что свидетельствует об уважении и сочувствии религиозным идеалам без четкого намерения им следовать.

Относительно высокими значениями показателя характеризуется регулярность совершения индивидуальных и коллективных культовых действий, определяющая измерение вовлеченности в систему религиозной деятельности. Однако их значения снижаются при оценке их практикуемых видов: показатели соблюдения норм религиозного благочестия и усилий по религиозному (само)образованию размываются. Параметры религиозной активности выше при оценке регулярности совершения ее определенных форм и снижаются при конкретизации их видов или мотивации. Это свидетельствует о движении от сильной, основанной на искреннем служении религиозной идее, через среднюю к слабой степени религиозности. Соответственно, для деятельного измерения в большей степени характерна частичная распространенность жертвенного и преимущественная – заинтересованного и абстрактного, что предполагает приобщение к религиозной активности как нормативному идеалу.

Высокими значениями показателя декларации принадлежности к религиозным сообществам, которые опять же снижаются при конкретизации указания этих сообществ и статуса в них, а также умеренными значениями показателей значимости сообществ в достижении религиозных целей и участия в их социально-культурной деятельности характеризуется вовлеченность в институциональное измерение религии. Это свидетельствует об относительно широкой распространенности в рамках данного измерения абстрактного, характеризующего уважение к идее без намерения ей следовать, и декларативного, идентифицирующего себя с идеей, типов, а также частичной распространенности заинтересованного типа сочувствующих религиозной идее.

Кросс-конфессиональная типология религиозности населения в современной Беларуси
Cross-confessional typology of religiosity of the population in modern Belarus

Тип религиозности (степень религиозной вовлеченности)	Измерения вовлеченности в религию				Ценности
	Опыт	Представления	Деятельность	Институты	
		Религиозность			
Жертвенный (сильная)	Идейные искания	Идейно- (мировоззренчески) жертвенная	Деятельно- жертвенная	Институционально- жертвенная	Влияние религиозной нормативности
Заинтересованный (средняя)		Идейно- (мировоззренчески) заинтересованная	Деятельно- заинтересованная	Институционально- заинтересованная	
Абстрактный (слабая)	Влияние среды	Идейно- (мировоззренчески) абстрактная	Деятельно- абстрактная	Институционально- абстрактная	
Декларативный (номинальная)		Идейно- (мировоззренчески) декларативная	Деятельно- декларативная	Институционально- декларативная	

Повышает значение степеней вовлеченности и увеличивает удельный вес заинтересованного и жертвенного типа то, что обстоятельства обращения к религии опосредуются преимущественно осмысленностью и потребностью самоопределения. Влияние религиозной позиции на ценностные приоритеты, наоборот, имеет формальный характер, когда религия силой своего авторитета определяет религиозные установки последователей, что повышает значение декларативного типа и смещает степень вовлеченности в сторону номинальной. Таким образом, значения внешних показателей религиозной вовлеченности уравнивают друг друга в силу разной направленности.

На уровне религиозного населения с учетом специфики его вовлеченности во все измерения религии (представления, деятельность, институты) можно отметить, что его религиозность проявляется преимущественно в средней степени, в связи с чем чаще встречается заинтересованный тип, который предполагает сочувствие религии и стремление посылно следовать ее идеалам. Особенности вовлеченности в каждое из измерений религиозной системы (идейное, деятельное и институциональное) дифференцируют степень вовлеченности: в рамках измерения, характеризующего систему религиозных представлений, наблюдается тенденция к распространению идейно- (мировоззренчески) абстрактной религиозности; в измерении религиозной деятельности проявляет себя как деятельно-жертвенная, так и деятельно-абстрактная религиозность; вовлеченность в институциональное измерение характеризуется преимущественно абстрактной и декларативной религиозностью.

Заключение. Характер восприятия социальными субъектами содержания и функций религии раскрывает особенности религиозности конкретного общества в определенном периоде его развития. При этом религия как социальный институт полифункциональна и не только задает смыслы трансцендентного порядка, но и обеспечивает мировоззренческую, нормативно-регулирующую, коммуникативную, ценностную функции. Преобладание в религиозном поле Беларуси заинтересованного и абстрактного типов религиозности свидетельствует о том, что сегодня религия теряет свойственную ей функцию смыслополагания, обеспечивающую установление трансцендентного жизненного ориентира. В современном белорусском обществе религия преимущественно играет роль мировоззренческого ориентира, задающего ценностную рамку, и нормативного регулятора, определяющего границы социально одобряемого поведения. Приоритет таких функций религии при общей высокой оценке ее значимости характерен для обществ, переживающих стадию социальных трансформаций.

Список использованных источников

1. Bellah, R. N. Varieties of civil religion / R. N. Bellah, Ph. E. Hammond. – New York : Harper & Row, 1980. – 208 p.
2. Casanova, J. Public religions in the modern world / J. Casanova. – Chicago ; London : Univ. of Chicago Press, 1994. – 320 p. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226190204.001.0001>

3. Stowers, S. The Concepts of 'Religion', 'Political Religion' and the Study of Nazism / S. Stowers // *J. of Contemporary History*. – 2007. – Vol. 42, N 1. – P. 9–24. <https://doi.org/10.1177/0022009407071628>
4. García, M. T. Eight contemporary catholic popular religiosity and U.S. latinos. Expressions of faith and ethnicity / M. T. García // *Católicos: resistance and affirmation in Chicano catholic history* / M. T. García. – Austin, 2008. – P. 251–276. <https://doi.org/10.7560/718401-010>
5. Shams, A. Religiosity and women's access to higher education in the Islamic Republic of Iran / A. Shams // *J. of Middle East Women's Studies*. – 2016. – Vol. 12, N 1. – P. 126–138. <https://doi.org/10.1215/15525864-3422633>
6. Михельсон, О. К. От «псевдорелигии» и «квазирелигии» к «имплицитной религии». Теологизм в исследованиях современной религиозности / О. К. Михельсон // *Вестн. Орл. гос. ун-та. Сер.: Новые гуманитар. исслед.* – 2014. – № 6 (41). – С. 255–258.
7. Колкунова, К. А. Концепции квазирелигий в современном зарубежном религиоведении : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.14 / К. А. Колкунова ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2013. – 22 с.
8. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Меднум, 1995. – 323 с.
9. Luckmann, T. The invisible religion: the problem of religion in modern society / T. Luckmann. – New York : Macmillan, 1967. – 128 p.
10. Eckhardt, W. Cross-cultural religiosity / W. Eckhardt // *Peace Research*. – 1970. – Vol. 2, N 9. – P. 19–20.
11. Shepherd, W. C. On the concept of «Being Wrong» religiously / W. C. Shepherd // *J. of the Amer. Acad. of Religion*. – 1974. – Vol. 42, N 1. – P. 66–81. <https://doi.org/10.1093/jaarel/xlii.1.66>
12. Kliever, L. D. Polysymbolism and modern religiosity / L. D. Kliever // *The J. of Religion*. – 1979. – Vol. 59, N 2. – P. 169–194. <https://doi.org/10.1086/486684>
13. Tamney, J. B. Consequential religiosity in modern society / J. B. Tamney, S. D. Johnson // *Rev. of Religious Research*. – 1985. – Vol. 26, N 4. – P. 360–378. <https://doi.org/10.2307/3511050>
14. Hervieu-Léger, D. Individualism, the Validation of Faith, and the Social Nature of Religion in Modernity / D. Hervieu-Léger // *The Blackwell companion to sociology of religion* / ed. R. K. Fenn. – Oxford ; Malden, 2003. – P. 161–175. <https://doi.org/10.1002/9780470998571.ch9>
15. Михельсон, О. К. Сакрализация популярного. Методологические подходы к исследованию religion-like феномена в современном религиоведении / О. К. Михельсон // *Вестн. С.-Петерб. ун-та. Философия и конфликтология*. – 2018. – Т. 34, вып. 1. – С. 122–137. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.112>
16. Sørensen J. Religion in consciousness: a review article on cognitive religion. *ReligioPolis* [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.religiopolis.org/religiovedenie/6186-kognitivnoe-religiovedenie-sp-11388.html>. – Date of access: 30.05.2019.
17. Sørensen, J. Religion in mind: a review article of the cognitive science of religion / J. Sørensen // *Numen*. – 2005. – Vol. 52, N 4. – P. 465–494. <https://doi.org/10.1163/156852705775219974>
18. Possamai, A. Religion and popular culture: a hyper-real testament / A. Possamai. – Brussels : PIE-Peter Lang, 2005. – 176 p.
19. Beyer, P. From atheism to open religiosity: Muslim men / P. Beyer // *Growing Up Canadian: Muslims, Hindus, Buddhists* / ed.: P. Beyer, R. Ramji. – Canada, 2013. – P. 74–111.
20. Uibu, M. Religiosity as a cultural toolbox: a study of Estonian new spirituality / M. Uibu. – Tartu : Univ. of Tartu Press, 2016. – 258 p. – (Dissertationes Theologiae Universitatis Tartuensis ; 32).
21. Mathews, G. Global culture/individual identity: searching for home in the cultural supermarket / G. Mathews. – London ; New York : Routledge, 2000. – 228 p.
22. Paxton, P. Volunteering and the dimensions of religiosity: a cross-national analysis / P. Paxton, N. E. Reith, J. L. Glanville // *Rev. of Religious Research*. – 2014. – Vol. 56, N 4. – P. 597–625. <https://doi.org/10.1007/s13644-014-0169-y>
23. Schnabel, L. Gendered religiosity / L. Schnabel // *Rev. of Religious Research*. – 2017. – Vol. 59, N 4. – P. 547–556. <https://doi.org/10.1007/s13644-017-0302-9>
24. Gul, F. A. Auditee religiosity, external monitoring, and the pricing of audit services / F. A. Gul, A. C. Ng // *J. of Business Ethics*. – 2018. – Vol. 152, N 2. – P. 409–436. <https://doi.org/10.1007/s10551-016-3284-6>
25. Goshadze, M. In chase of 'Modern religiosity' / M. Goshadze // *J. of Religion in Europe*. – 2021. – Vol. 14, N 3–4. – P. 246–271. <https://doi.org/10.1163/18748929-bja10057>

References

1. Bellah R., Hammond Ph. *Varieties of civil religion*. New York, Harper & Row, 1980. 208 p.
2. Casanova J. *Public religions in the modern world*. Chicago, London, University of Chicago Press, 1994. 320 p. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226190204.001.0001>
3. Stowers S. The concepts of 'Religion', 'Political Religion' and the Study of Nazism. *Journal of Contemporary History*, 2007, vol. 42, no. 1, pp. 9–24. <https://doi.org/10.1177/0022009407071628>
4. García M. T. Eight contemporary catholic popular religiosity and U.S. latinos. Expressions of faith and ethnicity. *Católicos: resistance and affirmation in Chicano catholic history*. Austin, 2008, pp. 251–276. <https://doi.org/10.7560/718401-010>
5. Shams A. Religiosity and women's access to higher education in the Islamic Republic of Iran. *Journal of Middle East Women's Studies*, 2016, vol. 12, no. 1, pp. 126–138. <https://doi.org/10.1215/15525864-3422633>

6. Mikhelson O. K. From “pseudo-religion” and “quasi-religion” to “implicit religion”. Theologism in the studies of modern religiosity. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye gumanitarnye issledovaniya = Bulletin of Orel State University. Series: New Humanitarian Research*, 2014, no. 6 (41), pp. 255–258 (in Russian).
7. Kolkunova K. A. *Concepts of quasi-religions in modern foreign religious studies*. Abstract of Ph.D. diss. Moscow, 2013. 22 p. (in Russian).
8. Berger P., Luckmann T. *The social construction of reality. A treatise on sociology of knowledge*. New York, Anchor Books, 1966. 219 p.
9. Luckmann T. *The Invisible religion: the problem of religion in modern society*. New York, Macmillan Publ., 1967. 128 p.
10. Eckhardt W. Cross-cultural religiosity. *Peace Research, 1970*, vol. 2, no. 9, pp. 19–20.
11. Shepherd W. C. On the concept of “Being Wrong” religiously. *Journal of the American Academy of Religion*, 1974, vol. 42, no. 1, pp. 66–81. <https://doi.org/10.1093/jaarel/xlii.1.66>
12. Kliever L. D. Polysymbolism and modern religiosity. *The Journal of Religion*, 1979, vol. 59, no. 2, pp. 169–194. <https://doi.org/10.1086/486684>
13. Tamney J. B., Johnson S. D. Consequential religiosity in modern society. *Review of Religious Research*, 1985, vol. 26, no. 4, pp. 360–378. <https://doi.org/10.2307/3511050>
14. Hervieu-Léger D. Individualism, the validation of faith, and the social nature of religion in modernity. *The Blackwell companion to sociology of religion*. Oxford, Malden, 2003, pp. 161–175. <https://doi.org/10.1002/9780470998571.ch9>
15. Mikhelson O. K. Sacralization of the popular. Methodological approaches to religion-like phenomena in contemporary religious studies. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya = Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2018, vol. 34, iss. 1, pp. 122–137 (in Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.112>
16. Sørensen J. Religion in consciousness: a review article on cognitive religion. *ReligioPolis*. Available at: <http://www.religiopolis.org/religiovedenie/6186-kognitivnoe-religiovedenie-sp-11388.html/> (accessed 30.05.2019) (in Russian).
17. Sørensen J. Religion in mind: a review article of the cognitive science of religion. *Numen*, 2005, vol. 52, no. 4, pp. 465–494. <https://doi.org/10.1163/156852705775219974>
18. Possamai A. *Religion and popular culture: a hyper-real testament*. Brussels, PIE-Peter Lang, 2005. 176 p.
19. Beyer P. From atheism to open religiosity: Muslim men. *Growing Up Canadian: Muslims, Hindus, Buddhists*. Canada, 2013, pp. 74–111.
20. Uibu M. *Religiosity as a cultural toolbox: a study of Estonian new spirituality*. *Dissertationes Theologiae Universitatis Tartuensiss*; 32. Tartu, University of Tartu Press, 2016. 258 p.
21. Mathews G. *Global culture/individual identity: searching for home in the cultural supermarket*. London, New York, Routledge, 2000. 228 p.
22. Paxton P., Reith N. E., Glanville J. L. Volunteering and the dimensions of religiosity: a cross-national analysis. *Review of Religious Research*, 2014, vol. 56, no. 4, pp. 597–625. <https://doi.org/10.1007/s13644-014-0169-y>
23. Schnabel L. Gendered religiosity. *Review of Religious Research*, 2017, vol. 59, no. 4, pp. 547–556. <https://doi.org/10.1007/s13644-017-0302-9>
24. Gul F. A., Ng A. C. Auditee religiosity, external monitoring, and the pricing of audit services. *Journal of Business Ethics*, 2018, vol. 152, no. 2, pp. 409–436. <https://doi.org/10.1007/s10551-016-3284-6>
25. Goshadze M. In chase of ‘Modern Religiosity’. *Journal of Religion in Europe*, 2021, vol. 14, no. 3–4, pp. 246–271. <https://doi.org/10.1163/18748929-bja10057>

Информация об авторе

Шкурова Елена Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент, заведующий центром. Институт социологии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск Республика Беларусь). E-mail: vogel_82@mail.ru

Information about the author

Elena V. Shkurova – Ph. D. (Sociol.), Associate Professor, Head of the Center. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: vogel_82@mail.ru

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ГІСТОРЫЯ HISTORY

УДК 930(947.6)
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-4-373-385>

Паступіў у рэдакцыю 29.08.2022
Received 29.08.2022

А. А. Каваленя

Аддзяленне гуманітарных навук і мастацтваў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

ГОД ГІСТАРЫЧНАЙ ПАМЯЦІ – СРОДАК РАЗУМЕННЯ ВЫТОКАЎ І РАЗВІЦЦЯ БЕЛАРУСКАГА НАРОДА

Анотацыя. Аналізуецца складны і проціворучы працэс генезіса, становлення і развіцця беларускага этноса. Понятце «народ» разглядаецца не толькі як гісторыка-этнографічная абшчыннасць, але і як гісторыка-політычная катэгорыя: гісторычна змяняемая абшчыннасць людзей, якая ў працэсе развіцця грамадства аб'ектыўна ўдзельнічае ў матэрыяльным вытворстве, развіцці культуры, палітычнай дзейнасці. Паслядоўны аналіз важнейшых гісторычных этапаў фарміравання беларускага этноса дазволіў выявіць месца беларускага народа ў складаных этнаполітычных падзеях мінулага і геапалітычных вызовах сучаснасці. Паказаны працэс фарміравання беларускага народа, яго роля і месца ў стварэнні нацыянальнай дзяржаўнасці.

Ключевыя словы: гісторычная памяць, беларускі народ, гісторычны працэс, нацыянальная дзяржаўнасць, гісторыка-культурнае наследдзе

Для цытавання: Каваленя, А. А. Год гістарычнай памяці – сродак разумення вытокаў і развіцця беларускага народа / А. А. Каваленя // Весті Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 4. – С. 373–385. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-4-373-385>

Alexander A. Kovalenya

Humanities and Fine Arts Division of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

YEAR OF HISTORICAL MEMORY IS AN EXAMPLE OF A REASONABLE OUTFLOW AND DEVELOPMENT OF THE BELARUSIAN PEOPLE

Abstract. The complex and contradictory process of the genesis, formation and development of the Belarusian ethnos is considered. The perspective of considering the concept of “people” not only as a historical and ethnographic community, but also as a historical and political category is shown: a historically changeable community of people, which in the process of development of society objectively participates in material production, the development of culture, and political activity. A consistent analysis of the most important historical stages in the formation of the Belarusian ethnos made it possible to identify the place of the Belarusian people in the complex ethno-political events of the past and in the geopolitical challenges of our time. Scientific understanding of the process of formation of the Belarusian people, its role and place in the creation of national statehood has shown the decisive role and driving force of the Belarusian people.

Keywords: historical memory, Belarusian people, historical process, national statehood, historical and cultural heritage

For citation: Kovalenya A. A. Year of Historical Memory is an example of a reasonable outflow and development of the Belarusian people. *Vesti Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 4, pp. 373–385 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-4-373-385>

Уводзіны. Сёння ў СМІ, інтэрнэт-прасторы і грамадстве заслужана надаецца вялікая ўвага навуковым дасягненням у галіне цыфравізацыі, рабатызацыі, даследаванням штучнага інтэлекту і генетычных механізмаў, а таксама навукова-тэхналагічным вынаходствам. Разам з тым поспехі ў прыродазнаўчых і тэхнічных навуках зусім не азначаюць змяншэнне ўвагі да сацыяльна-гуманітарных ведаў. Наадварот, на сённяшні дзень іх значнасць нават павялічваецца. Яскравым прыкладам з'яўляюцца адносіны да гісторыі народа – падмурка нацыянальнай дзяржаўнасці, без

якога немагчыма будаваць будучыню. Развіццё грамадства заўсёды цесна звязана з вопытам папярэдніх пакаленняў, таму вельмі важна захаваць і перадаць нашчадкам назапашаныя каштоўнасці народа.

Менавіта з гэтай нагоды 2022 год абвешчаны ў Беларусі годам гістарычнай памяці. Гэта выдатная магчымасць кожнаму асэнсаваць гістарычны шлях продкаў, адкрыць для сябе перспектывы асабістага месца ў жыцці беларускага народа. Год гістарычнай памяці – гэта сродак разумення вытокаў і развіцця беларускага народа, яго таленту, дабыні, адкрытасці, шчырасці, працоўнай і ратнай славы, гераізму і высакароднасці – усяго таго, што дазволіла народам звацца.

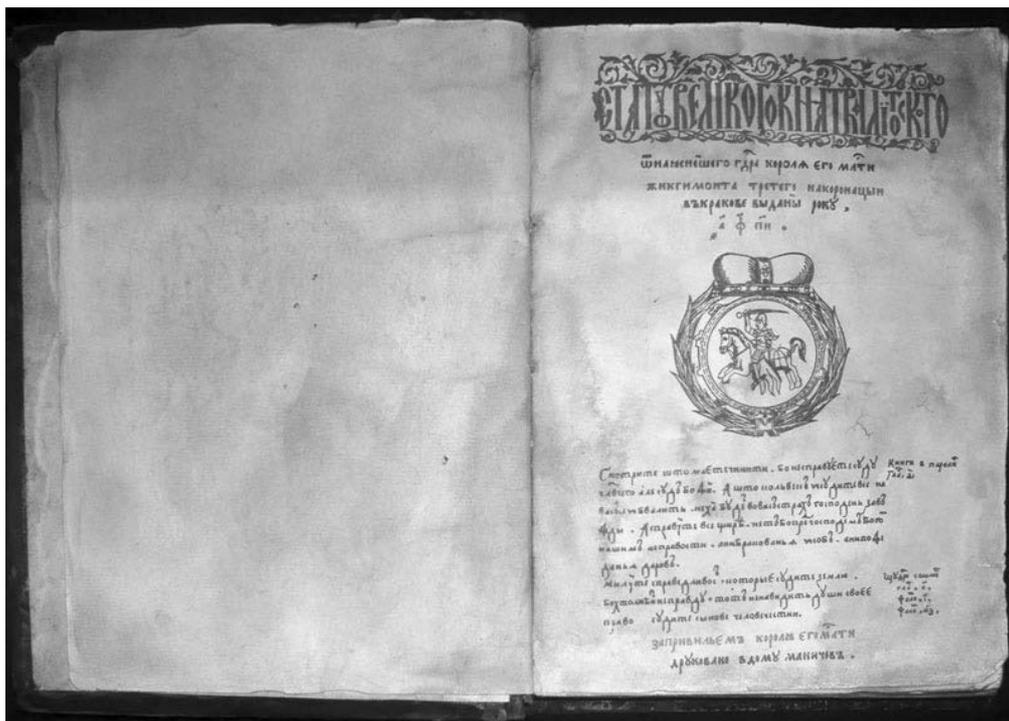
Асноўная частка. Агульнавядома, што гісторыя народа – гэта падмурак, без якога немагчыма будаваць будучыню. Менавіта ў працэсе гістарычнага развіцця грамадства і наладжвання матэрыяльнай вытворчасці людзі не толькі ствараюць і ўдасканалюць прылады працы, але змяняюцца і самі. Гісторыя – гэта бесперапынны працэс змены чалавечай прыроды і ўдасканалення духоўна-светапогляднага пачатку чалавека. Менавіта дзякуючы свядомай і мэтанакіраванай дзейнасці людзей адбываліся эвалюцыйныя пераўтварэнні сістэмы грамадства, жыццядзейнасці ад першабытнага грамадства да вышынь сучаснай цывілізацыі.

Кожны народ у працэсе гістарычнага развіцця выпрацоўвае пэўную сістэму ідэй, уяўленняў, паняццяў і прынцыпаў фарміравання сваёй нацыянальнай супольнасці, формы дзяржаўнага і эканамічнага жыцця і ўзаемаадносін з іншымі народамі. Гэтыя ідэі і ўяўленні, захаваныя ў народных традыцыях і свядомасці людзей, абагульняюцца ў навуковых працах, мастацкіх творах, праграмах палітычных партый і грамадскіх рухах, замацоўваюцца ў канстытуцыях і складаюць аснову дзяржаўнасці. Неабходна адзначыць, што гістарычная памяць – гэта тая дзейная зброя супраць тых, хто імкнецца перапісаць гісторыю беларускага народа на карысць пэўным палітычным намаганням, пазбавіць нас памяці, каб здрадзіць гістарычнаму лёсу народа.

Зразумела, генезіс, станаўленне і развіццё беларускага этнасу – працэс складаны і супярэчлівы. Былі часы, калі нават фізічнае існаванне беларускага народа ставілася пад пагрозу. Вопыт сведчыць, што нашым продкам даводзілася пастаянна адстойваць права на існаванне. У працэсе гістарычнага развіцця фарміраваўся светапогляд беларускага народа і яго эліты, умацоўвалася разуменне неабходнасці цэнтралізацыі ўлады, якая адпавядае інтарэсам большасці народа. Менавіта дадзены вектар сацыяльна-эканамічнага і грамадска-палітычнага развіцця выразна прадстаўлены ў сучаснай Рэспубліцы Беларусь. Найважнейшай задачай улады з'яўляецца абарона народа і яго дзяржаўнасці. Гэтая функцыя ўскладзена на інстытут прэзідэнцкай улады, які ўвасабляе адзінства народа, гарант прагрэсу і паспяховага развіцця беларускага грамадства, правоў і свабод чалавека і грамадзяніна [1, с. 22].

Імкненне зразумець глыбінныя праблемы жыццядзейнасці беларускага народа патрабуе грунтоўнага асэнсавання падзей, якія адбываліся ў працэсе гістарычнага развіцця і барацьбы за захаванне нацыянальнай самасці і ідэнтычнасці. Паглыблены аналіз гістарычнага вопыту беларускага народа будзе спрыяць выяўленню ўнікальнасці светапогляднага і духоўна-культурнага патэнцыялу, асаблівасцей нацыянальнага характару, разуменню важнейшых гістарычных этапаў фарміравання беларускага этнасу, яго месца ў складаных этнапалітычных падзеях, якія адбываліся, а таксама ў геапалітычных выкліках сучаснасці. Навуковае даследаванне старонак нацыянальнай гісторыі ў нашы дні з'яўляецца адной з найважнейшых задач айчынай гуманітарнай навукі. У працэсе гістарычнага развіцця ў міфах і легендах, рэлігійных паданнях і традыцыях, культуры і навуцы назапашаны багаты вопыт жыццядзейнасці народа, на аснове якога фарміруецца яго этнічная, а затым і нацыянальная самасвядомасць.

Значным укладам у даследаванне гісторыка-культурнай і грамадска-палітычнай спадчыны беларускага народа з'яўляюцца працы М. В. Доўнар-Запольскага, Я. Ф. Карскага, В. У. Ластоўскага, У. М. Ігнатоўскага, Ул. І. Пічэты, М. М. Нікольскага, І. М. Ігнаценкі, А. А. Мясешкі, В. К. Бандарчыка, І. С. Краўчанкі, С. А. Падокшына, Я. М. Бабосава, М. Ф. Піліпенкі, В. М. Ляўко, А. І. Лакоткі, Г. В. Штыхава, П. Ф. Лысенкі, А. Г. Калечыц, А. П. Грыцкевіча, М. А. Ткачова, Г. Я. Галенчанкі, Э. М. Загарульскага, А. М. Мацко, А. І. Залескага, М. В. Біча, Ул. Ф. Ладысева, П. І. Зялінскага, В. Ф. Голубева, М. У. Смяховіча, В. І. Семянкова, В. І. Шабайлава, В. А. Круталевіча, І. А. Юхо, Т. І. Доўнар, Р. А. Васілевіча, П. І. Брыгадзіна, Ю. М. Бохана, В. В. Даніловіча,

Статут Вялікага Княства Літоўскага 1529 г.

І. А. Саракавіка, В. Л. Насевіча і многіх іншых. У шматлікіх працах айчынных гісторыкаў з нацыянальна-дзяржаўных пазіцый раскрываюцца адзінства і цэласнасць гістарычнага працэсу, паказаны месца і роля беларускага народа ў сацыяльна-эканамічных і духоўна-культурных дасягненнях Беларусі.

Несумненна, цяжка ўявіць магчымасць развіцця беларускага грамадства без твораў класікаў айчыннай літаратуры, у якіх ярка і маляўніча адлюстравана багацце духоўнага свету продкаў і сучаснікаў беларускага народа, – Паўлюка Багрыма, Францішка Багушэвіча, Вінцэнта Дуніна-Марцінкевіча, Міхася Зарэцкага, Максіма Багдановіча, Якуба Коласа, Янкі Купалы, Максіма Гарэцкага, Цішкі Гартнага, Пятра Глебкі, Кандрата Крапівы, Кузьмы Чорнага, Анатоля Астрэйкі, Адама Бабарэкі, Аркадзя Куляшова, Андрэя Макаёнка, Максіма Танка, Івана Мележа, Івана Шамякіна, Пімена Панчанкі, Івана Чыгрынава, Ніла Гілевіча, Рыгора Барадзіна, Генадзя Бураўкіна, Міхася Мушынскага, Уладзіміра Гніламедава і многіх іншых. У іх творчай спадчыне не толькі распаўсюджвалася жывая і сакавітая беларуская мова, але знаходзілі адлюстраванне многія падзеі сацыяльнага і палітычнага жыцця беларускага народа і яго трагічныя старонкі. Важна адзначыць, што ў творах айчынных класікаў пастаянна гучаў высокі грамадзянскі заклік да народа заняць «свой пачэсны пасад між народамі».

Сёння ў гісторыка-этнаграфічнай класіфікацыі тэрмін «народ» вызначаецца як гістарычная супольнасць, якая склалася з прычыны агульнага гістарычнага развіцця, узаемаўплыву і выпрацоўкі падобных духоўна-культурных і сацыяльна-бытавых асаблівасцей. Зразумела, гэтыя этнічныя прыкметы ў першую чаргу характарызуюць не толькі матэрыяльную і духоўную культуру народа, прылады яго працы, жыллё, адзенне, харчовыя звычкі, абрады, вераванні, сямейныя адносіны, але, што асабліва важна, дапамагаюць выявіць інтэлектуальныя здольнасці людзей да арганізацыі жыццядзейнасці народа.

У навуцы склалася мноства азначэнняў і класіфікацый паняцця «народ»¹. Найбольш ужывальнымі з’яўляюцца: геаграфічная, лінгвістычная, антрапалагічная, гаспадарча-культурная,

¹ Паняцце «народ» выкарыстоўваецца ў разнастайных навуках, выяўляецца міждысцыплінарнай катэгорыяй і адрозніваецца значным аб’ёмам і зместам. У шырокім сэнсе паняцце «народ» падразумявае сацыяльную супольнасць як сукупнасць людзей, аб’яднаных пэўнымі сувязямі і адносінамі (тэрытарыяльнымі, эканамічнымі, палітычнымі, сацыяльнымі, біялагічнымі, гісторыка-культурнымі, духоўна-маральнымі, моўнымі, этнічнымі і інш.).

гісторыка-этнічная, гісторыка-палітычная класіфікацыі. Сутнасць крытэрыяў гэтых класіфікацый адлюстравана ў іх назвах, якія былі распрацаваны адпаведнымі навукамі. У нашым выпадку мы разглядаем паняцце «народ» не толькі як гісторыка-этнаграфічную супольнасць, але і як гісторыка-палітычную катэгорыю. Гэта не застылая субстанцыя, а гістарычна зменлівая агульнасць людзей, якая ў працэсе развіцця грамадства аб'ектыўна ўдзельнічае ў матэрыяльнай вытворчасці, развіцці культуры, палітычнай дзейнасці, духоўна-маральных набытках, сацыяльных і грамадска-палітычных рухах і г. д.

Як ужо адзначалася, паняцце «народ» валодае шэрагам характэрных этнічных, сацыяльных і палітычных прыкмет, якія адрозніваюць яго ад іншых сацыяльных супольнасцей. Да іх у першую чаргу можна аднесці агульную тэрыторыю пражывання, мову, традыцыі, культуру, ідэяна-палітычныя перакананні, светапоглядныя каштоўнасці, рэлігійныя погляды, а таксама этнічнае адзінства. Гэтыя прыкметы многія спецыялісты называюць базавымі, іх сукупнасць з'яўляецца асновай для адасаблення пэўнай сацыяльнай супольнасці і прызнання яе народам.

Падкрэслім, што народ як сацыяльная супольнасць упершыню стаў агульнапрызнаным суб'ектам міжнароднага права толькі ў 1945 г., у выніку замацавання ў Статуте Арганізацыі Аб'яднаных Нацый¹ прынцыпу «раўнапраўя і самавызначэння народаў». Вядома, што прыняты ў 1945 г. Статут ААН пачынаецца словамі: «Мы, народы...» [2].

Варта заўважыць, што ў многіх міжнародна-прававых дакументах прысутнічае тэрмін «народ», але ні ў адным з іх няма разгорнутага азначэння гэтага паняцця з пункта гледжання міжнароднага права. Упершыню паняцце «народ» было фармальна разгледжана толькі ў 1972 г., калі міжнародная камісія юрыстаў аналізавала падзеі, якія адбыліся ва Усходнім Пакістане². Члены камісіі адзначылі, што існуючыя ў свеце чалавечыя супольнасці звычайна маюць агульныя «гістарычныя, расавыя ці этнічныя, культурныя, моўныя, рэлігійныя, ідэалагічныя, геаграфічныя альбо тэрытарыяльныя прыкметы». Было падкрэслена, што «народ пачынае існаваць толькі тады, калі ён усведамляе сваю ўласную ідэнтычнасць і пацвярджае сваю волю да існавання» [3, с. 70].

Нягледзячы на наяўнасць агульных падыходаў да дэфініцыі паняцця «народ», існуе шэраг істотных адрозненняў, абумоўленых як нацыянальнай і гістарычнай спецыфікай, так і асаблівасцямі пазіцыянавання дзяржаў на міжнароднай арэне і, адпаведна, рэалізацыі дзяржаўнай палітыкі ў сферы забеспячэння нацыянальнай бяспекі. Так, аўтары выдадзенага ў 2001 г. «Вялікага юрыдычнага слоўніка» адзначаюць, што дыскусіі на гэтую тэму адбываюцца з XIX ст., але да гэтага часу агульнапрынятага ўсёй міжнароднай супольнасцю азначэння паняцця «народ» не існуе, прычым не толькі ў міжнародна-прававой, але і ў этнаграфічнай літаратуры. На аснове аналізу вялікай колькасці азначэнняў слоўнік трактуе паняцце «народ» як устойлівую супольнасць людзей, якая гістарычна склалася на пэўнай тэрыторыі і адрозніваецца ад астатніх адзінай мовай, асаблівасцямі культуры і псіхікі, а таксама ўсведамленнем свайго адзінства і фіксаванай саманазвай. На «практыцы паняцце “народ” у розных выпадках уключае племя, групу плямёнаў, народнасць, этнічную нацыю, рэлігійную супольнасць, моўную супольнасць» [4, с. 316–317].

Сёння многія даследчыкі справядліва лічаць, што «народ» – паняцце, якое мае канкрэтна-гістарычны змест. Яно змяняецца разам са зменай сацыяльна-эканамічных умоў і зрухаў, якія адбываюцца ў грамадска-палітычнай структуры дзяржавы. Паняцце «народ» «ужываецца звычайна ў двух асноўных значэннях – у палітычна-прававым і культурна-этнічным. У першым выпадку маецца на ўвазе сукупнасць грамадзян пэўнага дзяржаўнага ўтварэння, якія пражываюць на адной тэрытарыяльнай прасторы. У другім выпадку яно азначае супольнасць людзей, у аснове якой знаходзіцца агульнасць мовы, культуры, менталітэту» [5].

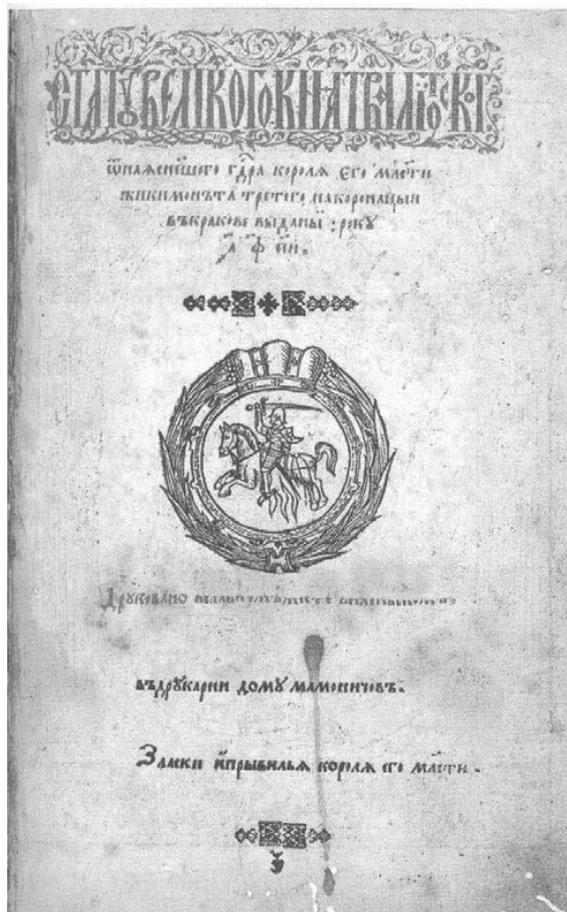
¹ У 1945 г. прадстаўнікі 50 краін прыехалі ў Сан-Францыска на канферэнцыю Аб'яднаных Нацый, прысвечаную стварэнню міжнароднай арганізацыі. На заключным пасяджэнні канферэнцыі 26 чэрвеня 1945 г. быў падпісаны Статут ААН – міжнародны дагавор, які заснаваў міжнародную арганізацыю ААН і стаў дзейнічаць 24 кастрычніка 1945 г.

² У час дзевяцімесячнай вайны за вызваленне Бангладеш, пачынаючы з 26 сакавіка 1971 г., пакістанская армія і члены ісламісцкага апалчэння з Джамаат-і-Ісламі, па розных даных, убілі прыблізна ад 300 000 да 3 000 000 чалавек. Былі пакараны выдатныя бенгальскія інтэлектуалы: 991 вучыцель, 13 журналістаў, 49 урачоў, 42 юрысты і 16 пісьменнікаў, мастакоў і інжынераў, згвалтаваны каля 400 000 бенгальскіх жанчын.

Не паглыбляючыся ў падрабязны аналіз найскладанейшай гісторыка-антрапалагічнай з’явы – этнагенезу¹, заўважым, што дэфініцыя паняцця «народ» да сённяшніх дзён выклікае спрэчкі сярод навукоўцаў і палітыкаў. Так, класікі марксізму ў свой час разглядалі гістарычны працэс з пункта гледжання тых, хто яго ажыццяўляе. Вырашальная роля народных мас у гісторыі вызначалася тым, што ў аснове забеспячэння развіцця чалавецтва і грамадскага прагрэсу знаходзіцца працоўная дзейнасць людзей. Менавіта людзі выступаюць найважнейшым элементам прадукцыйных сіл, якія складаюць найбольш рухомую частку спосабу вытворчасці. Навуковая тэорыя марксізму звязвае пераўтварэнні грамадскага развіцця з рэвалюцыйнай барацьбой пралетарыяту, зацікаўленага ў карэнных зменах не толькі дзеля ўласных інтарэсаў, але і на карысць усяго чалавецтва. У прыватнасці, К. Маркс падкрэсліваў, што «трэба мець на ўвазе не столькі інтарэсы пэўных асоб, хоць бы самых выдатных, колькі зацікаўленасць, якая прыводзіць у рух вялікія масы людзей, цэлыя народы, а ў кожным народзе, у сваю чаргу, цэлыя класы. Ды і тут важныя не кароткачасовыя выбухі, а працяглы дзеянні, якія выклікаюць вялікія гістарычныя перамены» [6, с. 306–308].

Нельга не заўважыць таго, што існуе нямала тэорый, якія адмаўляюць вырашальную ролю народа ў гістарычным працэсе. Некаторыя лічаць, што праблема народных мас набывае ў эпоху глабалізацыі і постмадэрнізму новае гучанне. Вядома, што паслядоўнікі постмадэрнізму не толькі пераглядаюць практычна ўсе фундаментальныя філасофскія катэгорыі, але і ажыццяўляюць «паслядоўнае і свядомае разбурэнне катэгарыяльнага апарату філасофіі» [7, с. 54]. Больш таго, расійскі філосаф В. У. Дзянісаў адзначае, што сёння адбываецца ўсё больш «шырокае ўварванне» некаторых тэарэтыкаў у палітыку. Прычым аўтар падкрэслівае, што, па некаторых ацэнках, «гэта з’ява ўяўляе галоўную праблему сучаснасці, паколькі адбываецца фарміраванне якасна новай масы, якая валодае адмысловымі ўласцівасцямі і тыпалагічнымі рысамі. Народ, лічаць яны, з «дапамогай разнастайных механізмаў парламентарызму, дэмакратычных прынцыпаў кіравання і грамадзянскай роўнасці, павышэння адукацыйнага і культурнага ўзроўню стаў фактычна ўключаны ў сістэму ўлады. Сацыяльная мабільнасць, якая рэзка павялічылася, пацягнула за сабой узнікненне «недыферэнцыраванай масы», прадстаўленай самымі рознымі пластамі грамадства. Масавы чалавек стаў пераважным і пануючым фактарам ва ўсіх сферах жыцця развітых соцыумаў» [5, с. 32].

Разам з тым у некаторых сучасных даследаваннях звяртаецца ўвага на тое, што «прыналежнасць да нацыі вызначаецца чалавекам у працэдурах самаідэнтыфікацыі, «нацыя» разумеецца не як «група», а як «сацыяльная супольнасць», г. зн. сацыякультурная супольнасць людзей, палітычна аб’яднаных у адной дзяржаве, якая звязана з дапамогай уяўлення і згуртавана

Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 г.

¹ Этнагенез (ад грэч. *ἔθνος* – «племя, народ» і *γένεσις* – «паходжанне») – працэс фарміравання этнічнай супольнасці (этнасу) на базе разнастайных этнічных кампанентаў. У навуцы да сённяшняга дня няма адзінага меркавання наконт вызначэння, а таксама падыходаў да ключавых складнікаў гэтай з’явы. Этнагенез беларусаў – гістарычны працэс фарміравання беларускага этнасу. Сярод вучоных не існуе адзінага меркавання пра час з’яўлення беларусаў як этнасу, а таксама пра продкаў сучасных беларусаў. Існуюць некалькі прынцыпова розных канцэпцый этнагенезу беларусаў.

Гістарычны слоўнік беларускай мовы: у 37 т.

агульнымі пачуццямі ідэнтычнасці і салідарнасці, агульнымі каштоўнасцямі мінулага і сучаснасці» [8, с. 5–6].

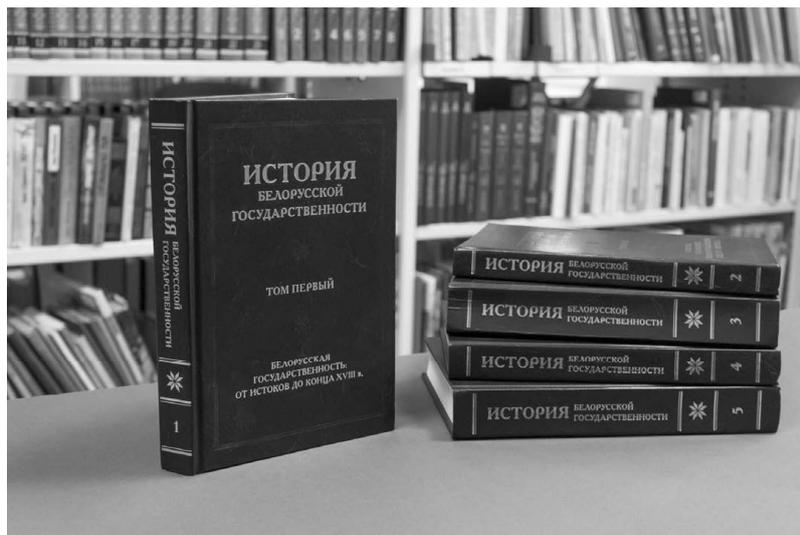
Як бачым, нават невялікі экскурс у асэнсаванне праблемы паняцця «народ», вызначэнне яго сутнасці і дынамікі гістарычнага развіцця адлюстроўваюць разнастайнасць навукова-метадалагічных падыходаў і наяўнасць шэрагу нявырашаных праблем, якія ўжо сёння патрабуюць навуковага аналізу, каб паспяхова, на дзяржаўным узроўні, ажыццяўляць абарону народа Беларусі.

Зварот да гісторыі нацыянальных традыцый беларускага народа паказвае, што нашы продкі ўжо з глыбокай старажытнасці збіралі і назапашвалі матэрыялы легендаў і паданняў. Гэта дазволіла адлюстраваць многія сюжэты жыцця людзей у творах вуснай народнай творчасці. Аб народзе складалі і спявалі песні, расказвалі легенды, у якіх прысутнічаюць спецыфічныя рысы, якія вызначаюцца беларускай традыцыяй. У іх адлюстроўваюцца найважнейшыя асаблівасці народнага жыцця з самых старажытных часоў. Гучаць напевы аб пераадоленні чалавекам прыроднай стыхіі, любові да роднага краю, яго мары і глыбокі аптымізм, надзея на лепшае жыццё і нянавісць да захопнікаў. Вопыт ранейшых пакаленняў захоўваўся ў народнай памяці, замацоўваўся ў гістарычных паданнях, дапамагаў людзям разбірацца ў складаных пытаннях гістарычных падзей.

У айчынай гістарыяграфіі, этнаграфічных працах, даследаваннях навукоўцаў-гісторыкаў, філосафаў, гісторыка-прававых працах вучоныя назапасілі багатыя матэрыялы, якія паказваюць, што першыя этнічныя супольнасці на землях Беларусі склаліся ў глыбокай старажытнасці і былі прадстаўлены родаплемяннымі ўтварэннямі, якія пакінулі пасля сябе шэраг археалагічных культур з тыповымі для іх прыкметамі. Такія культуры выяўлены ўжо ў фінальным палеаліце і мезаліце, ёсць падставы лічыць, што іх пакінулі плямёны розных этнічных груп, якія паслужылі генезісу і фарміраванню беларускага этнасу. Вынікі археалагічных і этнаграфічных даследаванняў пацвярджаюць, што этнічным субстратам фарміравання на беларускіх землях этнасу з'яўляліся плямёны крывічоў, дрыгавічоў і радзімічаў [9, с. 59–156].

У працэсе гістарычнага развіцця продкам беларускага народа, які выбраў дзіўнае месца пражывання ў цэнтры Еўропы, на географічным водападзеле, на духоўна-культурным разломе еўрапейскай прасторы, прыйшлося пераадольваць шматлікія цяжкасці. На гэтым геапалітычным скрыжаванні адбываліся не толькі міжэтнічныя кантакты і ўзбагачэнне культур, але і частае сутыкненне эканамічных і духоўна-культурных інтарэсаў, што выклікала шматлікія міжэтнічныя і міжканфесійныя канфлікты, паўстанні і кровапралітныя войны.

На працягу многіх стагоддзяў продкам беларускага народа даводзілася пастаянна адчуваць то заходні, то ўсходні цывілізацыйны ўціск. Дзіўна, але факт: беларускі народ, прайшоўшы праз многія нягоды і шматлікія ваенныя выпрабаванні, паўстанні і войны, палітычныя і эканамічныя

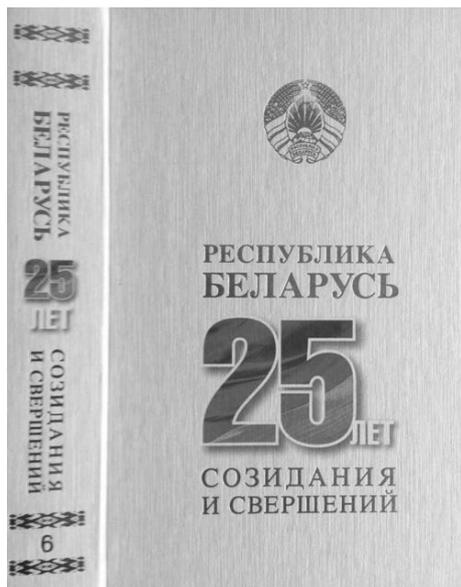
Гісторыя беларускай дзяржаўнасці: у 5 т.

ўзрушэнні, выстаяў, не сышоў з гістарычнай авансцэны, захаваў і пранёс праз стагоддзі традыцыі і духоўна-культурныя каштоўнасці продкаў, больш таго – адстаяў сваё права на самастойнае развіццё. Несумненна, пастаянныя ваенна-палітычныя і сацыяльна-эканамічныя выпрабаванні ў значнай меры не толькі прадвызначылі вектар этнакультурнага, сацыяльна-эканамічнага і духоўна-светапогляднага развіцця, але і загартавалі характар беларускага народа, умацавалі яго веру ў магчымасць пабудовы нацыянальнай дзяржаўнасці. Менавіта глыбінная нацыянальная самабытнасць беларускага народа, самаахвярная вернасць традыцыям продкаў з’явіліся аб’ектыўным фактарам таго, што Беларусь ніколі ў гісторыі не з’яўлялася залежнай тэрыторыяй, тым больш, калоніяй Захаду ці Усходу.

Агульнавядома, што ў працэсе гістарычнага жыцця ў грамадскай свядомасці народаў выпрацоўваецца пэўная сістэма духоўна-культурных каштоўнасцей, ідэй, уяўленняў, паняццяў, прынцыпаў, якія адлюстроўваюць найбольш агульныя заканамернасці нацыянальнай самабытнасці, формы сацыяльна-эканамічнай і дзяржаўна-прававой жыццядзейнасці, а таксама арганізацыю ўзаемаадносін з іншымі народамі. Назапашанае многімі пакаленнямі багацце народных традыцый і духоўна-культурных каштоўнасцей замацоўвалася ў грамадскай свядомасці народа і перадавалася ад пакалення да новых пакаленняў у народных традыцыях. Найбольш таленавітыя лідары інтэлектуальнай нацыянальнай эліты абагульнялі і замацоўвалі найкаштоўнейшыя ідэі і ўяўленні ў навуковых працах, творах літаратуры і мастацтва, праграмах грамадскіх рухаў і палітычных партый, якія складаюць тэарэтычную аснову грамадскага жыцця і магчымасці пабудовы народам сваёй дзяржаўнасці.

На беларускіх землях, дзякуючы таленту і самаадданай працы Еўфрасінні Полацкай і Кірылы Тураўскага, ужо ў XII ст. быў пакладзены пачатак асветніцкай дзейнасці. Актыўнае абуджэнне нацыянальнай ментальнасці і нацыянальнай самасвядомасці непарыўна звязана з асветніцкай дзейнасцю Ф. Скарыны, М. Гусоўскага, Я. Вісліцкага, А. Волана, С. Буднага, М. Радзівіла, В. Цяпінскага, А. Рымшы, Л. Сапегі, М. Сматрыцкага, Л. Зізанія, К. Лышчынскага і многіх іншых [10–12].

Менавіта дзякуючы іх падзвіжніцкай дзейнасці нашы продкі задоўга да многіх еўрапейскіх народаў (у тым ліку немцаў і італьянцаў, французцаў і палякаў) атрымалі пераклад Бібліі на мове свайго народа: «... Всих на свете христианских народов в слове божьем прозревши, сами одни только того были доказали, же подлуг науки апостольское своим влосным [власным] языком от так давного часу слово боже выложили имели и нам zostавили. В чом иные вси народы их прикладом, ледве се аж за тых наших веков обачили, и до того што не без малого забуреня и ображеня пришли, же слово боже з латинских и иных писмь, своим теж языком приржоним перекладати и читати почали», – адзначаў В. Цяпінскі ў прадмове да перакладу Бібліі [11, с. 23].

Рэспубліка Беларусь – 25 год стварэнняў і здзяйсненняў

рускага народа. Менавіта дзякуючы дасягненням творчай думкі асветнікаў, іх самаахвярнай падзвіжніцкай дзейнасці, фарміраваліся асноўныя прыкметы беларускай народнасці, а насельніцтва беларускіх зямель Вялікага Княства Літоўскага стала паступова ўсведамляць сябе самастойным народам.

Пераканаўчым сведчаннем фарміравання этнічнай свядомасці нашых продкаў з’яўляюцца даследаванні не толькі гісторыкаў, але і вучоных-філолагаў філіяла «Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа» Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, якія выкладзены ў 37-томным «Гістарычным слоўніку беларускай мовы»¹. У фундаментальным выданні прадстаўлены каля 75 тысяч слоў старабеларускай літаратурна-пісьмовай мовы рукапісных і друкаваных крыніц XIV – XVIII стст. Мовазнаўцы прааналізавалі каля 120 старажытных кніг і рукапісаў (летапісы, хронікі і хранографы, воінскія і рыцарскія аповесці і раманы, мемуарныя і публіцыстычныя творы, жыцці, павучэнні, біблейскія тэксты, статуты), а таксама тысячы старонак актавых матэрыялаў (прывілеі, судовыя рашэнні, тастаменты, міждзяржаўныя дагаворы і пагадненні). Выдатныя даследчыкі скрупулёзна прааналізавалі лексіку Францыска Скарыны і Сымона Буднага, Фёдара Еўлашоўскага і Мялецця Сматрыцкага, Іпація Пацея і Пятра Скаргі, а таксама многіх іншых вядомых і невядомых асоб, чые імёны не захаваліся да нашых дзён. Неабходна падкрэсліць, што менавіта ў гэтай капітальнай працы знаходзіцца адказ на пытанне, хто такія беларусы і чаму яны завуцца высокаразвітым еўрапейскім народам. Фактычна ў гэтай фундаментальнай працы на 14 136 старонках змешчаны 500 гадоў беларускай гісторыі. Возьмем на сябе смеласць адзначыць, што «Гістарычны слоўнік беларускай мовы» – гэта не толькі навуковы праект стагоддзя беларускай гуманітарнай навукі, але і ґрунтоўны духоўны інстытут адстойвання самабытнасці беларускага народа.

Назапашаны вопыт нацыянальна-культурных традыцый, грамадзянска-патрыятычных ідэалаў і каштоўнасцей знайшоў увасабленне ў гісторыка-прававых дакументах Вялікага Княства Літоўскага. Ужо ў Статутах, прынятых у 1529, 1566 і 1588 гг., быў упершыню ўпарадкаваны

Сёння многія даследчыкі прыводзяць новыя факты значнага ўплыву нацыянальных асветнікаў на фарміраванне духоўна-культурнага светапогляду продкаў беларускага народа. Так, Я. М. Бабосаў адзначае каштоўнасць іх творчай спадчыны. «У пяцідзсяці прадмовах да біблейскіх тэкстаў і ў шасцідзсяці двух пасляслоўях, напісаных выдатным асветнікам Ф. Скарынам, – падкрэслівае акадэмік, – прысутнічае адно з найважнейшых этычных якасцей народа – “згода”. У гэтай якаснай ацэнцы ўвасаблялася імкненне людзей да грамадзянскага і сацыяльнага самаадданага, нават ахвярнага служэння свайму народу і Айчыне, “каб усялякіх намаганняў, і каштоўнасцей для агульнага добра, і Айчыны сваёй ніколі не шкадавалі”» [13, с. 6–7].

Адзначым, што менавіта пад уплывам ідэй цэлай плеяды асветнікаў адбываліся духоўна-культурныя і сацыяльна-палітычныя працэсы і падзеі ва ўсе наступныя перыяды айчыннай гісторыі. Гістарычны вопыт сведчыць аб тым, што калі аднойчы нарадзілася нацыянальная ідэя, то ўжо яна ніколі не сыходзіла з грамадскай свядомасці беларускага народа.

¹ «Гістарычны слоўнік беларускай мовы» ствараўся амаль 60 гадоў. Апошні том выдадзены ў 2017 г. Агульны аб’ём выдання складае 14 136 старонак. Слоўнікавыя артыкулы распрацоўвалі некалькі пакаленняў беларускіх мовазнаўцаў, у іх ліку А. Жураўскі, А. Булыка, Т. Блізнюк, І. Будзько, П. Вярхоў, Р. Гамзовіч, А. Груца, Н. Паляшчук, Н. Кажура, І. Крамко, З. Кудрэйка, Г. Лапцёнак, В. Мяснікова, А. Напорка, Н. Пышкала, Л. Рабаданава, С. Рапацэвіч, У. Свяжынскі, З. Турцэвіч, А. Хромчанка, Г. Ціванова, Л. Шыпалава, Г. Федарэнка, Э. Ялоўская, А. Яновіч, Э. Ярмоленка. У працэсе навуковай працы створана картатэка, якая налічвае 1 мільён 60 тысяч картак і ўжо сама па сабе з’яўляецца культурнай каштоўнасцю, бо прадстаўляе ўнікальнае сховішча лексікі даўняй беларускай пісьменнасці.

Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 г. і Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь

гістарычны падзел грамадства на саслоўі (шляхта, духавенства, мяшчане і людзі простыя), вызначалася іх месца ў сацыяльнай іерархіі, заканадаўча замацоўваліся іх правы і абавязкі. Менавіта ў XVI ст. значна актывізаваўся працэс фарміравання беларускай народнасці, развіцця мовы і культуры [14–16].

Няпростым для беларускага народа быў перыяд знаходжання яго ў складзе Рэчы Паспалітай. Вядома, што з канца XIV ст. Вялікае Княства Літоўскае зблізілася з Польскім каралеўствам. Аднак толькі ў 1569 г. на Люблінскім сейме адбылося канчатковае афармленне Уніі і ўтварэнне агульнай дзяржавы – Рэчы Паспалітай. Аб’яднанне ВКЛ з Польшчай ускладніла не толькі развіццё Княства, але і працэс фарміравання беларускага народа. Эліта Рэчы Паспалітай не была зацікаўлена ў развіцці беларусаў як самастойнага народа. Больш таго, рабілася ўсё магчымае, каб сцерці з памяці беларускага народа яго этнічную прыналежнасць. З дзяржаўнага і судовага справаводства паступова выцясялася беларуская мова, а ў 1696 г. яе выкарыстанне як афіцыйнай і пісьмовай мовы было спынена. Ні ва ўрадавых пастановах, ні ў заканадаўчых актах, ні ў прынятых у 1791 і 1793 гг. канстытуцыях не былі адзначаны правы этнічных беларусаў, а таксама іх роля ў стварэнні Рэчы Паспалітай. У выніку мэтанакіраванай палітыкі ўжо ў канцы XVIII ст. большая частка беларускіх магнатаў і шляхты перайшлі ў каталіцызм, арыентуючыся на польскія нацыянальна-культурныя традыцыі. Фактычна беларускі этнас быў разарваны: першую частку складаў так званы палітычны народ (прывілеяваная эліта і шляхта), а другую – праваслаўнае сялянства і бедныя жыхары гарадскіх паселішчаў. Усё гэта ў сукупнасці з сацыяльна-эканамічнымі і ваенна-палітычнымі праблемамі Рэчы Паспалітай адмоўна адбілася на фарміраванні беларускай этнасацыяльнай супольнасці [17, с. 58–59].

У выніку трох падзелаў Рэчы Паспалітай (1772, 1793 і 1795 гг.) беларускія землі былі ўключаны ў склад Расійскай імперыі, што прывяло да ажыўлення гаспадарчага жыцця і актывізацыі нацыянальнай самаідэнтыфікацыі беларусаў. Былі выдадзены гісторыка-этнаграфічныя працы М. Доўнар-Запольскага, У. Завітневіча, М. Янчук, А. Слупскага, у якіх выразна паказваліся нацыянальны дух беларускага жыцця і існаванне беларусаў.

Зараджаўся і пачынаў развівацца беларускі нацыянальна-вызваленчы рух. Ужо ў 90-я гг. XIX ст. у Пецяярбургу і Маскве дзейнічалі гурткі беларускіх студэнтаў, якія пад уплывам сацыял-дэмакратычных ідэй разганулі актыўную нацыянальна-культурную асвету. У 1882 г. студэнты Пецяярбургскага ўніверсітэта А. Марчанка і Х. Ратнер ствараюць групу «Гоман», якая ў 1884 г. пачала выдаваць нелегальны часопіс «Гоман». Упершыню ў гісторыі грамадскай думкі Беларусі гоманаўцы заявілі пра існаванне самастойнага беларускага народа і сфармулявалі прынцыпы вырашэння нацыянальнага пытання [18, с. 87–88].

Нацыянальную самасвядомасць беларускага народа спрабавала абмеркаваць і група ліберальнай інтэлігенцыі ў складзе М. Доўнар-Запольскага, У. Завітневіча, А. Слупскага, Я. Неслухоўскага і іншых, якая склалася ў 1880-я гг. вакол газеты «Мінскі лісток». Упершыню пачалі адкрывацца беларускія пачатковыя школы. Непадалёк ад Стоўбцаў Я. Колас арганізаваў нелегальную школу,

навучанне ў якой ажыццяўлялася на беларускай мове. Значны ўклад у развіццё нацыянальнай школы ўнеслі Цётка (А. Пашкевіч), К. Каганец, М. Багдановіч, В. Ластоўскі, Я. Купала, Я. Колас, С. Палуян. Напрыклад, Цётка напісала для дзяцей кнігі «Першае чытанне для дзетак беларусаў», «Гасцінец для малых дзяцей», «Лемантар». Былі заснаваны першыя беларускія выдавецтвы – «Загляне сонца і ў наша ваконца», «Наша Ніва», «Наша Хата», «Саха», «Палачанін». З’явіліся перыядычныя выданні: газеты «Наша Ніва», «Наша доля», «Гоман», «Беларус», часопісы «Лучынка», «Саха», «Крапіва», альманах «Маладая Беларусь», у якіх друкаваліся творы Я. Купалы, Я. Коласа, М. Багдановіча, А. Гаруна, Ц. Гартнага, З. Бядулі, М. Гарэцкага. Галоўнай тэмай літаратурных твораў пачатку ХХ ст. з’яўляліся гістарычныя лёсы беларускага народа [19–20].

На аснове нацыянальна-культурных гурткоў у 1902–1903 гг. арганізацыйна аформілася першая беларуская палітычная партыя – Беларуская рэвалюцыйная грамада (БРГ), якая неўзабаве была перайменавана ў Беларускую сацыялістычную грамаду (БСГ). Яе стваральнікамі былі браты Іван і Антон Луцкевічы, А. Пашкевіч (Цётка), К. Кастравіцкі (Карусь Каганец), А. Бурбіс, В. Іваноўскі, Ф. Умястоўскі. Лідары Грамады лічылі, што пасля афармлення нацыянальнай сама-свядомасці мясцовых жыхароў з’явіцца магчымасць паставіць пытанне аб праве беларусаў на сваю нацыянальную дзяржаву [21, с. 305–391].

Несумненна, прыкметнай падзеяй пачатку ХХ ст., якая паўплывала на зацвярджэнне беларускага нацыянальнага руху і афармленне дзяржаўнасці і прававога статусу беларускага народа, з’явіўся Усебеларускі з’езд, скліканы ў снежні 1917 г. у Мінску. На гэтым з’ездзе ўпершыню ў гісторыі было абвешчана аб стварэнні беларускай дзяржавы. Ужо ў часовай канстытуцыі БНР з’явілася першая спроба сфармуляваць права беларускага народа на ўладу. Аднак складанае развіццё грамадска-палітычных падзей не дазволіла ў той перыяд прыняць канстытуцыйны дакумент.

У беларускіх канстытуцыях, прынятых у 1919, 1927, 1937 і 1978 гг., не было канстытуцыйнага замацавання паняцця «беларускі народ» і «народаўладдзе». Па-першае, Канстытуцыя БССР, прынятая 3 лютага 1919 г., характарызавалася як дакумент рэвалюцыйнага часу, які быў прыняты ў выніку гвалтоўнай змены грамадскага і дзяржаўнага ладу і скасоўваў усе ранейшыя прававыя ўстаноўкі, якія існавалі да рэвалюцыі. «Уся ўлада ў межах Сацыялістычнае Савецкае Рэспублікі Беларусі, – адзначалася ў дакуменце, – належыць усяму рабочаму насельніцтву, аб’яднанаму ў гарадскіх і сельскіх Саветах». Канстытуцыя БССР, прынятая 11 красавіка 1927 г. VIII Усебеларускім з’ездам Саветаў рабочых, сялянскіх і чырвонаармейскіх дэпутатаў, абвясціла рэспубліку дзяржавай дыктатуры пралетарыяту, уся ўлада ў якой «належыць Саветам рабочых, сялянскіх і чырвонаармейскіх дэпутатаў». У Канстытуцыі 1937 г. былі адлюстраваны факт перамогі сацыялізму, пабудова дзяржавы сацыялістычнай сістэмы гаспадарання, пераростанне дыктатуры пралетарыяту ў агульнанародную дзяржаву, абвешчана ўсеагульнае выбарчае права, замацавана роўнасць грамадзян, пашырана кола правоў і свабод асобы. Канстытуцыя БССР 1978 г. абвясціла пабудову развітога сацыялізму і агульнанароднай дзяржавы, галоўнай сілай у грамадстве і дзяржаве з’яўлялася кампартыя, органы дзяржаўнай улады былі па сутнасці яе прыдаткам [22]. Як вынікае з гэтых важнейшых дзяржаўных дакументаў, катэгорыя «народ як вядучая сіла развіцця грамадства» не была канстытуцыйна замацавана.

Становішча, якое склалася ў 90-х гг. ХХ ст., падштурхнула развіццё грамадска-палітычных падзей. У гэты перыяд адбыліся рэспубліканскія рэферэндумы, а таксама выбарчая кампанія ў прадстаўнічы орган Рэспублікі Беларусь. Важнай палітычнай падзеяй стала прыняцце 15 сакавіка 1994 г. на трынаццатай сесіі Вяроўнага Савета Рэспублікі Беларусь дванаццатага склікання Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь. Канстытуцыя ўсталявала новую – прэзідэнцкую форму дзяржаўнага кіравання і з’явілася важным крокам на шляху стварэння прававой дзяржавы, у якой забеспячэнне правоў і свабод чалавека было прыярытэтным кірункам дзейнасці ўсіх дзяржаўных органаў. У прэамбуле Асноўнага закона ўпершыню ў гісторыі беларускага народа было запісана: «Мы, народ Рэспублікі Беларусь...».

Зразумела, стратэгія сацыяльна-эканамічнага і грамадска-палітычнага развіцця краіны патрабуе сталай працы, накіраванай на ўмацаванне духоўна-культурнай сферы грамадства і захаванне адзінства дзяржавы. У мэтах паспяховага вырашэння гэтых задач архіважна накіроўваць намаганні на ўдасканаленне дыялогу ў грамадстве. Прычым у прымаемых рашэннях мэтазгодна

Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь

пастаянна падкрэсліваць канстытуцыйную законнасць і неабходнасць іх прыняцця ў адпаведнасці з інтарэсамі большасці беларускага народа. Менавіта з гэтай нагоды ў прэамбуле новай рэдакцыі Канстытуцыі, прынятай на рэферэндуме 27 лютага 2022 г., была захавана традыцыя і запісана: «Мы, народ Рэспублікі Беларусь, зыходзячы з адказнасці за сучаснасць і будучыню Беларусі, усведамляючы сябе паўнапраўным суб'ектам сусветнай супольнасці і пацвярджаючы сваю прыхільнасць агульначалавечым каштоўнасцям, грунтуючыся на сваім неад'емным праве на самавызначэнне, захаванне нацыянальнай самабытнасці і суверэнітэту, засноўваючыся на шматвяковай гісторыі развіцця беларускай дзяржаўнасці, культурных і духоўных традыцыях, сцвярджаючы правы і свабоды чалавека, асновы прававой дзяржавы і сацыяльна справядлівага грамадства, жадаючы забяспечыць мір і грамадзянскую згоду, дабрабыт грамадзян, непахіснасць народаўладдзя, незалежнасць і росквіт Рэспублікі Беларусь...» [1, с. 3].

Сёння ў публічным дыялогу, асабліва ў асяроддзі моладзі, важна пастаянна звяртаць увагу на тое, што ў трэцім артыкуле Канстытуцыі адназначна абвешчана і замацавана галоўная канстытуцыйная норма, у якой падкрэслена: «Адзінай крыніцай дзяржаўнай улады і носбітам суверэнітэту ў Рэспубліцы Беларусь з'яўляецца народ. Народ ажыццяўляе сваю ўладу непасрэдна, праз прадстаўнічыя і іншыя органы ў формах і межах, вызначаных Канстытуцыяй» [1, с. 4].

Кожны грамадзянін Рэспублікі Беларусь абавязаны ведаць, што ў Канстытуцыі замацавана галоўнае палажэнне аб тым, што сапраўдным гаспадаром жыцця з'яўляецца народ. Менавіта народ – той «вечны рухавік», які з пакалення ў пакаленне рухае гісторыю па ўзыходзячай лесвіцы цывілізацыйнага развіцця. Народ заўсёды быў і застаецца галоўным суб'ектам гістарычнага працэсу. Народ – гэта краевугольны камень, базавы элемент і першакрыніца дзяржаўнай улады, якому патрэбна абарона ад знешніх і ўнутраных пагроз усімі наяўнымі сіламі і сродкамі. Абарона народа мае вечную актуальнасць, і гэтая праблема мае не толькі навуковую, але і практычную значнасць, паколькі яна закранае інтарэсы ўсіх сацыяльных груп.

Высновы. Такім чынам, кароткае навуковае асэнсаванне працэсу фарміравання беларускага народа, яго ролі і месца ў працэсе ўтварэння нацыянальнай дзяржаўнасці пераканаўча паказвае яго вырашальную ролю і рухавую сілу. Назапашаныя ў навуцы матэрыялы сведчаць, што першыя этнічныя супольнасці на землях Беларусі склаліся ў глыбокай старажытнасці і былі прадстаўлены родаплемяннымі ўтварэннямі, якія пакінулі пасля сябе шэраг археалагічных культур з тыповымі для іх прыкметамі. На працягу многіх стагоддзяў на тэрыторыі сучаснай Беларусі адбывалася актыўнае ўзаемадзеянне розных родаплемянных груп насельніцтва, выпрацоўваліся асаблівасці мовы, культуры, фарміраваліся асаблівы псіхафізічны тып, сацыяльныя навыкі і традыцыі, якія замацоўваліся і атрымліваліся ў спадчыну, выпрацоўвалася этнічная самасвядомасць. У працэсе найскладанейшых падзей этнагенезу беларускі народ не растварыўся і не знік, наадварот, загартаваўся ў выпрабаваннях гістарычных падзей. Дзякуючы магутнай унутранай духоўнай сіле беларускага народа, ад пакалення да пакалення перадаваўся лепшы вопыт духоўна-культурных традыцый і этнапалітычны вопыт суседніх народаў.

Шматвяковы вопыт сведчыць, што поспех дзяржаўнага будаўніцтва сёння шмат у чым залежыць ад свядомага ўдзелу і падтрымкі беларускім народам сацыяльных і грамадска-палітычных задач, якія ажыццяўляюцца ў краіне. Важна на ўсіх узроўнях дзяржаўнай улады і грамадскіх арганізацый пастаянна клапаціцца аб умацаванні палітычнай, эканамічнай і духоўна-культурнай бяспекі краіны. Паспяховае вырашэнне гэтых фундаментальных задач патрабуе не толькі прагназаваць і своечасова выяўляць выклікі і пагрозы, але і выпрацоўваць навукова абгрунтаваныя шляхі іх пераадолення, каб супрацьстаяць у тым ліку фальсіфікацыі гістарычнага мінулага беларускага народа. Неабходна падкрэсліць, што фальсіфікацыя з прычыны сваёй ідэалагічнай накіраванасці аказвае разбуральнае ўздзеянне на гістарычную свядомасць людзей, у першую чаргу на падростаючае пакаленне. Яна знішчае пачуцці патрыятызму і грамадзянскасці, руйнуе сацыяльна-культурную ідэнтыфікацыю моладзі. Вопыт жніўня 2020 г. пераканаўча сведчыць, што перафармацыванне грамадскай свядомасці фактычна стварае ўмовы для падрыхтоўкі і рэалізацыі сцэнарыяў каларовых рэвалюцый. Больш таго, гэтая праблема сёння значна актуалізуецца ўрокамі распаду Савецкага Саюза, а ў нашы дні – падзеямі, якія адбываюцца ва Украіне.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. – 79 с.
2. Устав ООН [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>. – Дата доступа: 15.06.2022.
3. The events in East Pakistan, 1971: a legal study / Intern. Commiss. of Jurists. – Geneva : [Intern. Commiss. of Jurists], 1972. – 98 p.
4. Народ // Большой юридический словарь / авт.-сост.: В. Н. Додонов [и др.]. – М., 2001. – С. 316–317.
5. Денисов, В. В. Народные массы как субъект исторического процесса / В. В. Денисов // Философия и о-во. – 2010. – № 2 (58). – С. 27–41.
6. Маркс, К. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : в 50 т. – Изд. 2-е. – М., 1961. – Т. 21. – С. 269–317.
7. Губанов, Н. И. Ницета философии постмодернизма / Н. И. Губанов // Философия и о-во. – 2007. – № 1 (45). – С. 54–68.
8. Гранин, Ю. Д. «Нация» и «этнос»: эволюция подходов и интерпретаций в философии и науке XVIII–XX столетий / Ю. Д. Гранин // Вопр. философии. – 2015. – № 7. – С. 5–16.
9. Исторические условия и предпосылки зарождения государственности / В. Л. Лакиза [и др.] // История белорусской государственности : в 5 т. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории ; редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.) [и др.]. – 2-е изд. – Минск, 2019. – Т. 1 : Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. – С. 58–156.
10. Памятники философской мысли Белоруссии XVII – первой половины XVIII в. / В. В. Дубровский [и др.] ; редкол.: А. С. Майхрович [и др.]. – Минск : Навука і тэхніка, 1991. – 318 с.
11. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі : у 6 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. – Мінск : Беларус. навука, 2013. – Т. 3 : Рэфармацыя. Контррэфармацыя. Барока / [В. Б. Евароўскі і інш. ; рэдкал.: В. Б. Евароўскі і інш.]. – 615 с.
12. Падокшыні, С. А. Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі: ад Францыска Скарыны да Сімяона Полацкага / С. А. Падокшыні. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 285 с.
13. Бабосов, Е. М. Человек и солнце – два неразрывных полюса в универсуме Франциска Скорины / Е. М. Бабосов // Национальная философия в глобальном мире : тез. Первого белорус. филос. конгр., Минск, 18–20 окт. 2017 г. / Нац. акад. наук Беларусі, Ін-т філасофіі ; редкол.: В. Г. Гусаков [и др.]. – Минск, 2017. – С. 6–7.
14. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 : тэксты, даведнік, каментарыі / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Савец. энцыкл., 1989. – 573 с.
15. Вялікае Княства Літоўскае: ВКЛ : энцыклапедыя : у 2 т. / Беларус. навук.-даслед. ін-т дакументазнаўства і арх. справы, Выд-ва «Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі». – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2005–2006. – Т. 2. – 2006. – 790 с.
16. Статут Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага 1588 г.: да 430-годдзя выдання : зб. навук. арт. па матэрыялах канф. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: С. А. Балашэнка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2018. – 255 с.
17. Дмитрачков, П. Ф. Из истории развития государственности на белорусских землях (вторая половина XVI–XVIII в.) / П. Ф. Дмитрачков // Беларус. думка. – 2009. – № 7. – С. 58–59.
18. Гомон. Белорусское (социально)-революционное обозрение. № 2. 15 ноября 1884 // Публицистика белорусских народников: нелегальные издания белорусских народников (1881–1884) / сост.: С. Х. Александрович, И. С. Александрович. – Минск, 1983. – С. 87–88.
19. Национальная государственность: от идеи – к практической реализации (1917–1918 гг.) / В. Г. Мазец [и др.] // История белорусской государственности : в 5 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т історыі ; редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.) [и др.]. – 2-е изд. – Минск, 2019. – Т. 3 : Белорусская государственность: от идеи к национальному государству (1917–1939 гг.). – С. 54–135.
20. Баландзін, К. І. Гісторыя культуры Беларусі : дапаможнік / К. І. Баландзін. – Мінск : БНТУ, 2014. – 239 с.

21. Идея белорусской государственности и национальное движение / Н. В. Смехович [и др.] // История белорусской государственности : в 5 т. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории ; редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.) [и др.]. – 2-е изд. – Минск, 2019. – Т. 2 : Белорусская государственность в период Российской империи (конец XVIII – начало XX в.). – С. 260–391.
22. Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь: (1994, 1919, 1927, 1937, 1978) : [зборнік]. – Мінск : Маст. літ., 2014. – 294 с.

References

1. *Constitution of the Republic of Belarus: with the amendments and additions adopted at the referendums of November 24, 1996, October 17, 2004 and February 27, 2022*. Minsk, National Center of Legal Information of the Republic of Belarus, 2022. 79 p. (in Russian).
2. *United Nations Charter*. Available at: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter/full-text> (accessed 15.06.2022).
3. International Commission of Jurists. *The events in East Pakistan, 1971: a legal study*. Geneva, 1972. 98 p.
4. People. Dodonov V. N. (et al.). *Big legal dictionary*. Moscow, 2001, pp. 316–317 (in Russian).
5. Denisov V. V. The masses as a subject of the historical process. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 2010, no. 2 (58), pp. 27–41 (in Russian).
6. Marx K., Engels F. *Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie* [Ludwig Feuerbach and the End of Classical German Philosophy]. 5. Aufl. Stuttgart, J.H.W. Dietz, 1910. 64 p. (in German).
7. Gubanov N. I. The poverty of philosophy of postmodernism. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 2007, no. 1 (45), pp. 54–68 (in Russian).
8. Granin Yu. D. “Nation” and “ethnos”: evolution of approaches and interpretations in philosophy and science in XVIII–XX centuries. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2015, no. 7, pp. 5–16 (in Russian).
9. Lakiza V. L. (et al.). Historical conditions and prerequisites for the emergence of statehood. *Istoriya belorusskoi gosudarstvennosti. T. 1. Belorusskaya gosudarstvennost': ot istov do konitsa XVIII v.* [History of Belarusian statehood. Vol. 1. Belarusian statehood: from the east to the end of the 18th century]. Minsk, 2018, pp. 58–156 (in Russian).
10. Dubrovskii V. V., Kashuba M. V., Podokshin S. A., Prokoshina E. S., Sokol S. F., Tsukerman A. Ya. (et al.). *Monuments of philosophical thought in Belarus in the 17th – first half of the 18th centuries*. Minsk, Navuka i technika Publ., 1991. 318 p. (in Russian).
11. Evarouski V. B., Padokshyn S. A., Starastsenka V. U., Saverchanka I. V., Bortnik I. A., Padalinskaya A. A. (et al.). *History of philosophical and socio-political thought of Belarus. Vol. 3. Repharmacy. Counterrepharmacy. Baroque*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2013. 615 p. (in Belarusian).
12. Padokshyn S. A. *Philosophical thought of the Renaissance in Belarus: from Francysk Skaryna to Simeon of Polotsk*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 1990. 285 p. (in Belarusian).
13. Babosov E. M. Man and the sun – two inseparable poles in the universe of Francysk Skaryna. *Natsional'naya filozofiya v global'nom mire: tezisy Pervogo belorusskogo filozofskogo kongressa, Minsk, 18–20 oktyabrya 2017 g.* [National philosophy in the global world: abstract the first Belarusian philosophy congress, Minsk, October 18–20, 2017]. Minsk, 2017, pp. 6–7 (in Russian).
14. *Statute of the Great Principality of Lithuania of 1588: texts, help, comments*. Minsk, Belaruskaya savetskaya entsyklopedyya Publ., 1989. 573 p. (in Belarusian).
15. *Grand Duchy of Lithuania: encyclopedia. Vol. 2*. Minsk, Belaruskaya entsyklopedyya Publ., 2006. 790 p. (in Belarusian).
16. Balashenka S. A. (ed.). *Statute of the Grand Duchy of Lithuania, Russia and Zhemoytsky of 1588: yes 430th year of issue*. Minsk, Belarusian State University, 2018. 255 p. (in Belarusian).
17. Dmitrakhov P. F. From the history of the development of statehood in the Belarusian lands (second half of the 16th–18th centuries). *Belaruskaya dumka* [Belarusian Thought], 2009, no. 7, pp. 58–59 (in Russian).
18. Hubbub. Belarusian (social)-revolutionary review, no. 2. November 15, 1884. *Publitsistika belorusskikh narodnikov: nelegal'nye izdaniya belorusskikh narodnikov (1881–1884)* [Journalism of Belarusian populists: illegal publications of Belarusian populists (1881–1884)]. Minsk, 1983, pp. 87–88 (in Russian).
19. Mazets V. G. (et al.). National statehood: from idea to practical implementation (1917–1918). *Istoriya belorusskoi gosudarstvennosti. T. 3. Belorusskaya gosudarstvennost': ot idey k natsional'nomu gosudarstvu (1917–1939 gg.)* [History of Belarusian statehood. Vol. 3. Belarusian statehood: from idea to national state (1917–1939)]. 2nd ed. Minsk, 2019, pp. 54–135 (in Russian).
20. Balandzin K. I. *History of the culture of Belarus*. Minsk, Belarusian National Technical University, 2014. 239 p. (in Belarusian).
21. Smekhovich N. V. (et al.). The idea of Belarusian statehood and the national movement. *Istoriya belorusskoi gosudarstvennosti. T. 2. Belorusskaya gosudarstvennost' v period Rossiiskoi imperii (konets XVIII – nachalo XX v.)*. [History of Belarusian statehood. Vol. 2. Belarusian statehood during the period of the Russian Empire (late 18th–early 20th century)]. 2nd ed. Minsk, 2019, pp. 260–391 (in Russian).
22. *The Constitution of the Republic of Belarus (1994, 1919, 1927, 1937, 1978)*. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 2014. 294 p. (in Belarusian).

Информация об авторе

Коваленя Александр Александрович – академик, доктор исторических наук, профессор, академик-секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси (пр. Независимости, 66, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: nasb@presidium.bas-net.by

Information about the author

Alexander A. Kovalenya – Academician, D. Sc. (Hist.), Professor, Academic Secretary of the Humanities and Fine Arts Division of the National Academy of Sciences of Belarus (66 Nezavisimosti Ave., Minsk 220072, Belarus). E-mail: nasb@presidium.bas-net.by

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МОВАЗНАЎСТВА
LINGUISTICS

УДК 811.161.1'373 (043.3)
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-4-386-392>

Поступила в редакцию 28.06.2022
Received 28.06.2022

Т. Е. Трощинская-Степушина

*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Беларусь*

**ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ:
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ РУССКОЯЗЫЧНЫХ БЕЛОРУССКИХ АВТОРОВ)**

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме функционирования окказионализмов в языке художественной литературы. Рассматриваются различные подходы к интерпретации и классификации окказионализмов, к оценке их функционального разнообразия и причин возникновения. Определяется специфика индивидуально-авторских новообразований в произведениях А. Андреева, В. Казакевича, Е. Поповой, Э. Скобелева – белорусских авторов, пишущих на русском языке. В исследуемой прозе выявлены окказиональные антропонимные субстантивы-композицы, фонетически измененные «говорящие» фамилии и прозвища, онимные и апеллятивные контаминанты. Доказывается, что окказионализмы, образованные с нарушением внутренней валентности слова, выполняют экспрессивную, оценочную, прагматическую функции, являясь средством образной характеристики персонажей, одним из способов выражения новых, нетривиальных смыслов.

Ключевые слова: контаминация, окказионализмы, словообразование, способы словообразования, русскоязычный художественный текст

Для цитирования: Трощинская-Степушина, Т. Е. Окказионализмы в художественном тексте: словообразовательный аспект (на материале прозы русскоязычных белорусских авторов) / Т. Е. Трощинская-Степушина // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 4. – С. 386–392. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-4-386-392>

Tatsiana J. Trashchynskaya-Stsiapushyna

*Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus*

**OCCASIONALISMS IN A LITERARY TEXT: DERIVATIVE ASPECT
(BASED ON THE PROSE OF RUSSIAN-SPEAKING BELARUSIAN AUTHORS)**

Abstract. The article is devoted to the actual problem of the functioning of occasionalisms in the fiction. Various approaches to the interpretation and classification of occasionalisms, to the assessment of their functional diversity and causes of occurrence are considered. The specificity of individual authorial neoplasms in the works of A. Andreev, V. Kazakevich, E. Popova, E. Skobelev – Belarusian authors writing in Russian – is determined. The studied prose revealed occasional anthroponomics substances-composites, phonetically altered “speaking” surnames and nicknames, onymic and appellative contaminants. Occasionalisms formed with a violation of the internal valence of the word perform expressive, evaluative, pragmatic functions, being a means of figurative characterization of characters, one of the ways of expressing new, non-trivial meanings.

Keywords: contamination, derivation, methods of word formation, occasionalisms, Russian-language literary text

For citation: Trashchynskaya-Stsiapushyna T. J. Occasionalisms in a literary text: derivative aspect (based on the prose of Russian-speaking Belarusian authors). *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarных navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 4, pp. 386–392 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-4-386-392>

Введение. Лексический состав языковой системы особенно подвержен метаморфозам в силу высокой проницаемости и динамичности. Убедительным доказательством языковой динамики является возникновение новых слов. По мнению В. В. Виноградова, «причины появления новых

слов и новых значений старых слов по большей части заключаются в изменениях общественной жизни, в развитии производства и других областей человеческой деятельности, а также в развитии мышления» [1, с. 67]. Мысль о постоянном изменении лексики высказывалась Н. В. Крушевским: «Так как язык никогда не имеет и не может иметь столько слов, сколько требуется для названия бесконечной, вечно изменчивой и вечно увеличивающейся массы понятий, то он всегда принужден прибегать как к производству, так и к ... расширению значения некоторых слов» [2, с. 141].

С одной стороны, окказиональным словом считается разовое системное образование, являющееся реализацией продуктивной словообразовательной модели в конкретном речевом акте, с другой – уникальное образование, не вошедшее во всеобщее употребление и созданное по малопродуктивной или единичной модели. Так в речи формируются окказионализмы – новые слова, «создание которых происходит по существующим моделям достаточно уместно и искусно, а новизна таких ситуативных одномоментных слов мало замечается» [3, с. 185].

Изучение проблем, связанных с появлением новых слов и изменением лексического состава языка, позволяет выявлять лингвистические и экстралингвистические факторы подобных трансформаций, динамические свойства словообразовательной системы, формулировать прогнозы дальнейшего увеличения словаря и определять тенденции в развитии языка. Анализ окказиональных новообразований в художественном тексте способствует более глубокому пониманию словообразовательного потенциала языка, позволяет расширить представление об известных окказиональных способах и приемах образования языковых инноваций.

Основная часть. Исследование причин и способов неологизации лексического состава языка и особенностей функционирования окказиональных слов позволяет не только определить пути развития словообразовательной системы, но также проследить действие экстралингвистических факторов на формирование семантики и прагматики новых слов, понять истоки лингвокреативности. Ш. Балли отмечал, что личностное начало, выраженное в языковом творчестве, «равно воскрешает прошлое языка и предвосхищает его будущее» [4, с. 282]. Эту мысль подтверждает и Е. А. Земская: «окказионализмы характеризуют совершенно особый аспект изучения языка – творческий, индивидуальный, эстетический, они реализуют индивидуальную творческую компетенцию человека. Они ориентированы не на правила, общие для всех носителей языка, но на способности индивидуума использовать возможности, заложенные в системе языка. Окказионализмы показывают, на что способен язык при порождении новых слов, каковы его творческие потенции, глубинные силы» [5, с. 180].

В лингвистической литературе единицы, появляющиеся в результате индивидуальной словотворческой деятельности, называются по-разному: окказиональными словами, новообразованиями, индивидуально-авторскими словами, номинативно-стилистическими неологизмами и др. Н. Г. Бабенко в работе «Окказионализмы в художественном тексте» приводит перечень номинаций, встречающихся в литературе: «писательские новообразования», «художественные неологизмы», «творческие неологизмы», «стилистические неологизмы», «индивидуальные неологизмы», «слова-метеоры», «слова-самоделки», «слова-однодневки», «слова-беззаконники», «эгологизмы», «индивидуально-авторские новообразования», «произведения индивидуального речетворчества», «эфемерные инновации» [6, с. 7].

А. И. Смирницкий называет неузуальные новообразования «потенциальными словами»: «Всякое созданное в речи на данный случай слово... может войти в обращение... Но до тех пор, пока такое слово... не стало воспроизводиться в общественном масштабе в процессе общения, оно может быть признано лишь «потенциальным» словом... не вошедшим в словарный состав языка» [7, с. 5]. Словарь Т. В. Жеребило дает следующее толкование: «Потенциальные слова – новообразования, возникающие в речи по продуктивным словообразовательным моделям» [8, с. 272], например, *примарситься* ‘совершить посадку на Марс’ [9, с. 343]. Потенциальные слова возникают в основном в процессе речевого общения и создаются говорящим намеренно. Д. Б. Масленников, не отрицая существования категории потенциального слова, считает этот термин неудачным, полагая, что понятие «окказиональное слово» шире и охватывает особенности обоих типов неузуальных новообразований. Ученый различает неузуальные единицы двух типов: окказионализмы, образованные по продуктивным моделям, и окказионализмы, образованные по непродук-

тивными моделям [10, с. 35]. Нам наиболее близка точка зрения В. В. Лопатина, применяющего термин «окказионализм», поскольку «обе группы слов – и потенциальные, и индивидуально-авторские – создаются «по случаю», окказионально, потенциальные слова нередко несут на себе черты ощутимой новизны, свежести, оригинальности, и их далеко не всегда можно четко отграничить от индивидуально-авторских новообразований» [11, с. 71].

Итак, **окказионализмы** – производные неузואальные лексические единицы, не зафиксированные в словарях, которые могут быть построены как по известным словообразовательным моделям, так и по уникальным моделям авторского словотворчества.

Проблемы окказионального словообразования освещаются в трудах таких российских ученых, как В. Д. Девкин [3], Е. А. Земская [5], В. В. Лопатин [11], А. Г. Лыков [12], О. Г. Ревзина [13], И. С. Улуханов [14], Н. А. Янко-Триницкая [15] и др., а также затрагиваются в работах белорусских исследователей Е. И. Абрамовой [16], О. Г. Ванкевич [17], И. О. Ковалевич [18], А. Г. Рудинскас [19], И. Ю. Самойловой [20], Л. Г. Шестерневой [21] и др.

Ученые исследуют разные аспекты окказионалистики. В монографии Е. А. Земской «Словообразование как деятельность» [5] рассматривается динамический аспект словообразования: функции, условия действия механизма словообразования, типичные особенности окказиональных слов. Исследование основано на богатом материале современного русского языка – живой разговорной речи, текстах периодической печати, художественной и научной литературы. А. Г. Лыков, определяя объем понятия, отмечает, что «окказионализм представляет собой речевую реализацию нереализованных языком возможностей, заложенных в самой его системе. Вследствие этого окказиональное словообразование, при всей своей специфичности, является частью общего словообразования и выделяется внутри него» [12, с. 53]. Изучением приемов словотворческой деятельности занимается И. С. Улуханов, который рассматривает неузואальные способы словообразования (редеривация, обратная субстантивация, декомпозиция и др.) не только как потенциально увеличивающие количество деривационных средств (появление новых аффиксов, новых комбинаций аффиксов и их значений), но и расширяющие границы словообразовательной системы в целом [14, с. 39–41]. Классификация способов окказионального словообразования представлена в работе В. П. Изотова и В. В. Панюшкина «Неузואальные способы словообразования», где наряду с уже существующими и описанными предлагается и такой способ, как «гипотетическое словообразование», подразумевающий изучение того, что только обнаруживает тенденцию к возникновению [22].

Выявлению специфики функционирования авторских новообразований в русскоязычной белорусской поэзии посвящена работа Н. В. Шабовича «Окказионализмы в поэзии Анатолия Аврутина» [23], особенности семантики новых слов периодической печати показаны в диссертации А. Л. Стрижака «Лексические инновации в газетных текстах конца XX – начала XXI века (на материале российских и русскоязычных белорусских изданий)» [24]; окказиональные новообразования в поэзии И. Бродского исследует И. Ю. Самойлова [20]; обзор различных подходов к интерпретации и классификации окказионализмов, к оценке их функционального разнообразия и причин возникновения приводит А. Г. Рудинскас в статье «Окказионализмы и способы их создания» [19] и т. д.

Однако вопросы, касающиеся специфики функционирования индивидуально-авторских новообразований в языке художественной литературы, по-прежнему остаются дискуссионными и требуют дальнейшего лингвистического изучения. До настоящего времени (насколько нам известно) окказионализмы современной белорусской русскоязычной прозы А. Андреева, В. Казакевича, Е. Поповой, Э. Скобелева не являлись объектом исследования. Анализ окказиональной лексики в текстах данных авторов выявил разные типы новообразований, представленных следующими группами.

1. Окказионализмы-компози́ты. Данная группа представлена в основном антропонимами. Например, фамилия героя романа Е. Поповой «Восхождение Зенты» [25] *Кондыбо-Кондыбайло*, образованная с помощью редупликации и прибавления ко второй части суффикса *-айл-*, мотивирована разговорным глаголом *шкандыбать* ‘прихрамывать, ковылять’ [26, с. 1499]. На семантику физической неполноценности, которая содержится в производящем слове, накладывается неблагозвучие производного слова, усиленное редупликацией основы, под которой понимается «повтор,

удвоение корня, основы или целого слова» [8, с. 302]. Учитывая, что данная фамилия именуется героя «необъятных размеров», который в силу своей тучности передвигается с большим трудом, т. е. ковыляет, антропоним можно причислить к категории «говорящих». В данном случае экспрессивный «семантико-фонетический заряд» фамилии героя является способом его отрицательной характеристики.

К данной группе также относятся такие фамилии, как *Гладкая-Яичко*; *Сучко-Коронадо*; *Пудикарпик-Надеждин*; *Меченосцев-Ванюшкин* и др. [25]. Употребление суффиксов субъективной оценки *-к-*, *-ик*, *-юшк-* и соединение семантически несовместимых лексем в одной фамилии в именовании представителей «офисного планктона» рождает комический эффект.

Окказионализм *политпроходимец* <*Иосиф Джугашвили*> представляет собой результат сложения усеченной основы первого слова *политический* и целого слова *проходимец* (по аналогии с известными в советские времена лексемами *политпросвещение*, *политинформация* и т. д.) [32].

2. Окказиональные «говорящие» фамилии (прозвища): *Ди-джей Скуни* – ироническая характеристика дилетанта (фонетическая игра со словом *скунс*) [27]; *Мадам Унс* зовут легкомысленную и неудачливую героиню (онимизация заимствованного из английского языка междометия, обычно произносимого при каком-либо ошибочном действии) [28] и др.

Проанализируем окказионализм из следующего примера: *Гамадрилов придумал себе звучный и внушительный псевдоним – Хомо Дриллман...* [29, с. 195]. Во-первых, фамилия *Гамадрилов* уже мотивирована словом *гамадрил* ‘крупная обезьяна рода павианов’ [26, с. 193]. Во-вторых, герой выбирает созвучный фамилии псевдоним *Хомо Дриллман*, образованный по аналогии с *homo sapiens* ‘человек разумный’. Первая часть данного онима характеризует героя как человека «сверлящего», который как бы «высверливает» путь своим амбициям («drill» в переводе с англ. ‘сверло’ [30, с. 224]). Прозвище *Дриллман* образовано путем сложения транслитерированных английских слов. Семантическая наполненность и оригинальное фонетическое и графическое оформление способствуют созданию гротескного образа самоуверенного глупца.

3. Окказионализмы, образованные в результате контаминации – «взаимодействия, скрещивания, объединения языковых единиц или их частей на основе их семантического или формального изменения, а также образования новой языковой единицы, т. е. окказионализма» [31, с. 113]. Данную группу в основном составляют неологизмы, выявленные в прозе А. Андреева. Например, *Спинозогрыз* – окказионализм, образованный путем наложения основ слов *Спиноза* и *спиногрыз*, характеризует героя как образованного человека, поскольку здесь есть прямая отсылка к фамилии известного философа Б. Спинозы, а корень *грыз* вызывает ассоциацию с фразеологизмом «грызть гранит науки». Кроме того, толкование слова *спиногрыз* как ‘врач’ в «Словаре русских арготизмов» Л. Городина [33, с. 226] также свидетельствует в пользу интеллигентного образа героя. Однако, думается, первое, что улавливает читатель, – это негативная коннотация, так как в разговорной речи спиногрызом чаще всего пренебрежительно называют дармоеда. Окказионализм ярко и образно передает суть персонажа романа: эрудит, врач по профессии, но довольно навязчивый в общении человек. Контаминант *Спинозогрыз* маркирует многогранность литературного образа и становится знаком уникальной сущности героя.

Именование сплетницы *Веруньи* построено путем наложения основ личного имени *Вера* и существительного женского рода *врунья* [28]. Имя музыканта *Пюнетр* построено на основе контаминации апеллятива *пюпитр* и онима *Петр* [27]. В предложении *С этим поколением «пенсионеров» я давно говорю на разных языках* окказионализм создан путем наложения слов *пенси* и *пензионер*, является иронической характеристикой юного поколения [32, с. 11]. При образовании окказиональных слов контаминация может сочетаться с фонетической деформацией. В качестве примера приведем имя героини романа А. Андреева «Маргинал», которую зовут *Тамара Коньстантиновна Тумань* [27]. Нестандартный графический облик патронима героини получается в результате наложения слова *конь* и отчества *Константиновна*. Окказиональная лексема с экспрессивным зарядом, усиленная аллитерацией мягкого согласного [н'] в фамилии, является «говорящей», поскольку именуется крупную высокую женщину.

Контаминация и ее сочетание с другими приемами способствуют семантической многомерности окказионализма, усилению его экспрессивности, помогают достичь комического эффекта.

Н. А. Купина, называя контаминированные новообразования креатемами-гибридами, отмечает, что они отражают процесс карнавализации языка [34, с. 390].

Встречаются случаи и окказионального употребления узуальных морфем.

1. – *Во, гляди, цветики какие желтусенькие, трава зеленая, вон еще цвет стоит синий, а земля одна – черная* [35, с. 39]. В данной фразе фиксируется окказиональное прилагательное *желтусенький*, образованное с помощью суффикса *-усеньк-*. Узусное значение разговорно-бытового суффикса, заключающееся в обозначении минимального признака чего-либо, трансформируется в окказиональное в результате присоединения к основе прилагательного-кolorатива, манифестируя степень восхищения героини, простой женщины из глухой деревни, красотой окружающего мира.

2. ...*За перегородкой перехрюкивались поросята* [35, с. 33]. Употребление окказионального глагола, образованного префиксально-суффиксально-постфиксальным способом от глагола *хрюкать* (по типу слов «переговариваться», «переглядываться»), способствует антропоморфизации поросят, наделяя их способностью к общению.

В отличие от окказиональных наименований, возникающих в речи носителей языка случайно, индивидуально-авторские окказионализмы создаются намеренно, реализуя интенцию словотворчества. Другими словами, создание окказиональной лексической единицы происходит не только и не столько для заполнения автором пробела в идиолексиконе или ради языковой экономии (компрессии), но связывается с его стремлением обозначить объект номинации новым, особенным словом, обладающим ярким стилистическим и прагматическим эффектом.

Закключение. Окказионализмы, представленные в анализируемой прозе русскоязычных белорусских авторов, разнообразны по структуре, оригинальны и полифункциональны. Наряду с номинативной они выполняют экспрессивную, эстетическую, компрессивную функции и, будучи погруженными в метафорический контекст, выступают как средство емкой, предельно сжатой и остроумной характеристики героев и явлений.

В прозе А. Андреева, Е. Поповой, Э. Скобелева выявлены следующие виды окказиональных номинаций: антропонимные субстантивы-композицы (*Гладкая-Яичко, Сучко-Коронадо* и др.), фонетически измененные «говорящие» фамилии и прозвища (*Ди-джей Скунц, Мадам Унс, Хомо Дриллман* и др.), онимные и апеллятивные контаминанты (*Пюнетр, Спинозогрыз, пепсионер* и др.). В произведениях В. Казакевича обнаружены единичные случаи новообразований, созданных путем окказионального употребления узуальных морфем (*желтусенькие, перехрюкивались* и др.).

Окказиональное словообразование в художественном тексте представляет собой результат авторской импровизации. Маркерами новообразований являются непривычное сочетание узуальных словообразовательных элементов, экспрессивность, ненормативность. Подобная «неправильность» в художественной речи носит намеренный характер и является коммуникативно и эстетически обусловленной.

Таким образом, творческое переосмысление слова белорусскими авторами в словообразовательном аспекте способствует приращению смыслов, рождая глубокие художественные образы.

Список использованных источников

1. Виноградов, В. В. Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка / В. В. Виноградов // Лексикология и лексикография : избр. тр. / В. В. Виноградов. – М., 1977. – С. 47–68.
2. Крушевский, Н. В. Очерк науки о языке / Н. В. Крушевский // Избранные работы по языкознанию / Н. В. Крушевский ; отв. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1998. – С. 96–222.
3. Девкин, В. Д. Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика / В. Д. Девкин. – М. : Наука, 1979. – 234 с.
4. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли ; пер. с фр. К. А. Долинина ; под ред. Е. Г. Эткинда. – 2-е изд., стер. – М. : УРСС, 2001. – 392 с.
5. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – М. : Наука, 1992. – 221 с.
6. Бабенко, Н. Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ : учеб. пособие / Н. Г. Бабенко. – Калининград : Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 1997. – 79 с.
7. Смирницкий, А. И. К вопросу о слове (проблема «тождества слова») // Труды Института языкознания / Акад. наук СССР. – М., 1954. – Т. 4. – С. 3–49.
8. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – 5-е изд., испр. и доп. – Назрань : Пилигрим, 2010. – 486 с.
9. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М. : Совет. энцикл., 1969. – 607 с.

10. Масленников, Д. Б. Окказионализмы в футуристической поэзии и особенности их функционирования : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Д. Б. Масленников. – Уфа, 2000. – 282 л.
11. Лопатин, В. В. Рождение слова: неологизмы и окказиональные образования / В. В. Лопатин. – М. : Наука, 1973. – 152 с.
12. Лыков, А. Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово) : учеб. пособие для филол. фак. ун-тов / А. Г. Лыков. – М. : Высш. шк., 1976. – 119 с.
13. Ревзина, О. Г. Поэтика окказионального слова / О. Г. Ревзина. – М. : Астрель, 1996. – 307 с.
14. Улуханов, И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И. С. Улуханов. – М. : [б. и.], 1996. – 221 с.
15. Янко-Триницкая, Н. А. Словообразование в современном русском языке / Н. А. Янко-Триницкая. – М. : Индрик, 2001. – 503 с.
16. Абрамова, Е. И. Окказионализмы как элементы языковой игры в художественно-публицистических текстах М. Веллера / Е. И. Абрамова // Слова ў кантэксте часу : да 85-годдзя праф. А. І. Наркевіча : зб. навук. прац : у 2 т. / Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2014. – Т. 1. – С. 3–10.
17. Ванкевич, О. Г. Отыменные глаголы в современных русском и белорусском языках: словообразовательная мотивация : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 ; 10.02.01 / О. Г. Ванкевич. – Минск, 2015. – 327 л.
18. Ковалевич, И. О. Русское окказиональное словопроизводство в речи детей и взрослых (системно-derivационный аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / И. О. Ковалевич ; Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. бел. культуры, яз. и лит. – Минск, 2016. – 24 с.
19. Рудинкас, А. Г. Окказионализмы и способы их создания / А. Г. Рудинкас // Идеи. Поиски. Решения : сб. ст. и тезисов XV Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, Минск, 23 нояб. 2021 г. : в 6 т. / Беларус. гос. ун-т ; редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2021. – Т. 1. – С. 116–122.
20. Самойлова, И. Ю. Авторские инновации в языке. Иосиф Бродский / И. Ю. Самойлова // *Studia Rossica Gedanensia*. – 2014. – № 1. – С. 60–76.
21. Шестернева, Л. Г. Окказионализмы в рекламных текстах / Л. Г. Шестернева // Журналістыка – 2021: стан, праблемы і перспектывы : матэрыялы 23-й Міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. 100-годдзю Беларус. дзярж. ун-та, Мінск, 11 лістап. 2021 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: В. М. Самусевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2021. – С. 401–404.
22. Изотов, В. П. Неузальные способы словообразования: конспекты лекций к спецкурсу / В. П. Изотов, В. В. Панюшкин. – Орел : [б. и.], 1997. – 40 с.
23. Шабович, Н. В. Окказионализмы в поэзии Анатолия Аврутина / Н. В. Шабович // Наука – образованию, производству, экономике : материалы 15-й Междунар. науч.-техн. конф., [26–28 янв. 2017 г.] : в 4 т. / Беларус. нац. техн. ун-т ; [редкол.: Б. М. Хрусталева, Ф. А. Романюк, А. С. Калиниченко]. – Минск, 2017. – Т. 4. – С. 498–499.
24. Стрижак, А. Л. Лексические инновации в газетных текстах конца XX – начала XXI века (на материале российских и русскоязычных белорусских изданий) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / А. Л. Стрижак ; Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. бел. культуры, яз. и лит. – Минск, 2015. – 25 с.
25. Попова, Е. Восхождение Зенты : романы / Е. Попова. – Минск : Маст. літ., 2007. – 335 с.
26. Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
27. Андреев, А. Маргинал : романы и повесть / А. Андреев. – Минск : Макбел, 2006. – 316 с.
28. Андреев, А. Мы все горим синим пламенем : романы / А. Андреев. – Минск : Макбел, 2006. – 332 с.
29. Скобелев, Э. Рассказы разных лет / Э. Скобелев. – Минск : Маст. літ., 2004. – 343 с.
30. Англо-русский словарь / В. Я. Есипова [и др.] ; под общ. ред. В. Я. Есиповой. – М. : Рус. яз., 1988. – 843 с.
31. Силина, В. Б. Контаминация / В. Б. Силина // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1990. – С. 113.
32. Андреев, А. Легкий мужской роман : романы / А. Андреев. – Минск : Макбел, 2006. – 291 с.
33. Городин, Л. М. Словарь русских арготизмов. Лексикон каторги и лагерей императорской и советской России / Л. М. Городин ; отв. ред. С. Пухова. – М. : Музей истории ГУЛАГа : Фонд памяти, 2021. – 336 с.
34. Купина, Н. А. Стилистика современного русского языка : учеб. для бакалавров / Н. А. Купина, Т. В. Матвеева. – М. : Юрайт, 2013. – 415 с.
35. Казакевич, В. Охота на майских жуков ; Наедине с тобою, брат / В. Казакевич. – М. : Изд-во Н. Филимонова, 2009. – 191 с.

References

1. Vinogradov V. V. About the main vocabulary and its word-forming role in the history of the language. *Leksikologiya i leksikografiya: izbrannye trudy* [Lexicology and lexicography: selected works]. Moscow, 1977, pp. 47–68 (in Russian).
2. Krushevskii N. V. An essay on the science of language. *Izbrannye raboty po yazykoznaniiyu* [Selected works on linguistics]. Moscow, 1998, pp. 96–222 (in Russian).
3. Devkin V. D. *German colloquial speech. Syntax and vocabulary*. Moscow, Nauka Publ., 1979. 234 p. (in Russian).
4. Bally Sh. *French stylistics*. 2nd ed. Moscow, URSS Publ., 2001. 392 p. (in Russian).
5. Zemskaya E. A. *Derivatology as an activity*. Moscow, Nauka Publ., 1992. 221 p. (in Russian).
6. Babenko N. G. *Occasional in a literary text. Structural and semantic analysis*. Kaliningrad, Publishing house of the Kaliningrad State University, 1997. 79 p. (in Russian).

7. Smirnitkii A. I. On the question of the word (the problem of “identity of the word”). *Proceedings of the Institute of Linguistics of the Academy Sciences of the USSR. Vol. 4.* Moscow, 1954, pp. 3–49 (in Russian).
8. Zhrebilo T. V. *Dictionary of linguistic terms.* 5nd ed. Nazran', Pilgrim Publ., 2010. 486 p. (in Russian).
9. Akhmanova O. S. *Dictionary of linguistic terms.* 2nd ed. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1969. 607 p. (in Russian).
10. Maslennikov D. B. *Occasionalisms in futuristic poetry and features of their functioning.* Ph.D. Thesis. Ufa, 2000. 282 p. (in Russian).
11. Lopatin V. V. *The birth of the word: neologisms and occasional formations.* Moscow, Nauka Publ., 1973. 152 p. (in Russian).
12. Lykov A. G. *Modern Russian lexicology (Russian occasional word).* Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1976. 119 p. (in Russian).
13. Revzina O. G. *Poetics of the occasional word.* Moscow, Astrel' Publ., 1996. 307 p. (in Russian).
14. Ulukhanov I. S. *Units of the word-formation system of the Russian language and their lexical implementation.* Moscow, 1996. 221 p. (in Russian).
15. Yanko-Trinitetskaya N. A. *Word formation in modern Russian.* Moscow, Indrik Publ., 2001. 503 p. (in Russian).
16. Abramova E. I. Occasionalisms as elements of the language game in the artistic and journalistic texts of M. Weller. *Slova u kantekste chasu: da 85-goddzya prof. A. I. Narkevicha: zbornik navukovykh prats* [Words in the context of time: to the 85th anniversary of Professor A. I. Narkevich: collection of scientific papers]. Minsk, 2014, vol. 1, pp. 3–10 (in Russian).
17. Vankevich O. G. *Nameless verbs in modern Russian and Belarusian languages: word-formation motivation.* Ph. D. Thesis. Minsk, 2015. 327 p. (in Russian).
18. Kovalevich I. O. *Russian occasional word formations in the speech of children and adults (system-derivational aspect).* Abstract of Ph.D. diss. Minsk, 2016. 24 p. (in Russian).
19. Rudinskas A. G. Occasionalisms and ways of their creation. *Idei. Poiski. Resheniya: sbornik statei i tezisov XV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii prepodavatelei, aspirantov, magistrantov, studentov, Minsk, 23 noyabrya 2021 g.* [Ideas. Search. Solutions: collection of articles and theses of the XV International scientific and practical conference of teachers, postgraduates, undergraduates, students, Minsk, November 23, 2021]. Minsk, 2021, vol. 1, pp. 116–122 (in Russian).
20. Samoiloa I. Yu. Author's innovations in language. *Joseph Brodsky. Studia Rossica Gedanensia*, 2014, no. 1, pp. 60–76 (in Russian).
21. Shesterneva L. G. Occasionalisms in advertising texts. *Zhurnalistyka – 2021: stan, prablemy i perspektyvy: materyaly 23-i Mizhnarodnai navukova-praktychnai kanferentsyi, prysvechanai 100-goddzyu Belaruskaga dzyarzhauyaga universiteta, Minsk, 11 listapada 2021 g.* [Journalism – 2021: state, problems and prospects: materials of the 23 International academy of scientific and practical conference, dedicated the 100-th anniversary of the Belarusian State University, Minsk, November 11, 2021]. Minsk, 2021, pp. 401–404 (in Russian).
22. Izotov V. P., Panyushkin V. V. *Non-formal ways of word formation. Lecture notes for the special course.* Orel, 1997. 40 p. (in Russian).
23. Shabovich N V. Occasionalisms in the poetry of Anatoly Avrutin. *Nauka – obrazovaniyu, proizvodstvu, ekonomike: materialy 15-i Mezhdunarodnoi nauchno-tekhnicheskoi konferentsii, 26–28 yanvarya 2017 g.* [Science – education, production, economics: proceedings of the 15th International scientific and technical conference, January 26–28, 2017]. Minsk, 2017. Vol. 4, pp. 498–499 (in Russian).
24. Strizhak A. L. *Lexical innovations in newspaper texts of the late XX – early XXI century (based on the material of Russian and Russian-language Belarusian publications).* Abstract of Ph.D. diss. Minsk, 2015. 25 p. (in Russian).
25. Popova E. *The Ascent of Zenta.* Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 2007. 335 p. (in Russian).
26. Kuznetsov S. A. (ed.). *Large Explanatory Dictionary of the Russian language.* St. Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p. (in Russian).
27. Andreev A. *Marginal: novels.* Minsk, Makbel Publ., 2006. 316 p. (in Russian).
28. Andreev A. *We're all on fire: novels.* Minsk, Makbel Publ., 2006. 332 p. (in Russian).
29. Skobelev E. *Stories of different years.* Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 2004. 343 p. (in Russian).
30. Esipova V. Ya. (ed.). *English-Russian dictionary.* Moscow, Russkii yazyk Publ., 1988. 843 p. (in Russian).
31. Silina V. B. Contamination. *Linguistic encyclopedic dictionary.* Moscow, 1990, p. 113 (in Russian).
32. Andreev A. *Light male novel.* Minsk, Makbel Publ., 2006. 296 p. (in Russian).
33. Gorodin L. M. *Dictionary of Russian Argotisms. Lexicon of penal servitude and camps of Imperial and Soviet Russia.* Moscow, Gulag History Museum: Memory Foundation, 2021. 336 p. (in Russian).
34. Kupina N. A., Matveeva T. V. *Stylistics of the modern Russian language.* Moscow, Yurait Publ., 2013. 415 p. (in Russian).
35. Kazakevich V. *Hunting for May beetles. Alone with you brother.* Moscow, N. Filimonov Publ., 2009. 191 p. (in Russian).

Информация об авторе

Трошинская-Степушина Татьяна Евгеньевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Беларусь). E-mail: stepushyna@gmail.com

Information about the author

Tatsiana J. Trashchynskaya-Stsiapushyna – Ph. D. (Philol.), Senior Scientific Researcher. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: stepushyna@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР
ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

УДК 398.87
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-4-393-400>

Поступила в редакцию 10.03.2022
Received 10.03.2022

Го Сяохун, Е Цюн

Цинхайский университет национальностей, Цинхай, Китай

**ОСОБЕННОСТИ МУЗЫКАЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА
«ГЭСЭР» В КИТАЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Аннотация. Формирование и развитие героического эпоса «Гэсэр» берут начало из древних тибетских мифов и легенд, поэм и пословиц, народной литературы. Его исполняли многие художественные деятели на протяжении ряда веков. «Гэсэр» – героическая эпопея, представляющая собой особый вид песенно-повествовательного искусства, образованного на основе интеграции музыкального повествования, чтения нараспев и песенного представления. Цель статьи – выявление особенностей музыкального исполнения героического эпоса «Гэсэр» в Китае в исторической ретроспективе. Определены географические и социокультурные характеристики Юйшу-Тибетского автономного округа, охарактеризована художественная форма эпоса «Гэсэр», выявлены и проанализированы основные вокальные особенности исполнения партий главных персонажей эпоса «Гэсэр», раскрыта специфика преемственности музыкального исполнения эпоса «Гэсэр» в творчестве Давы Забы. Используются следующие теоретические методы исследования: анализ научных источников по данной проблеме, обобщение и систематизация. Музыкальное исполнение тибетского эпоса «Гэсэр» в современном контексте, его творческое преобразование и реконструкция способствуют популяризации культурного наследия народа и его сохранению.

Ключевые слова: музыкальное исполнение, героический эпос, «Гэсэр», вокальные особенности, преемственность исполнения, речитатив

Для цитирования: Го Сяохун, Е. Цюн. Особенности музыкального исполнения героического эпоса «Гэсэр» в Китае: история и современность / Го Сяохун, Е. Цюн // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 4. – С. 393–400. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-4-393-400>

Guo Xiaohong, Ye Qiong

Qinghai University of Nationalities, Qinghai, China

**FEATURES OF THE MUSICAL PERFORMANCE OF THE HEROIC EPOS “GESER” IN CHINA:
HISTORY AND MODERNITY**

Abstract. The formation and development of the heroic epic “Geser” originates in ancient Tibetan myths and legends, poems and proverbs, in folk literature. It has been performed by many artists over the centuries. “Geser” is a heroic epic, which is a special kind of song-narrative art, formed on the basis of the integration of musical narration, chanting and song performance. The purpose of the article is to identify the features of the musical performance of the heroic epic “Geser” in China in a historical retrospective. The content of the article defines the geographical and socio-cultural characteristics of the Yushu-Tibet Autonomous Region, characterizes the artistic form of the Geser epic, identifies and analyzes the main vocal features of the performance of the parts of the main characters of the Geser epic, reveals the specifics of the continuity of the musical performance of the Geser epic in the work of Dava Zaba. Theoretical research methods were used in preparing the article: analysis of scientific sources on the research problem, generalization and systematization of them. The musical performance of the Tibetan epic “Geser” in the modern context, its creative transformation and reconstruction contribute to the popularization of the cultural heritage of the people and its preservation.

Keywords: musical performance, heroic epic, “Geser”, vocal features, succession of performance, recitative

For citation: Guo Xiaohong, Ye Qiong. Features of the musical performance of the heroic epos “Geser” in China: history and modernity. *Vesti Natsyanal'nei akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 4, pp. 393–400 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-4-393-400>

Введение. Эпос «Гэсэр», также имеющий название «Биография царя Гэсэра», представляет собой произведение, состоящее из более чем одного миллиона стихотворных строк и более 20 миллионов персонажей. Его история существования насчитывает уже 1000 лет. Эпос разделен на три части: рождение Гэсэра, героическое сражение (покорение демона) и возвращение на небеса. Среди всех трех частей самой насыщенной является вторая – содержание битвы. Героический эпос «Гэсэр» известен тем, что он считается последним, который все еще исполняется в современном мире. Он распространен во многих регионах Китая – Тибете, Сычуане, Цинхае, Ганьсу, Внутренней Монголии, а также в России, Индии, Пакистане, Монголии, Непале, Бутане и других странах. Героический эпос «Гэсэр» включен в список, составляющий «Нематериальное культурное наследие» ЮНЕСКО. Формирование, развитие и наследование эпоса «Гэсэр» занимает важное место и имеет особое исследовательское значение в изучении эпической музыки в настоящее время. Заслуживает внимания музыкальное исполнение тибетского эпоса «Гэсэр» в современном контексте. Творческое преобразование и реконструкция эпоса в процессе авторского исполнения выступают признаками социального просвещения и художественного новаторства, а также ведут к популяризации культурного наследия народа и его сохранению.

Как отмечается в работах Сун Гуицзюань, до наших дней эпос «Гэсэр» сохранен благодаря тибетской письменности. Двое монголов Сумба-хамбо и Чахар-гэб-ши, умевшие писать по-тибетски, воспроизвели свою версию поэмы, семь глав которой были изданы на монгольском языке в Пекине в 1716 г. В России первые сведения об эпосе «Гэсэр» были опубликованы П. С. Паласом в 1776 г. В Европе «Гэсэриада» была издана в переводе академика Я. И. Шмидта в 1836 г. Сведения о существовании тибетской версии «Гэсэриады» были найдены в работах венгерского ученого А. Чома де Кереш. После неудачных поисков тибетской версии «Гэсэриады» в Пекине и Монголии его ученики нашли экземпляры тибетской «Гэсэриады» [1].

Несмотря на существование многочисленных версий и переводов эпоса и его исследование многими учеными (Б. Я. Владимирцов (1923) [2], Го Сяохун (2014) [3], Гэндуй Пьедзе (2003) [4], Ц. Дамдинсурэн (1957) [5], Дэн Чжэньцао (2019) [6], Б. С. Дугаров (2005) [7], П. Б. Коновалов (1999) [8], С. Ю. Неклюдов (1977) [9], Ноб Вангдан (2016) [10, 11], М. П. Хомонов (1995) [12], Е. О. Хундаева (1995) [13], Чао Гэцзинь (2016) [14], С. Ш. Чагдуров (1984, 1991) [15; 16] и др.), вопросы изучения культурно-исторических особенностей его развития продолжают оставаться актуальными.

Цель статьи – выявление особенностей музыкального исполнения героического эпоса «Гэсэр» в Китае в исторической ретроспективе.

Задачи исследования: 1) определить географические и социокультурные характеристики Юйшу-Тибетского автономного округа, Цинхай, Китай; 2) описать художественную форму эпоса «Гэсэр»; 3) выявить и проанализировать основные вокальные особенности исполнения партий главных персонажей эпоса «Гэсэр»; 4) раскрыть специфику преемственности музыкального исполнения эпоса «Гэсэр» в творчестве Давы Забы.

При подготовке статьи были использованы следующие теоретические методы исследования: анализ научных источников по данной проблеме, обобщение и систематизация.

Географические и социокультурные характеристики Юйшу-Тибетского автономного округа. Юйшу-Тибетский автономный округ расположен на Цинхай-Тибетском плато в Китае, на высоте более 4200 метров над уровнем моря. Юйшу – это район с общим населением 283100 человек, из которых тибетцы составляют 269800 человек. Юйшу имеет богатую природную окружающую среду с множеством лесов, заснеженных гор, рек, лугов, большим разнообразием диких животных, а также ценных лечебных материалов. Район Юйшу в Цинхае – это очень холодный регион с высокогорным ландшафтом, сложным и изменчивым климатом. Люди в тибетских районах исповедуют тибетский буддизм более 1300 лет. В этом регионе также есть уникальная этническая культура тибетцев. Общий язык – тибетский Кам.

Ряд исторических событий, географические и природные условия оказали влияние на становление психологических качеств, языкового стиля, эстетических взглядов, образа жизни и традиционных привычек тибетцев-юйшу, что существенно отличает их от других тибетцев в Китае. Это нашло отражение в своеобразии национальной культуры. Эпос «Гэсэр» представляет историю тибетского буддизма, начиная со стадии зарождения, а также его распространение, эволюцию и развитие. В эпической музыке «Гэсэр» воплощено поклонение тибетского народа природе.

В настоящее время в Юйшу насчитывается 192 тибетских буддийских монастыря, включая монастыри Саги, монастыри таких направлений тибетского буддизма, как Гелугпа, Ньингма и Кагью. Самыми многочисленными из них являются монастыри Кагью. Их насчитывается более 100. Эти храмы являются не только местом проведения местных мероприятий, но также культурными и образовательными центрами. После длительного периода развития они стали уникальным местом проведения как религиозных, так и культурных мероприятий. В Юйшу-Тибетском автономном округе в настоящее время реализуются восемь проектов в рамках сохранения национального нематериального культурного наследия, среди которых: традиционный народный танец гочжуан – танец Гочжо; традиционный танец с размахиванием руками, так называемый танец струн – танец Юйшу; фольклор Кангбарай; традиционное тибетское народное пение Юйшу; традиционные спортивные и акробатические развлекательные мероприятия – конные скачки Юйшу; техники обжига изделий тибетской черной керамики; навыки техническойковки тибетских ножей; тибетские костюмы и украшения по индивидуальному заказу – тибетская одежда и аксессуары Юйшу.

Эпическая речитативная форма «Гэсэра» сформировалась на фоне богатого народного творчества. В эпосе представлены религиозные ритуалы восхваления священных гор и молитв об изобилии зерен. В тибетских народных гуляниях сохраняется традиция приносить жертвы священным горам в Новый год. Формирование истории и персонажей эпоса происходило на фоне традиционных праздников и фестивалей, которые представляют собой собрания богов и людей и характеризуются различного рода песнями, дебатами, скачками и другими соревнованиями. Героические поэмы о Гэсэре обычно исполняются под Новый год, празднование которого имеет особое памятное значение для восхваления героев.

Среди исполнителей эпоса «Гэсэр» множество различного рода певцов, большинство из них – тибетцы. У каждого есть индивидуальные техники исполнения речитативов и свои способы «наследования». Среди основных видов «образовательного наследования» выделяют такие, как «одаренный богом» исполнитель (верующий в тибетский буддизм, который приобрел навыки речитатива благодаря изучению сновидений); слышавший певец; певец, который исследовал буддийские рукописи; декламирующий певец; артист арены и другие. Среди вышеперечисленных пяти видов самым уникальным является «одаренный богом» певец. Большинство таких исполнителей живут в семьях, предками которых являлись певцы, или в районах, где широко распространён «Гэсэр». Это оказывает существенное влияние на формирование у них особого жизненного опыта. «Одаренные богом» певцы имеют феноменальную память, демонстрируют удивительное словесное творчество, могут исполнять десятки произведений [10].

Художественная форма эпоса «Гэсэр». Героический эпос «Гэсэр» является разновидностью речитативного искусства, сформированного на основе интеграции тибетского устного народного творчества и вокального искусства на протяжении тысячелетий исторического развития и передаваемого из поколения в поколение. Он содержит поэтический ритм, неповторимую тибетскую интонацию и музыкальное вокальное исполнение, что придает речитативному искусству «Гэсэр» неповторимый национальный колорит. В его содержании прослеживается большое количество богатых художественных форм тибетской народной музыки. Гэсэрский речитатив представляет собой единство трех составляющих, таких как тибетские народные песни-сказы, устная поэзия, пение тибетских народных мелодий, что придает ему неповторимое оригинальное звучание. Китайский регион Юйшу является важной исторически обусловленной средой для развития эпоса «Гэсэр». Именно в этом регионе были сохранены традиции и возвращены исполнители гэсэрских эпических поэм, отличающиеся своим многогранным пением.

В процессе передачи из поколения в поколение эпоса «Гэсэр» происходило его постепенное обогащение различными художественными формами тибетской народной музыки, например, такими, как «Жегаэр» – речитатив, «Зежоу» – пение со сценической игрой, «Лэ» – песни горцев, «Лаи» – любовные песни, рассказы и другие. Есть также такие формы выступлений, как представления, в которых только говорят, а не поют; поют во время разговора; играют и поют; поют и танцуют. Пение зависит от стиля тибетской народной музыки, которых по статистике насчитывается более 180 видов.

Эпическая музыка «Гэсэр» представлена лирическими ариями, повествовательным пением и драматическим исполнением. Лирическое пение характеризуется относительно жизнерадостными и живыми мелодиями, с небольшим количеством текста и преобладанием голоса. К этому виду относятся «Священные молитвенные песни» («圣洁祈祷曲»), «Даосские напевы ваджра» («金刚道情曲»). В повествовательном пении используется больше текста и меньше вокала. Оно посвящено, как правило, трагическим сюжетам, например, «Песня покаяния в грехах» («忏悔罪孽曲») и «Песня вечной жизни» («永恒生命曲»). Драматическое исполнение в основном состоит из произведений с произвольным ритмом, выражающим печальные чувства, например, «Длинный рев героя» («英雄长啸曲») и «Мелодия уничтожения врага» («果断歼敌短调»).

Песни имеют разные названия в зависимости от персонажей, событий и места происхождения и дифференцируются по стилям. Выделяют стиль народных песен (баллад) и стиль типовых мелодий. Балладный стиль главным образом указывает на содержание и характер песни. Например, песни, которые непосредственно выражают чувственно-эмоциональный характер, – «веселая песня», «песня страдания», «печальная песня» и т. д. Кроме того, существует много былин, которые исполняются различными персонажами – людьми, духами, животными или чудовищами. К песням, которые используются для представления военных действий, относятся такие, как «Армейский доклад» («稟报军情歌»), «Стратегическая песня» («决策歌»), «Песня о маневрах» («调兵曲») и другие. Типовые мелодии следуют основному тембру мелодии, как, например, песня невесты, которая принимает свадебные подарки (среди которых был чай), называется «Веселая песня» («欢乐曲»), песня о страданиях – «Утешительная песня» («安慰心灵曲»), песенное представление, выражающее радость, – «Поднимающие настроение чай и алкоголь» («茶酒助兴曲») и другие [3].

В эпосе многие песенные арии и мелодии содержат дополнительные слова. В тексте песен кроме лирики, которая непосредственно выражает смысловое содержание песни, для более полного ее отражения используются различного рода вспомогательные слова и дополнения, которые могут состоять из модальных частиц, фонетических слов, омофонов и др. В большинстве своем такие дополнительные слова не имеют прямого отношения к основному тексту и в законченных предложениях, как правило, предназначены для обеспечения определенного эмоционального эффекта. Вспомогательные слова играют важную роль в создании атмосферы, оживлении эмоций певца и публики, усилении песенной интонации и звучании мелодии.

Исполнение самого речитатива может быть представлено пением одного, двух человек или в форме вокального выступления группы людей. Все построение речитативов основано на стиле Лу, который сочетает в себе прозу и рифму тибетской поэзии. В песенной форме Лу обычно используются шесть слогов, а форма речитатива состоит из четырех частей: чтение молитв, представление себя, основное содержание военных действий, заключительное слово.

Основные вокальные особенности исполнения партий главных персонажей эпоса «Гэсэр». Каждый персонаж героического эпоса «Гэсэр» обладает своими особыми вокальными характеристиками. Партии главных персонажей зафиксированы в основных мелодиях: Гэсэра – «Мелодия встречи Мегатрона», Цзя Ча – «Шесть мелодий белого льва», главного стюарда Ван Ронгча Чагена – «Длинная мелодия» и другие. Помимо этого, существуют еще партии тридцати генералов, следовавших за ними, и вокальные партии персонажей, которые победили четырех царей-демонов и захватили восемнадцать главарей. Характерная мелодия этих певческих голосов богата выразительностью, сыгравшей важную роль в формировании персонажей эпоса:

格萨尔大众镇威调

(叙事曲)

庄严地

我是勇士 格 萨 尔 呀 呀 日 札 妖 魔 我 降 伏

呀 大 众 集 会 议 事 日 我 唱 大 众 镇 威 调 呀

Голос певца, исполняющего роль царя Гэсэра, громкий, решительный, способный победить зло, а жестокая мелодия отражает героический дух воина:

贾察——白狮六变调 (叙事曲)

中速 傲慢地

我是那贾察 (啰 可热啰) 夏嘎尔

勇武 刚强 (啰 可热啰) - 英雄汉呀

Цзя Ча – сводный брат Гэсэра, «Волшебный мечник». Он мастер боевых искусств и второй по значимости герой в эпосе. Его «Шесть мелодий белого льва» должны исполняться сильным и громким голосом, в среднем темпе и с высокомерной интонацией:

叉根——缓慢长调

自由地

啊啦得啊 啦 啊啦 热 (呀) (啊) 塔啦勒依 另

鲁 热 呀 与其像狐狸

夹着 尾巴 迷呀 不如像猛虎 决斗死了好呀

Главный управляющий Ван Ронгча Чаген – верный стюард. Его мелодия нежная и очень успокаивающая, а пение отличается насыщенностью, мощью и широким звуковым диапазоном [3].

Специфика преемственности музыкального исполнения эпоса «Гэсэр» в творчестве Давы Забы. Тага Дава Заба является уникальным юйшуйским исполнителем роли Гэсэра. Он был удостоен Государственным советом звания «Одаренный Богом художественный деятель». Музыкальные произведения, которые связаны с традиционным жизненным устоем тибетцев и их верованиями, в частности, героический эпос «Гэсэр», в исполнении Давы Забы очень любят и хорошо принимают в тибетских регионах. Это также является одной из причин, почему он стал самым популярным эпическим певцом в тибетском районе Кхампа. Дава Заба обладает не только превосходными певческими навыками и прекрасным голосом, но, что более важно, он пользуется своим «уникальным способом» представления Гэсэра. Этот «уникальный способ» исполнения речитатива оказывает сильное эмоционально-психологическое воздействие на слушателей.

В 2010 г. в Юйшу произошло землетрясение магнитудой 7,1 балла. Дава Заба пришел на площадь Гэсэр в городе Цзегу, префектура Юшу, и декламировал тексты, выступая в роли Гэсэра. Он молился за безопасность своих соотечественников и их домов. Его уравновешенность и бесстрашие, сила эмоционального воздействия в ходе исполнения речитатива позволили успокоить охваченных паникой людей, вселить в них надежду и решимость.

Уникальные способности Давы Забы в исполнении эпоса «Гэсэр» отчасти объясняются его происхождением и возможностью познать героический эпос на ментальном уровне. Родители Давы Забы – пастухи, они родом из городка Мойун в округе Задуо. Отец Уя был неграмотен.

Мать – тибетское имя Дордже – немного знала тибетский язык. В семье было шесть братьев, Дава Заба – пятый ребенок. Он начал читать речитативы Гэсэра, когда ему было 13 лет. В семье Давы Забы, за исключением четвертого брата Тага Кайрена Сангжу, все члены семьи так или иначе установили неразрывную связь с Гэсэром. Родители рассказывали сказки и баллады о Гэсэре, а дети слушали волшебный героический эпос, знали своих героев, проникались их подвигами и общались с ними в своих снах.

Исполнение эпоса «Гэсэр» является частью повседневной жизни Давы Забы и как будто с рождения выступает его предназначением и родом деятельности. Его овладение речитативами не связано с передачей опыта от учителя ученику. Древний тибетский речитатив – это использование пения для повествования и выражения эмоций. Такая модель устной передачи культурного наследия заключается в обучении словами и внушении сердца. Этот способ позволяет погрузиться в традиционную культуру, которая существовала с рождения, но была незаметной.

Эпические исполнители обычно импровизируют в процессе своих выступлений. Для того чтобы воспроизвести сцену эпоса, они обычно сочетают мимику, жесты, различные движения и язык тела с громким голосом. Стиль исполнения Давы Забы уникален: его речь, темп и ритм очень быстрые, вся история происходит на одном дыхании. В процессе исполнения речитатива утрирована мимика, отмечается большая амплитуда жестов. Его очень беспокоят кратковременные сценические речитативы, поэтому, когда он выходит на сцену и поет, в его голове постоянно всплывает большой набор текстов, мелодий, сценических постановок. Он входит в состояние, которое подобно безумию. Его тело, мозг и разум полностью вовлечены в эпические сцены. Много раз он сам не осознавал, что декламировал. Когда начинал петь, потом не мог остановиться, и кто-то должен был увести его со сцены. Певец очень естественно выглядит изнеможенным или усталым [11].

Речитатив Давы Забы отличается разнообразием. Он содержит мелодии, которые меняются в зависимости от различных историй и персонажей. В процессе пения он использует различные декорации, входит в сценические образы, которые предполагают свое определенное вокальное исполнение. Это позволяет добиться сильных впечатлений у слушателей, за что его так любят тибетцы. Многие пастухи так оценивали исполнение Давы Забы: «Когда Дава Заба исполняет Гэсэра, Гэсэр оказывается у меня перед глазами».

Рассмотрим для примера специфику исполнения Давой Заба песни скакуна Гэсэра «Красный кролик – конь». В процессе исполнения он меняет мотив с «Ма Нэй Чанмин» на «Хун Хуньинь» («马嘶长鸣曲», «和洪洪音曲»).

马嘶长鸣曲

Стиль песни «Ма Нэй Чанмин» свободный и грубый, мелодия постепенно возрастает, а гомофония повторяется, в результате чего слышится звук лошадиных копыт. Использование триплетных и декоративных звуков помогает изобразить сцену скачущих лошадей. Дава Заба использует различные тремоло при пении. Это связано с уникальными певческими способностями исполнителя. Если «Ма Нэй Чанмин» – это изображение бегущей и ржущей лошади Красный кролик, то мелодия «Хун Хуньинь» подобна лепету ребенка, утешительному, нежному и даже немного балованному. Слушатель может ощутить признательность и любовь к царю Гэсэру, сидящему верхом на лошади (благодаря его обращенному пению), и прочувствовать глубину его характера от тонких изменений в пении.

Если мы попытаемся представить царя Гэсэра на основе текста речитативов, то сможем уловить темперамент персонажа только с помощью воображения. Но благодаря воссозданию образа в ходе музыкального исполнения эпоса можно прочувствовать и даже «увидеть» его особенности. Это достигается благодаря раскрытию каждого персонажа через его смех, ругань, проявления ярости, коварства, хитрости, замешательства и др. Слушая и понимая вокальную музыку героического эпоса (речитативы, баллады), можно более точно понять эпический контекст произведений [6].

Являясь частью национальной культуры тибетцев, эпос о Гэсэре неразрывно связан с этническим, культурным, экологическим пространством своего сообщества. Он дает широкое видение, множество материалов для исследований и культурного обмена.

Заключение. «Гэсэр» – один из самых известных в мире эпосов, который имеет долгую историю, сложную структуру и широкое распространение. В настоящее время существует большое количество исполнителей, народных артистов, воспевающих героические подвиги царя Гэсэра в Тибете, Внутренней Монголии, Цинхае и других регионах Китая. Эпос «Гэсэр» очень любим в народе. Это подтверждается тем, что множество певцов, специализирующихся на исполнении этих речитативов, представляют свою интерпретацию. По мере углубления и развития культурных обменов между различными этническими группами в Китае «Гэсэр» распространился во многих этнических регионах этой страны, что оказало огромное влияние на культурное развитие таких национальностей, как монголы, туцзя, наси, югу, пуми и другие. Певцы, исполняющие речитативы эпоса «Гэсэр», живут в высокогорных районах Китая, в достаточно сложных климатических условиях. Во время тибетских фестивалей они демонстрируют свои навыки и поют бесплатно, тем самым вносят неопределимый вклад в распространение китайской музыкальной культуры.

Статья подготовлена в рамках следующих пректов: 1) Китайский национальный проект в области социальных наук и искусства «Исследование экосистемы музыкальной культуры Гэсэра» (№ регистрации: 20BD069); 2) «Поэтапные накопления Базы наследования и защиты нематериально-культурного наследия Цинхай-Тибетского нагорья».

Список использованных источников

1. Сун, Г. Гэсэриада как уникальный памятник культуры / Г. Сун // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. – 2010. – № 3 (35). – С. 91–94.
2. Владимирцов, Б. Я. Тибетские театральные представления / Б. Я. Владимирцов // Восток. – 1923. – Кн. 3. – С. 97–107.
3. Го, Сяохун. Юшу Гэсэр. Музыкальное антропологическое исследование / Сяохун Го. – Цинхай : Цинхай. нар. изд-во, 2014. – 205 с. (на кит. яз.) 郭晓虹, 玉树格萨尔音乐人类学研究, 青海人民出版社, 2014年9月.
4. Гэндуй, Пьедзе. Краткая история тибетской музыки / Пьедзе Гэндуй. – Тибет : Тибет. нар. изд-во, 2003. – 199 с. (на кит. яз.) 更堆培杰, 西藏音乐史略, 西藏人民出版社, 2003年.
5. Дамдинсурэн, Ц. Исторические корни Гэсэриады / Ц. Дамдинсурэн. – М. : Изд-во АН СССР, 1957. – 240 с.
6. Дэн, Чжэньцао. Современное наследие и культурное представление эпоса Гэсэра / Чжэньцао Дэн. – Пекин : China Social Sciences Press, 2018. – 228 с. (на кит. яз.) 丹珍草, 格萨尔史诗当代传承实践及其文化表征, 中国社会科学出版社, 2018年.
7. Дугаров, Б. С. Сакральный мир бурятской Гэсэриады: небесный пантеон и генезис героя : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.09 / Б. С. Дугаров ; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – Улан-Удэ, 2005. – 44 с.
8. Коновалов, П. Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии: (древность и средневековье) / П. Б. Коновалов. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 1999. – 214 с.
9. Неклюдов, С. Ю. Жанрово-типологическое сопоставление бурятского героического эпоса и русской былины / С. Ю. Неклюдов // Фольклор: поэтическая система : [сб. ст.] / АН СССР, Науч. совет по фольклору при Отд-нии лит. и яз., Ин-т мировой лит. ; [отв. ред.: А. И. Баландин, В. М. Гауак]. – М., 1977. – С. 126–134.
10. Ноб, Вангдан. Художники, тексты и контекст: эпическая традиция Гэсэра с точки зрения культурной критики / Вангдан Ноб. – Цинхай : Цинхай. нар. изд-во, 2016. – 293 с. (на кит. яз.) 诺布旺丹, 艺人、文本和语境: 文化批评视野下的格萨尔史诗传统, 青海人民出版社, 2016年.
11. Ноб, Вангдан. Поэтическая мудрость и интеллектуальная повествовательная традиция: повторное открытие наследственного типа Гэсэра / Ноб Вангдан. – Цинхай : Изд. дом национальностей Цинхай, 2018. – 293 с. (на кит. яз.) 诺布旺丹, 诗性智慧与智态化叙事传统 - 格萨尔传承类型的再发现, 青海民族出版社, 2018年.
12. Хомонов, М. П. Гэсэриада эпос мирового значения / М. П. Хомонов // Гэсэриада – духовное наследие народов Центральной Азии : междунар. науч. конф. / Бурят. ин-т обществ. наук. – Улан-Удэ, 1995. – С. 14–18.

13. Хундаева, Е. О. Монгольские списки Гэсэриады / Е. О. Хундаева // Средневековая культура Центральной Азии: письменные источники : сб. ст. / Бурят. науч. центр, Ин-т обществ. Наук ; [отв. ред. К. Герасимова]. – Улан-Удэ, 1995. – С. 62–76.
14. Чао, Гэцинь. Сборник эпических исследований / Гэцинь Чао. – Пекин : China Social Sciences Press, 2016. – 320 с. (на кит. яз.) 朝戈金, 史诗学论集, 中国社会科学出版社, 2016年.
15. Чагдуров, С. Ш. Гэсэриаде 1000 лет / С. Ш. Чагдуров // Гэсэриада: прошлое и настоящее : сборник / М-во культуры БССР, Бурят. отд-ние Всерос. фонда культуры ; науч. ред. С. Ш. Чагдуров. – Улан-Удэ, 1991. – С. 73–89.
16. Чагдуров, С. Ш. Стихосложение Гэсэриады / С. Ш. Чагдуров. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1984. – 127 с.

References

1. Sun G. Geseriada as a unique cultural monument. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, 2010, no. 3 (35), pp. 91–94 (in Russian).
2. Vladimirtsov V. Ya. Tibetan theatrical performances. *Vostok [East]*, 1923, bk. 3, pp. 97–107 (in Russian).
3. Go S. 玉树格萨尔音乐人类学研究 [Yushu Geser. Musical anthropological research]. Qinghai, Qinghai People's Publishing House, 2014. 205 p. (in Chinese).
4. Gendui P. 西藏音乐史略 [A brief history of Tibetan music]. Tibet, Tibetan People's Publishing House, 2003. 199 p. (in Chinese).
5. Damdinsuren Ts. *Historical roots of Geseriad*. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1957. 240 p. (in Russian).
6. Den C. 格萨尔史诗当代传承实践及其文化表征 [Modern heritage and cultural representation of the Geser epic]. Beijing, China Social Sciences Press, 2018. 228 p. (in Chinese).
7. Dugarov B. S. *The sacred world of the Buryat Hesariad: the heavenly pantheon and the genesis of the hero*. Abstract of Ph.D. diss. Ulan-Ude, 2005. 45 p. (in Russian).
8. Konovalov P. B. *Ethnic aspects of the history of Central Asia (ancient and medieval times)*. Ulan-Ude, Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 1999. 214 p. (in Russian).
9. Neklyudov S. Yu. Genre-typological comparison of the Buryat heroic epic and the Russian epic. *Fol'klor: poe-ticheskaya sistema: sbornik statei [Folklore: poetic system: collection of articles]*. Moscow, 1977, pp. 126–134 (in Russian).
10. Nob V. 艺人、文本和语境: 文化批评视野下的格萨尔史诗传统 [Artists, texts and context: the epic tradition of Geser from the point of view of cultural criticism]. Qinghai, Qinghai People's Publishing House, 2016. 293 p. (in Chinese).
11. Nob V. 诗性智慧与智态化叙事传统 – 格萨尔传承类型的再发现 [Poetic wisdom and intellectual narrative tradition: the rediscovery of Geser's ancestral type]. Qinghai, Qinghai Nationalities Publishing House, 2018. 293 p. (in Chinese).
12. Khomonov M. P. Geseriada epos of world significance. *Geseriada – dukhovnoe nasledie narodov Tsentral'noi Azii: mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya [Geseriada – the spiritual heritage of the peoples of Central Asia: international scientific conferences]*. Ulan-Ude, 1995, pp. 14–18 (in Russian).
13. Khundaeva E. O. Mongolian lists of the Geseriada. *Srednevekovaya kul'tura Tsentral'noi Azii: pis'mennye istochniki: sbornik statei [Medieval culture of Central Asia: written sources: collection of articles]*. Ulan-Ude, 1995, pp. 62–76 (in Russian).
14. Chao G. 史诗学论集 [Collection of epic studies]. Beijing, China Social Sciences Press, 2016. 320 p. (in Chinese).
15. Chagdurov S. Sh. Geseriada is 1000 years old. *Geseriada: proshloe i nastoyashchee: sbornik [Geseriada: past and present: collection]*. Ulan-Ude, 1991, pp. 73–89 (in Russian).
16. Chagdurov S. Sh. *Poetry of the Gesariad*. Ulan-Ude, Buryat bookstore publishing house, 1984. 127 p. (in Russian).

Сведения об авторах

Го Сяохун – профессор школы искусств. Цинхайский университет национальностей (Цинхай, Китайская Народная Республика). E-mail: 1241408478@qq.com

Е Цюн – кандидат педагогических наук, преподаватель школы искусств. Цинхайский университет национальностей (Цинхай, Китайская Народная Республика). E-mail: yeqiongmink@163.com

Information about the author

Guo Xiaohong – Art School Professor. Qinghai University of Nationalities (Qinghai, China). E-mail: 1241408478@qq.com

Ye Qiong – Ph. D. (Pedagogical), Art School Lecturer. Qinghai University of Nationalities (Qinghai, China). E-mail: yeqiongmink@163.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА
LITERARY SCIENCE

УДК 821.161.3.09Танк
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-4-401-411>

Паступіў у рэдакцыю 08.07.2022
Received 08.07.2022

М. У. Мікуліч

*Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі,
Мінск, Беларусь*

**“НА КАМНІ, ЖАЛЕЗЕ І ЗОЛАЦЕ...”:
ПАЭЗІЯ МАКСІМА ТАНКА ЯК ІДЭЙНА-МАСТАЦКІ ФЕНОМЕН**

Анотацыя. Аналізуецца творчы шлях Максіма Танка, раскрываюцца ідэйна-художественная спецыфіка і системна-модульныя асновы яго паэзіі. Аўтар акцэнтуюць увагу на тым, што раннія творы М. Танка адрозніваюцца к прынцыпам ісконнага народнага сусветнага ўспрымання, так званым партыцыпатыўным мысленнем, фальклорна-дэманалогічным вопытам асобы, сялянскай педагогіцы з яе тонкім і нелегкім сельскагаспадарчым календарам, падкрэплваюць філасофска-аналітычны характар, гуманістычнае змест і сацыяльна-патрыятычны пафос яго творчасці зрелага перыяду.

Выяўляюцца домінуючыя характэрыстыкі нацыянальна-генетычнага кода творчасці М. Танка, асэнсавана праблема паэтызацыі велікага прыцягнення пераходных зямных асноваў чалавечага быцця, неаслабных сувязей з Родзінай, яе духоўнымі і матэрыяльнымі традыцыямі і каштоўнасцямі. Згадваюцца сацыяльна-маральнае змест і духоўна-філасофскае цэласнасць лірычнага героя паэта, які адлюстроўваў пачуццё нацыянальнага і чалавечага годнасці і характэрызаваўся ўнутраным бласлаўствам і прыгажосцю душы.

Ключавыя словы: народнае сусветнае ўспрымання, творчы асабісты характар, традыцыі, праблемна-тэматычнае змест, лірыка-аповесцінавальны, асабісты, рэалістычнае адлюстраванне, рымантычны, лірычны герой, прадметна-апісальны, узаемадзеянне, стыльовае цячэнне

Для цытавання: Мікуліч, М. У. “На камяні, жалезе і золце...”: паэзія Максіма Танка як ідэйна-мастацкі феномен / М. У. Мікуліч // Весті Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 4. – С. 401–411. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-4-401-411>

Nikolay V. Mikulich

*Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus*

**“ON STONE, IRON AND GOLD...”:
MAXIM TANK’S POETRY AS A CONCEPTUAL AND ARTISTIC PHENOMENON**

Abstract. The creative path of Maxim Tank as well as the ideological and artistic specificity and system-modular foundations of his poetry are analyzed in the article. The author notes the appeal of the early M. Tank to the principles of the original folk worldview, the so-called participatory thinking, the folklore-demonological experience of the individual, peasant pedagogy with its subtle and hard agricultural calendar, emphasizes the philosophical and analytical nature, humanistic content and socio-patriotic pathos of his mature work period.

The article reveals the dominant characteristics of the national genetic code of M. Tank’s creativity, comprehends the problem of poetization of the great attraction of the primordial earthly foundations of human existence, unflagging ties with the Motherland, its spiritual and material traditions and values. The author emphasizes the socio-moral content and spiritual and philosophical integrity of the poet’s lyrical hero, who deeply revealed a sense of national and human dignity and was characterized by inner nobility and spiritual and human beauty.

Keywords: folk attitude, creative individuality, traditions, problem and thematic content, lyrical and narrative, image, realistic reflection, romantic, lyrical hero, subject and pictorial, interaction, stylistic trend

For citation: Mikulich M. U. “On Stone, Iron and Gold...”: Maxim Tank’s poetry as a conceptual and artistic phenomenon. *Vesti Natsyyanal'noi akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 4, pp. 401-411 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-4-401-411>

Уводзіны. Паскоранае станаўленне і развіццё творчай індывідуальнасці Максіма Танка былі абумоўлены характэрным трыадзінствам унікальнасцей – самога чалавечага характару паэта, яго жыццёвай біяграфіі і, натуральна, мастацкага таленту. Нам давалося даволі шмат сустрэкацца і гутарыць з народным паэтам БССР, асабліва на заключным этапе яго жыцця і творчасці. Гэта быў вельмі ціхі, спакойны, мяккі чалавек падкрэслена інтравертнага псіхалагічнага тыпу – поўная супрацьлегласць псеўданіму. На дзіва непрэтэнцыёзны, сумленны, шчыры, вельмі сціплы і нават сарамлівы. Дадзеныя якасці нават далі падставы некаторым пісьменнікам, напрыклад, А. Карпюку, Я. Брылю, Л. Арабей публічна папракаць яго ў нясмеласці і нерашучасці. М. Танка вызначалі да наіўнасці шчырая і даверлівая дабрадушнасць, роўнае, высакароднае стаўленне як да сяброў-аднадумцаў, так і да апанентаў, якіх, дарэчы, у паэта было вельмі мала, менш, чым у любога іншага з тагачасных беларускіх літаратараў. Складвалася ўражанне, што для яго не было кепскіх людзей – літаральна ў кожным ён знаходзіў нешта станоўчае, добрыя якасці [9, с. 67].

Колькі разоў М. Танк гаварыў мне пра тое, што хоча перапісаць паэму “Нарач”, бо яна яму не ўдалася, перапрацаваць многія свае вершы, бо яны слабыя. “Як пагляджу: столькі слабага, столькі слабага...” І гэта пры тым, што паэму “Нарач” даўно высока ацанілі айчынная і замежная (польская, літоўская, руская, украінская) крытыка і літаратуразнаўства, а пра такія “слабыя” вершы маглі б толькі марыць многія сучасныя беларускія паэты. Яўген Іванавіч неаднаразова адзначаў, што я перахваліў яго ў сваёй манаграфіі “Максім Танк і сучасная беларуская лірыка” [8]. “Будзе вам, будзе і мне!” – неаднойчы казаў ён, маючы на ўвазе магчымую рэакцыю крытыкі і чытачоў. І гэта ў той час, калі кнігу ў цэлым вельмі прыхільна, без асаблівых крытычных заўваг прынялі нашы спецыялісты. А чаго варта ацэнка паэтам сваёй давераснёўскай творчасці, дадзеная ім у дзённікавых нататках “Лісткі календара”. “З жахам агледзеўся, што мне мінула 27 год! – запісаў ён 29 верасня 1939 г. – А ў мяне толькі некалькі зборнікаў вершаў, сярод якіх 75 працэнтаў слабых, 20 працэнтаў – сярэдніх і толькі 5 працэнтаў – добрых. Няма чым хваліцца” [13, с. 328].

Уявіце сабе, ён саромеўся насіць свае дзяржаўныя ўзнагароды, саромеўся таго, што іх, узнагарод, у яго шмат. Як вядома, М. Танк быў кавалерам чатырох ордэнаў Леніна (1962, 1968, 1974, 1982), двух ордэнаў Працоўнага Чырвонага Сцяга (1948, 1951), ордэна Чырвонага Сцяга (1943), ордэна Кастрычніцкай Рэвалюцыі (1971), ордэна Айчыннай вайны II ступені (1985), ордэна Дружбы народаў (1987), кавалерам Афіцэрскага крыжа Адраджэння Польшчы (1958), Залатога Знака ордэна Заслугі Польскай Народнай Рэспублікі (1982), меў многія іншыя дзяржаўныя ўзнагароды, напрыклад, медаль Францыска Скарыны (1992).

Ніхто ніколі не чуў ад М. Танка, што ён з’яўляецца Героем Сацыялістычнай Працы, акадэмікам Акадэміі навук Беларусі. «Бацька гэтых пасадаў і званняў нават саромеўся, – прызнаваўся падчас адной з нашых сустрэч і гутарак сын народнага паэта Максім Яўгенавіч. – Ніколі ні ў сям’і, ні сярод сваякоў, ні дзе-небудзь яшчэ ён не сказаў, што з’яўляецца дэпутатам ці старшынёй Вярхоўнага Савета, Героем Сацыялістычнай Працы і г. д. Ён ніколі не насіў ордэнаў, планак ніколі не насіў, хіба што толькі ў сувязі з нейкімі вельмі вялікімі ўрачыстасцямі. І то, адзене іх і саромецца. У такіх выпадках ён меў выгляд дзіцяці, якое апанулі ў нязвычайнае адзенне.

А вось пра гэта і маці гаварыла: ні на адным з фотаздымкаў, зробленых на нейкіх урадавых прыёмах і ўрачыстых мерапрыемствах, ён не стаяў на пярэднім плане, побач з галоўнай чыноўнай асобай. Заўсёды дзесьці ў кутку ці ў апошнім радзе, за спінамі іншых.

Ён быў такі, што ніколі ўперад не палезе, ніколі сам дзесьці ў прэзідыуме не сядзе. Гэта толькі калі абставіны вымагаюць, калі пранумараваны месцы з указаннем прозвішчаў канкрэтных асоб. Заўсёды сядзе дзесьці ў зале. Я сам бачыў, як яго шукалі: “Яўген Іванавіч, дзе вы, падымайцеся ў прэзідыум...”».

Максім Яўгенавіч расказваў, як здзівіліся высокія генералы ў Баранавічах, калі па іх запрашэнні ў мясцовую воінскую часць прыехаў М. Танк, каб наведаць сына-ваеннаслужачага і выступіць перад салдатамі і афіцэрамі. Яны чакалі ў часці старшыню праўлення Саюза пісьменнікаў БССР і старшыню Вярхоўнага Савета БССР на службовай “Волзе”, а яго давалося сустрэкаць на чыгуначным вакзале, бо прыехаў на звычайнай электрычцы. Ды яшчэ і пэўны час чакаць, бо зайшоў у прывакзальны буфет...

Сёння ў гэта цяжка паверыць, але, аказваецца, М. Танк плаціў свайму шафэру за кожную паездку на лецішча...

Несумненна, паказчыкам высокай маралі і вялікай сціпласці М. Танка з'яўляецца і той факт, што ён прасіў пахаваць яго не ў Мінску на элітарных Усходніх могілках, а на Мядзельшчыне, на Слабадскім пагосце ў вёсцы Новікі, дзе пахаваны яго родныя і блізкія, побач з маці і бацькам. У завяшчанні паэт прасіў хаваць яго без ордэнаў, музыкі і прамоў, “як найсціплей, як хавалі і хаваюць спрадвеку ў нас усіх”, не ставіць на магіле помнік, не надаваць яго імя ўстановам і памятным мясцінам.

Жыццёвая біяграфія – гэта творчы лёс пісьменніка, ва ўсякім выпадку паэта. Яна мае вызначальную ролю ў станаўленні і развіцці яго мастацкай індывідуальнасці.

Асноўная частка. Максіму Танку, як нікому іншаму з беларускіх пісьменнікаў, давялося жыць у пяці краінах. Яўген Скурко, будучы беларускі паэт Максім Танк, нарадзіўся па новым стылі 17 верасня 1912 г. у вёсцы Пількаўшчына Вілейскага павета Віленскай губерні, у царскай Расіі. Рушыўшы разам з бацькамі падчас Першай сусветнай вайны ў бежанства, ён з 1917 па 1922 г. жыў у Савецкай Расіі, у Маскве. Вярнуўшыся на Радзіму, апынуўся ў Польшчы, паколькі яго родныя мясціны знаходзіліся ў складзе Заходняй Беларусі, якая, паводле Рыжскага мірнага дагавора 1921 г., адышла да гэтай дзяржавы. Пасля ўз'яднання Беларусі ў 1939 г. М. Танк жыў у Савецкім Саюзе, а памёр 7 жніўня, а на самай справе, як настойваў яго сын Максім Яўгенавіч, 6 жніўня 1995 г. у незалежнай Рэспубліцы Беларусь, у Мінску.

Цікава, што чытаць і пісаць будучы народны паэт Беларусі навучыўся спачатку па-руску, затым па-польску і толькі пасля на роднай мове. Справа ў тым, што ў школу малы Яўген Скурко пайшоў у бежанстве ў Маскве. Вывучаючы рускую мову і літаратуру, палюбіў творы Пушкіна, Някрасава, Гоголя, Горкага, некаторых іншых пісьменнікаў. Вярнуўшыся з уцякацтва, працягваў вучобу ў польскіх школах: спачатку ў Шклёнікава, пасля ў Сватках. Тут ён пазнаёміўся з польскай класікай – Міцкевічам, Славацкім, Сянкевічам, Ажэшкай...

Беларуская кніга ўпершыню трапіла ў рукі Яўгена Скурко толькі ў 1925 г. Гэта быў беларускі каляндар, у якім увагу падлетка прыцягнулі сацыяльна і патрыятычна заангажаваныя вершы Янкі Купалы.

Тое, што М. Танк пазнаёміўся спачатку з рускай літаратурай, затым з польскай і толькі пасля – з беларускай, абвастрыла ў ім пачуццё нацыянальнага, якое прывяло яго ў шэрагі актыўных удзельнікаў народна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі. З першых сваіх крокаў у літаратуры ён развіваўся як вельмі беларускі паэт, беларускі па самім тыпе мастацкай свядомасці, філасофіі творчасці, вобразным ладзе мыслення, ды і па тэмах і праблемах, якія ён выбіраў для мастацкага асэнсавання.

Малады Яўген Скурко вучыўся ў чатырох гімназіях, аднак ніводнай з іх не закончыў: Вілейскую рускую, якая знаходзілася ля самай мяжы з Савецкім Саюзам, з-за нарастання ў ёй падпольнага руху закрылі польскія ўлады, з Радашковіцкай беларускай і Віленскай беларускай ён быў адлічаны за непадпарадкаванне адміністрацыі і ўдзел у забастовачным руху пратэсту, а падчас навучання ў Віленскай рускай пачынаючага паэта непасрэдна ў класе арыштавала польская паліцыя і кінула на Лукішкі.

Антыномы і парадоксы жыццёвага лёсу Максіма Танка заключаюцца ў тым, што ён быў народным паэтам БССР, акадэмікам Акадэміі навук Беларусі, аднак не толькі не меў вышэйшай адукацыі, але і закончанага сярэдняга. У сваёй картачцы персанальнага ўліку члена Саюза пісьменнікаў у графе “Адукацыя” паэт указаў, што ў 1954 г. закончыў Вячэрні ўніверсітэт марксізму-ленінізму пры Мінскім гаркаме КПБ.

У 1930-я гг. М. Танк працаваў інструктарам ЦК камсамола Заходняй Беларусі, у легальных і нелегальных перыядычных выданнях, неаднаразова арыштоўваўся польскай дэфензівай і знявольваўся ў турму. Усяго паэт адседзеў на Лукішках каля двух гадоў. У перыяд вайны ён служыў у франтавым друку, у газеце “За Савецкую Беларусь” і агітплакаце “Раздавім фашысцкую гадзіну”, паскорана адаптаваўся да новых для яго савецкіх грамадска-сацыяльных умоў і парадкаў. Дарэчы, у канцы 1930-х гг. былі рэпрэсаваны, высланы ў Сібір цёткі паэта па бацькавай лініі

Соня і Поля з сем'ямі, якія жылі ў Савецкім Саюзе, а ў гады вайны пры нявысветленых абставінах ад рук партызан загінула малодшая сястра Вера са сваім двухгадовым сынам. У пасляваенны перыяд Максім Танк працаваў на адказных дзяржаўных пасадах. На працягу 18 гадоў (з 1948 па 1966 г.) паэт кіраваў вядучым беларускім літаратурна-мастацкім часопісам “Полымя”, на працягу 24 гадоў (з 1966 па 1990 г.) узначальваў на той час вельмі аўтарытэтную, сацыяльна значную і ўплывовую арганізацыю – Саюз пісьменнікаў Беларусі. 24 гады (з 1947 па 1971 г.) ён з'яўляўся дэпутатам Вярхоўнага Савета БССР, 20 гадоў (з 1969 па 1989 г.) – дэпутатам Вярхоўнага Савета СССР. М. Танк працаваў старшынёй Вярхоўнага Савета БССР VI і VII скліканняў (1963 – 1971 гг.).

Гады, калі старшынёй праўлення Саюза пісьменнікаў працаваў М. Танк, былі залатым часам у гісторыі беларускай літаратуры.

Відавочна, што такой жыццёвай біяграфіі, як у М. Танка, не меў і не мае ніводзін беларускі пісьменнік. Сінтэз рэдкага чалавечага характару і яркага мастацкага таленту, а таксама ўнікальнай жыццёвай біяграфіі абумовіў вялікія творчыя здабыткі Максіма Танка, якія сёння ўзбагачаюць класічную славянскую і еўрапейскую літаратурную спадчыну, знаходзяцца ў аснове духоўнай культуры беларускага народа.

Вялікі ўплыў на станаўленне творчай індывідуальнасці Максіма Танка зрабіла вусная народная творчасць. Фальклорная заангажаванасць ранняй лірыкі паэта найперш і галоўным чынам зводзіцца да шматстайнай варыятыўнасці ў распрацоўцы традыцыйных народных тэм, матываў, вобразаў і інш. Стылізацыя, цытаванне, некаторыя іншыя прыёмы не адпавядалі асновам яго мастацка-творчай капцэпцыі.

Ёсць дастатковыя падставы меркаваць, што пачынаючы паэт не абмінуў сваёй увагай дэманалогію, так ці інакш скарыстоўваў міфалагічныя вобразы, народную фантастыку. У якасці прыкладу мэтазгодна прывесці радкі з яго ранняга астрожнага верша «Санет», напісанага ў 1933 г. (унутраны маналог вязня):

Заснула казка на акне маім астрожным:
Бялеюць грэбні неабсяжных гор,
Над імі – лесу цёмнага ўзор
На небасхіле змрочным і трывожным.

Звяры там з лесуном пужаюць падарожных,
Там вадзянік жыве ў глыбі азёр,
Чараўніком прыкуты да скалы арал,
Галосіць вецер там між пуцявін дарожных... [13, с. 34].

Даўно даказана, што «чараўніцы, вадзянікі, ведзьмы, лесавікі, дамавікі, русалкі напаўняюць прыроду беларуса і надаюць ёй своеасаблівае адценне ўмяшчальні таямнічых пантэістычных сіл. Прырода ў светасузіранні народа не толькі арэна яго зямнога жыцця, але і спадарожніца яго духу» [6, с. 16]. Вывядзенне ў творчасці М. Танка вобразаў міфалагічных істот, якія арганічна паяднаны з навакольнымі з'явамі, варта разглядаць не толькі ў якасці нейкага абстрактнага нацыянальнага фону – у лепшым сэнсе гэтага слова. На наш погляд, у ім выявілася імкненне паэта да акцэнтацыі значнасці народнай глебы, нацыянальных каранёў, свядомага ўвасаблення вялікіх залежаў адвечных духоўных патэнцый беларусаў. Дзесьці тут у зародку і персаніфікацыя, інша-сказальнасць – тэндэнцыя, якая будзе развівацца М. Танкам у далейшым.

Народная лірыка вельмі моцна паўплывала на станаўленне творчага стылю М. Танка. В. Рагойша слушна заўважае: «Багатая рытмічная арганізацыя бытавой, абрадавай, любоўнай песні, зайздросная суадпаведнасць інтанацыі і сэнсу ў галашэннях, ярка выражаны танізм замоў – усяго гэтага не мог не адчуць паэт, які добра ведаў родны фальклор і па запісах многіх беларускіх фалькларыстаў, і з вуснага бытавання яго ў народным асяроддзі» [11, с. 138]. Калі паглядзець уважліва, то можна прыкмеціць, што раннія творы М. Танка і творы пачатку 1930-х гг. тыпалагічна набліжаны да песеннай народнай творчасці характарам лірычнага героя, пэўнымі асаблівасцямі яго светабачання. Такія вершы паэта, як «Загінуў таварыш...» (1931), «Грукаючы ў дзверы» (1932), «Пацыфікацыя» (1932) і інш., некаторымі момантамі праблемна-тэматычнага зместу, паэ-

тызацыі народна-сялянскага жыцця, малюнкавым каларытам, эмацыянальна-пачуццёвай гамай досыць пераканаўча выявілі своеадметнасць нацыянальных рыс беларуса, адносіны сацыяльных нізоў да навакольных з’яў і прадметаў, грамадскіх працэсаў і змен. Дастаткова відавочныя ў іх многія традыцыйныя сродкі мастацкай выразнасці.

Што датычыцца вобразна-стылявога ладу ранняй лірыкі М. Танка, то ў ім досыць яскрава акрэсліваецца такая тэндэнцыя, як, з аднаго боку, імкненне паэта да адухаўлення розных з’яў і прадметаў навакольнага свету, а з другога – апрадмечвання і адухаўлення сэнсавых катэгорый бяды, гора, долі, дум і г. д.: «Вецер неспакойны нў між дрэў, На мурах калючы дрот звінеў...» («Да дня»), «Глянуў дзень шэры за змрочныя краты...» («Першы снег»), «Гімнам кроў бруіць у жылах. У астросе думам цесна...» («Мы дарог яшчэ ўсіх не апелі...»), «Шуміць васільковая ніва, шуміць каласістае гора» («Калі прачынаецца вецер...»), «Доля шэрай разаткала ніткай Паясок апошні...» («Ой, не гніце, ветры...») і інш.

Трэба адзначыць, што М. Танк даволі творча ставіўся да самога акта выкарыстання элементаў вуснай народнай творчасці. Малады паэт быў далёкі ад голага захаплення архаікай, дыялектызмамі, містычнай экзотыкай, чым тады грашыў шмат хто з асяродку заходнебеларускіх літаратараў. «Ня можам сяння браць некаторыя факты з народнай творчасці, не афармляючы іх адпаведна і гэтым самым даючы толькі штучныя псэўдонародныя зьлепкі, як, напрыклад, розныя “князёўны”, “русалкі”, “ваўкалакі”, – пісаў ён у сваім праграмным артыкуле “Крыніцы нашай творчасці”. – Тыя, што твораць іх, забываюцца, што народная творчасць ня вырасла калісь у сіваю мінуўшчыну адразу, не зьяўляецца выключна прадуктам старым, акасыяцельным... І таму падыход да народнай тэматыкі, выкарыстаньне яе, – не перарываючы адначасна тых сонечных нітак, якімі гэтая творчасць звязана з мінуўшым і сянняшнім днём, – і ёсць той праблемай нашай мастацкай літаратуры, без зразуменьня якой мы будзем таптацца на мейсцы» [14, с. 22].

Так, у агульнай канцэпцыі ўспрымання нацыянальнага фальклору працэс адбору і актуалізацыі тых ці іншых элементаў народнай творчасці, жыццёва пераканаўчага і перспектыўнага ў ёй быў дужа важным для паэта. Найперш ён імкнуўся працаваць з тымі фальклорна-гістарычнымі крыніцамі і матэрыяламі, якія былі пазначаны спецыфікай і прыродай народнага мыслення, былі трапнымі і глыбокімі з пункта гледжання зместавых асаблівасцей, ідэйна-сэнсавага напаўнення і, канечне, удалымі ў мастацка-эстэтычных адносінах. Пераасэнсаваныя, унутрана абноўленыя, цесна паяднаныя з якасна новым матэрыялам, часта радыкалізаваныя ў сацыяльным плане, ужытыя, як правіла, у апорных структурах кампазіцыі, шматстайныя народныя тэмы, матывы і вобразы, сродкі і прыёмы садзейнічалі ўзнікненню індывідуальна-адметных, самабытных мастацкіх твораў.

Напрыклад, верш «Ой, не гніце, ветры» адкрывае паралелізм – адзін з важнейшых архітэктанічных прыёмаў народнай песні, які ўласцівы фальклору яшчэ з часоў анімістычнай і татэмістычнай даўніны:

Ой, не гніце, ветры, вербаў над ракою,
Над ракою быстрай не шумі, чарот.
Думала дзяўчына раннюю зарю,
Летнюю зарю ды каля варот [13, с. 144].

А. Весаюўскі пісаў, што «ў фальклорным паралелізме супастаўляюцца два матывы, адзін падкрэслівае другі, прычым перавага на баку таго, які напоўнены чалавечым зместам» [2, с. 144]. Чалавечая асоба ў ім своеасабліва «прапускаецца» праз «прыродную прызму». Акрамя гэтага мастацка-стылістычнага прыёму верш М. Танка пераняў ад народнай песні некаторыя элементы сіметрычнасці архітэктонікі, характэрнага рытміка-інтанацыйнага ладу, гукавой інструментоўкі. У ім сустракаем фальклорныя па сваім паходжанні паэтычныя звароты, таўталагічныя паўторы, эmfатычныя поклічы і інш. І пры ўсім гэтым ён не страціў сваёй арыгінальнай сутнасці, застаўся твораў індывідуальна-аўтарскім, самастойным зместава і фармальна. З народнай песняй яго не зблытаеш. Верш М. Танка адметны і цікавы характарам светаўспрымання канкрэтнай асобы, значнай ідэйна-сацыяльнай насычанасцю. Эмацыянальна-псіхалагічную нагрузку нясе ў ім, здаецца, кожная структурна-кампазіцыйная адзінка.

Прыкладна гэта ж можна канстатаваць і адносна напісанай некалькі пазней паэмы «Сказ пра Вяля», якая ўзнікла паводле народнай быліны, пачутай паэтам ад дзёда Хведара Маркавіча. Характэрны запіс знаходзім у яго дзённікавых нататках ад 13 студзеня 1939 г.: «Не агледзеўся, як мінула поўнач. Зайшоў дзед пацікавіцца, што гэта я пішу і пішу. Прачытаў я яму “Сказ пра Вяля”. Вельмі здзівіўся стары, як з яго кароткага апавядання пра разбойніка Вяля, які на Магдулінскай грэблі пераймаў і рабаваў людзей, я змог стварыць такую гісторыю» [12, с. 243 – 244]. Асобнымі сваімі рысамі паэма тыпалагічна набліжана да беларускіх народных казак «Каваль-багатыр», «Асілак» [15, с. 327], «Аб тым, як з дрэва стала дзіця» [16, с. 72] і інш., але з’яўляецца творам самастойным як па сваёй сюжэтна-вобразнай парадыгме, так і стылёва. Роля элементаў казкава-рамантычнай умоўнасці заключаецца тут у тым, што яны своеасабліва адцяняюць характэрныя рысы канкрэтна-рэалістычнага, паўнакроўнага вобраза народнага мсціўца.

Выход першага зборніка вершаў “На этапах” (1936), дарэчы, адразу канфіскаванага польскай паліцыяй, зрабіў М. Танка зоркай першай велічыні на небасхіле літаратуры Заходняй Беларусі. Творчасць паэта характарызуе высокая ступень нацыянальна-патрыятычнай свядомасці і грамадзянскай адказнасці лірычнага героя, яго арыентацыя на адвечныя маральна-этычныя прыцыпы і нормы жыцця працоўнага асяроддзя, багатыя залежы калектыўнага вопыту і традыцый. Засноўваючыся на ідэйна-эстэтычных набытках і дасягненнях сваіх папярэднікаў, найперш Я. Купалы, Я. Коласа і М. Багдановіча, ён імкнецца асэнсоўваць з’явы і працэсы заходнебеларускай рэчаіснасці ў іх анталагічным змесце, бачыць іх духоўна-сацыяльную прыроду, асноватворную сутнасць і напоўненасць, перспектывы далейшага развіцця. Духоўна-мастацкая свядомасць М. Танка актывізавалася балючай думкай пра зняволены родны край, спакутаную зямлю, прыгнечаны і заняпаны народ, пра кінутых у турэмныя засценкі братоў па змагарным руху і падпольніцкай дзейнасці. Глыбокім адчуваннем героікі часу, рамантычнай узвышанасцю драматычнага перажывання, патрыятычнай ахвярнасцю дыхалі многія вершы паэта, напрыклад, гэты:

Хто пачуў тваю песню жалезную,
Хто астрожную скаргу пачуў?
Беларусь, твае далі бязмежныя
Ўскалыхнуць сваёй песняй хачу! [13, с. 63].

Дадзеныя асаблівасці знайшлі сваё развіццё ў наступных кнігах М. Танка – “Журавінавы цвет” (1937), “Нарач” (1937) і “Пад мачтай” (1938). Мастацкі стыль паэта характарызаваўся падкрэсленай ёмістасцю і шматграннасцю зместу: лірыка-апавядальны, падзейна-эпічны пачатак спалучаўся ў ім з рэфлексіўна-медытатывым, філасофскім, выкрывальна-сатырычнай плынь дапаўнялася і падсвечвалася прамоўніцка-публіцыстычнай. Многім яго вершам, напрыклад, такім, як “Калі няма на свеце маёй мовы...”, “У падземлі”, “Шэрыя хаты, платы і вароты...”, “Лісце каштанаў” і інш., была ўласціва значная ступень рэалістычнай канкрэтнасці адлюстравання, прадметнай выразнасці жывапіснага малюнка, непасрэднасці і дакладнасці душэўна-псіхалагічнага перажывання. Яны з’яўляліся носбітамі засяроджанага філасофскага роздуму аўтара, іранічнага высмейвання, ліра-сатырычнага выкрыцця ім апанентаў і непрыяцеляў, крытычна-з’едлівай іскрамётнасці і палемічнага пафасу. М. Танк распрацоўваў кананічны, сабраны і разняволены верш, верлібр, выкарыстоўваў традыцыйныя, добра апрацаваныя шматлікімі папярэднікамі, і наватарскія, індывідуальна-аўтарскія сродкі мастацкай выразнасці. Разам з тым вядучай у яго творчасці, несумненна, з’яўлялася ўзнёсла-рамантычная стылёвая плынь, якая дазваляла яму глыбока і пераканаўча раскрыць свой духоўна-эстэтычны патэнцыял, выявіць ідэйна-маральны змест заходнебеларускай рэчаіснасці, асаблівасці яе вострых праблем і супярэчнасцей.

Паэзія Максіма Танка вызначалася экспрэсіўнасцю светаадчування, свежасцю і вастрынёй мыслення, рамантызаваным выяўленнем суролага рэалізму часу:

Нарач, як мора, шуміць
і на бераг круты наступае,
Дыміць над выгарамі і над палямі туман.

З ветрам узняўшыся, кружыцца вывадак чаек,
Спуджаных скрыпам абозаў і звонам кайдан.

І чуваць, па-над намі

лятуць недзе гусі у вырай.

Развітальны іх крык патанае ў глухой лебядзе.

Ды балюча скрыпяць і галосяць калёсы па жвіры,

Па мядзельскім тракту

бясконцы этап наш брыдзе [13, с. 36].

Паэзія М. Танка 1930-х гг. – гэта паэзія чорных скіб, шурпатах далоняў, незагойных ран, стогнаў у катоўнях, паэзія гневу і бунту, смелага выкліку. Яна грунтавалася на тонкай назіральнасці і ўражлівасці, эмацыянальна-псіхалагічнай пранікнёнасці лірычнага героя, услаўленні высокіх праяў святла і красы ў прыродным свеце, грамадскім асяроддзі і душы чалавека. Рамантычная летуценнасць, душэўная высакароднасць спалучаліся ў ёй з унутранай адмабілізаванасцю, наступальнай бескампраміснасцю, рэвалюцыйным гартам, ахвярнай мужнасцю. Вершы паэта “На касагоры”, “Чорныя скібы”, “Адказ”, “У маршы” і іншыя неслі гаркотную развагу, прысумленую споведзь, даверлівае прызнанне, але часцей – суцязэнне і падтрымку, бадзёрасць і веру, гарачкаваты заклік, сведчылі трывалую сувязь з “бязмежным светам народнай героікі” (Р. Бязрозкін). “Максім Танк гэта вельмі маладая, але сільная творчасцю індывідуальнасць, – пісала ў 1936 г. газета “Наша воля”. – Ягоная творчасць вырасла ў вастрогах і, вырваўшыся з турмы, заліла Зах. Беларусь. Творы Танка – гэта лявіна, гэта бурная хваля, якая парывае ўсіх, трасе ўсім і ламае ўсё. Танк можа стацца вялікім песьняром Беларусі, калі не забудзе аб найважнейшай умове – згушчаць чым найбольш думку на палатне вобраза” [10, с. 2].

Вялікае месца ў творчасці паэта належала такім ёмістым сацыяльна-маральным катэгорыям, як матчына песня, родныя загоны, каласістае гора, этапныя дарогі, звон кайданаў, муры і краты, жалезны вырай, вясна-перамога і інш. Яны ўвасаблялі характэрныя рысы грамадска-палітычнага жыцця Заходняй Беларусі, духоўна-сацыяльнай свядомасці народа. Гэтыя катэгорыі раскрывалі вызначальныя асаблівасці беларускага нацыянальнага лёсу.

Кнігі М. Танка “На этапах”, “Журавінавы цвет”, “Нарач” і “Пад мачтай”, вершы і паэмы з’яўляюцца лепшымі ў заходнебеларускай літаратуры. Творчасць паэта сведчыла пра жыццёўстойлівасць беларускай нацыі, яна сцвярджала моц і сілу народа, які жыў ідэямі аб’яднання, сацыяльнай і нацыянальнай волі, годнага ўпарадкавання сваёй Радзімы, раскрывала прыгажосць яго высакароднай душы.

Але на поўную сілу творчая індывідуальнасць Максіма Танка раскрылася ў пасляваенны перыяд.

У 1960–1980-я гг. паэт сцвердзіў у беларускай літаратуры такія ідэйна-мастацкія напрамкі, як паэтызацыя спагончых зямных асноў народнага жыцця, духоўна-маральных каштоўнасцей працоўнага асяроддзя, працы хлебароба, аратага, сейбіта, філасофска-аналітычнае асэнсаванне складанай і супярэчлівай дыялектыкі прыватных з’яў і гістарычных працэсаў, шматстайнай прычынна-выніковай сувязі асобы і грамадства, раскаванасць мастацкага мыслення, набліжэнне мовы паэзіі да мовы прозы, умоўна-асацыятыўная вобразнасць і г. д.

Кнігі вершаў М. Танка “Мой хлеб надзённы” (1962), “Глыток вады” (1964), “Перапіска з зямлёй” (1967), “Хай будзе святло” (1972), “Дарога, закалыханая жытам” (1976), “Прайсці праз вернасць” (1979), “За маім сталом” (1982) і іншыя вызначаюцца арганічным спалучэннем маштабнасці гістарычнага мыслення, шырыні духоўна-сацыяльных даляглядаў і пластыкі прадметнага аналізу, прыватнай канкрэтыкі з’яў і рэчаў. У іх філасофска-аналітычная медытацыя суседнічае з грамадзянска-патрыятычным характарам мастацкага дыскурсу, прамоўніцка-публіцыстычны пафас дапаўняецца тонкай іроніяй і знішчальнай сатырай.

Зборнік вершаў паэта “Каб ведалі” быў адзначаны Дзяржаўнай прэміяй СССР (1948), зборнік “Мой хлеб надзённы” – Дзяржаўнай прэміяй БССР імя Янкі Купалы (1966), а кніга паэзіі ў перакладзе на рускую мову “Нарочанские сосны” (Масква, 1977) – Ленінскай прэміяй (1978).

У 1960–1990-я гг. творчая індывідуальнасць М. Танка выявілася ва ўсёй сваёй маральна-філасофскай глыбіні і ідэйна-эстэтычнай сіле, духоўны свет лірычнага героя раскрыўся шырока

і ўсебакова, у мностве найтанчэйшых душэўна-псіхалагічных змен і зрухаў. Паэзія М. Танка становіцца па-сапраўднаму шматколерна-поліфанічнай. Не могуць не ўражваць глыбінёй і ёмістасцю свайго раскрыцця, вытанчанай дасканаласцю і гарманічнасцю яе прыродаапісальны і любоўна-інтымны вобразна-тэматычныя пласты. На глебе актыўнага духоўна-гуманістычнага сцвярджэння жыцця новую актывізацыю перажывае інтэлектуальны пачатак творчасці мастака, узмацняецца яе філасофска-медытатыўны характар, “штойнасьць” (Дж. Джойс). “Пасталенне душы” паэта, як слухна адзначала А. Кабаковіч у сваёй манаграфіі “Беларускі свабодны верш”, “угадваецца ў новым ракурсе думкі, у яе своеасаблівых паваротах, тым больш нечаканых, чым глыбей яна пранікае ў пласты чалавечага існавання...” [5, с. 123]. Пра што б М. Танк ні пісаў, любую падзею або працэс ён падвяргаў усебаковай сутнаснай выверцы, уключаў у кантэкст шырокіх духоўна-сацыяльных даляглядаў, праблемна-тэматычна суадносіў з вядучымі грамадскімі тэндэнцыямі і заканамернасцямі. Гэта добра засведчылі адзначаныя зборнікі паэта.

«Многія вершы сучасных беларускіх паэтаў, – падкрэсліваў акадэмік У. Гніламедаў, – вабяць традыцыйнай канкрэтнасцю, “рэчыўнасцю” сваіх вобразаў, акрэсленасцю і лаканізмам у выяўленні пачуццяў. У гэтым працэсе бачна схільнасць да жыццёвай верагоднасці, дакладнасці факта. “Рэчыўнасць”, “канкрэтнасць” – як рысы стылю – дасталіся паэзіі ў спадчыну ад Коласа і, у меншай ступені, ад Багдановіча. Гэта своеасаблівая паэтычная выяўленчасць, інтэнсіўная вобразнасць, якія не перашкаджаюць адлюстраванню духоўнага пачатку» [4, с. 186 – 187]. Сказанае, на наш погляд, цалкам датычыцца мастакоўскага аблічча М. Танка, адпавядае творчым памкненням яго няўрымслівай натуры, уласціва яго індыўдуальнаму почырку. Адгукваючыся на разнастайныя з’явы навакольнай рэчаіснасці, усаўляючы матэрыяльна-прыроднае багацце жыцця, выяўляючы асаблівасці «дыялектыкі душы» сучасніка, паэт заўсёды ці амаль заўсёды імкнуўся да стварэння паўнакроўнай мастацкай карціны, падкрэслена яркага паказу падзей і прадметаў, вылучэння ў іх непаўторнае, індыўдуальна-своеадметнае, намагаўся глыбока і ўсебакова раскрыць рысы пэўнага эмацыянальна-пачуццёвага стану лірычнага героя. У гэтай сувязі нельга не пагадзіцца з М. Арочкам, які ў гаворцы пра яго эстэтычныя вышукі пачатку 1970-х гг. слухна акцэнтаваў наступнае: «Ёсць тут, у новых вершах паэта, тая надзвычай уласцівая для яго якасць, што з лепшага боку вызначае ўсю беларускую паэзію, – гэта рэчыўная важкасць, матэрыяльнасць вобраза, канкрэтнасць адчування свету. Такую вобразнасць, здаецца, можна пакратаць рукамі, узяць у пальцы, як соль, пакласці на далонь, як хлеб» [1, с. 188]. Прасякнутая глыбокім лірычным пафасам, адзначаная «канкрэтнасць адчування свету» ў паэзіі М. Танка зусім не здымала абагульняючага фактару, інтэлектуальнай насычанасці твораў, як правіла, функцыянавала ў кантэксце шырокіх сацыяльных абсягаў лірычнага героя, так ці інакш працавала на вядучыя духоўна-гуманістычныя тэндэнцыі часу. Відаць, якраз апошнія яшчэ ў 1930-я гг. дало падставы Я. Купалу ў размове пра паэта з П. Глебкам і іншымі літаратарамі адзначыць: «А шырыня ў вершах цудоўная» [3, с. 240].

М. Танк развіў і паглыбіў лепшыя традыцыі нацыянальнага паэтычнага мастацтва. За гады ён выпрацаваў арыгінальную і ў той жа час жыццёва пераканаўчую філасофскую і мастацка-эстэтычную канцэпцыю адносін да рэчаіснасці, выяўлення яе супярэчлівай сутнасці і духоўна-перспектыўных даляглядаў. У яе аснове – надзвычай тонкая, на мяжы падсвядомага чуйнасць паэта да шматстайных адценняў-пераліваў слоўна-вобразнага значэння. М. Танк сваёй творчай практыкай засведчыў рэдкае майстэрства арганічнага спалучэння «густой», настоенай на водары крамянага народнага слова вобразнасці і асаблівасцей абстрагаванага светаадчування, парадасальнасці асацыятыўнага мыслення, лагізаванай медытатыўнасці:

Ключ жураўліны!
Гэта – ключ, якім адмыкаюць
Веснія воды,
Цёплыя подыхі ветру,
Зялёныя руні,
Птушыныя гнёзды,
Вясёлкі
І радасць.

Таму, калі бачу яго,
Мне хочацца рукі свае працягнуць
Аж пад хмары асеннія,
Каб ключом гэтым
Зноў адамкнуць
Маладосць.

(“Ключ жураўліны”).

М. Танк падвяргаў гуманістычнай выверцы-аналізу зменлівыя з’явы і працэсы навакольнай рэчаіснасці, удумліва асэнсоўваў найноўшыя навукова-тэхнічныя здабыткі людскай супольнасці з пункта погляду іх адпаведнасці чалавечай «самасці», прыродзе і кожны раз пераконваўся ў недасканаласці грамадска-сацыяльнага жыцця, акцэнтаваў неабходнасць шанавання і памнажання спаконвечнае багацце духоўнага свету насельніка зямлі: справядлівасць і дабрыню, чуласць і спагаду, шчырасць і інш. Якраз у кантэксце гэтых істотна важных думак і ідэй прачытваюцца вершы «Дрэвы паміраюць...», «Нерастуе ў рэчцы рыба...», «Пытаюся: куды падзеўся лес?..», «Роздум аб касмічных палётах», «Усё больш і больш у небе...», «На зары нашага крылатага веку...» і г. д.

Так ці інакш, але ўсёй сваёй паэзіяй пасляваеннага часу М. Танк акцэнтаваў увагу на той дужа важнай акалічнасці, што чалавек не толькі варты свету, у якім жыве, ён павінен быць варты і адвечнай сваёй стваральнай, творчай ролі, якая зрабіла з яго мастака і творцу, – свет трэба змяняць, але не цаною пагібелі чалавечага ў чалавеку, не цаною страты адухоўленага характара. Адсюль становіцца зразумелай тая дадатковая трывога, якая працінала сэрца паэта: вузела кола выпрабаваных на цяжкіх рэвалюцыйных і ваенных, жыццёвых шляхах-дарогах таварышаў, людзей высокай маральнай чысціні – шчырых, добрасумленных, духоўна актыўных («Спадзяваўся сустрэцца...», «Столькі, столькі год дружылі...» і інш.). Творы М. Танка наскрозь прасякнуты ўслаўленнем чалавека, яго стваральнай місіі, заўсёдным адчуваннем хісткасці той рысы, за якой чалавечыя каштоўнасці маглі раптам набыць «мінусавае» значэнне: духоўнасць стаць бездухоўнасцю, разумнае цяргенне – пасіўнасцю і абыякавасцю і г. д.

Вядомы даследчык Д. Ліхачоў бачыў у чалавечай памяці вялікую духоўна-маральную і мастацка-эстэтычную сілу. У артыкуле “Служэнне памяці” ён пісаў: «Памяць зусім не механічная. Гэта важнейшы творчы працэс (тут і далей у цытаце курсіў Д. Ліхачова. – М. М.): іменна працэс і іменна творчы... *Памяць супрацьстаяць знішчальнай сіле часу...* *Памяць – гэта пераадоленне часу, пераадоленне смерці.* У гэтым велізарнае маральнае значэнне памяці... Сумленне – гэта ў асноўным памяць, да якой далучаецца маральная ацэнка здзейсненага. Але калі здзейсненае не захоўваецца ў памяці, то не можа быць і ацэнкі. Без памяці няма сумлення» [7, с. 171–172]. Усё гэта мае непасрэднае дачыненне да творчасці М. Танка, якога з поўнымі на тое падставамі можна назваць адным з самых «памятлівых» у сучаснай беларускай літаратуры. На думку паэта, неабходна адрадіць вартасную сутнасць зямных першаасноў быцця, спаконвечных маральных норм і звычайў, невычэрпных духоўных скарбаў нацыянальнага фальклору, багаццяў мовы, павярнуць беларуса да адвеку характэрнага яму пераважна земляробчага ўкладу жыццядзейнасці. Якраз ва ўсім гэтым бяруць свае вытокі «і хлеб, і сумленне, і песня» («Перапіска з зямлёй», «Бібліятэка», «Я – не з тых...», «Вывучэнне мовы» і інш.). Жывілі, натхнялі яго талент любяга сэрцу нарачанскія прасторы, дзе заўсёды «сэрца званчэйшыя песні вядзе», – «верасавішчы, пагоркі, лясы», «маланкамі скрэманя валуны», сад, які «трапяткімі вуснамі лісця з рога вясёлкі п’е весною свежасць», «закалыханая жытам», «зарослая ўспамінамі, зашыфраваная дзятламі, замаскіраваная лістападам» палявая дарога («Зноў я на тых сцежках...», «Ёсць у сусвеце планета Зямля...», «Глухая партызанская дарога...» і г. д.). Паэт казаў: «Я часта начую і днюю // Ля сосен сваіх нарачанскіх, // Дзе ўсе беды мае, // Дзе ўсе радасці мае, // Дзе ўсе думы мае».

М. Танк сцвярджаў, што яму «не трэба шукаць // Слоў для песень... // Пра зямлю, што спрад-веку // Радзімай завецца, // Бо да самага краю // Зіхаценнямі іх, // Перазвонамі іх // Перапоўнена сэрца» (“Мне не трэба заводзіць...”). Паэт, якога «разбудзілі: Нёман – бруістаю скрыпкай, // Вецер – гармонікам гулкім, // Месяц – няўрымслівым бубнам...», які ішоў «З імі па родных дарогах» («Помню, мяне разбудзілі...»), захапляўся характэрам нарачанскай алешыны, з якой «зраўняцца не можа ніхто ў жывучасці, сціпласці, шчырасці...» («Алешына»), невялічкай крынічкі, да якой

«па схіле // Пабегла сцяжына мая, // А за ёй – валуны, // За імі – саснякі, бярэзнікі, // Ляшчэўнікі, алешнікі, // Лазнякі і папаратнікі...» («Крынічка»). Ён складаў оду пількаўскім жабам, у «Крактанне, перакумкаванне, // Туркатанне і рогат» якіх, забыўшы на сняданак, сцішана ўслухоўваўся нават бусел («Спозная ода»), маляваў дзівосную карціну зямлі, расквечанай дзьмухаўцовым пухам:

Зямля ўся ў белі дзьмухаўцоў,
 Перацвітаючых суквеццяў.
 У гэты час, хто б ні прайшоў,
 Хто б ні прабег – след застаецца,
 Хто б ні зрабіў найменшы рух
 Ці не шапнуў каму «кахая»,
 Як палахлівы кветак пух
 Пад сонца самае ўзлятае.
 (“Дзьмухаўцы”).

У сваіх творах М. Танк паэтызаваў родны дом, бацькоўскае котлішча з усім яго шматстайным гаспадарчым начиннем, асэнсоўваў свой паступовы адыход ад звыклага вясковага ўкладу жыцця, згадаў пачатак пісьменніцкага шляху, нялёгка, без апекі блізкіх, самастойныя рашэнні і высылкі і, канечне ж, любові і дарагі вобраз клапатлівай працаўніцы-маці – невычэрпнай крыніцы душэўнай цеплыні і спагады, дабрыні і чуласці:

Здарожыўся, ля студні
 Выціраю твар
 І неспадзявана адчуваю,
 Быццам нехта
 Чулай, шорсткай далоняй
 Здымае з мяне стому.
 Цяжар перажытых гадоў.
 Але ж няма нікога.
 Няўжо гэта – матчын ручнік?
 І са здзіўленнем бачу,
 Як на ім праяўляецца
 Самы святы
 І нерукатворны яе вобраз.
 (“Здарожыўся, ля студні...”).

М. Танк пакінуў пасля сябе дзясяткі арыгінальных паэтычных кніг, кожная з якіх з’яўляецца этапнай у гісторыі беларускай літаратуры ХХ ст. Паэту належаць творы непераўздызенай красы і надзвычайнай эмацыянальнай сілы ўздзеяння: “Спатканне”, “Паслухайце, вясна ідзе...”, “Песня кулікоў”, “Адказ”, “Тры песні”, “Родная мова”, “Каб ведалі”, “Люцыян Таполя”, “Антон Нябаба”, “Рукі маці”, “Станцыя Княгініна”, “Ave, Maria”, “Мне здаецца”, “Калі горыччу перапоўнена сэрца...” і іншыя. Без сумненняў, яны зрабілі б гонар любой нацыянальнай культуры свету, упрыгожылі б самую адмысловую, элітарную анталогію.

Высновы. Максім Танк – класік беларускай літаратуры, выдатны еўрапейскі паэт. Ён належыць да ліку вельмі нямногіх нашых пісьменнікаў, каму магла быць прысуджана знакамітая Нобелеўская прэмія па літаратуры. Па сіле і размаху прыроднага дару, ідэйна-мастацкага мыслення, свярджэнні спаконвечных асноў народнага жыцця, па адмысловай якасці і самабытнасці рэалізацыі ў слове высокай эстэтыкі чалавечага духу Максім Танк не мае сабе роўных у беларускай паэзіі. Па гэтых асаблівасцях ён пераўзыходзіць многіх на сённяшні дзень культавых заходніх аўтараў. М. Танк – самы паважаны і аўтарытэтны беларускі паэт пасляваеннага часу ў асяроддзі еўрапейскіх літаратурна-мастацкіх і грамадска-культурных эліт, аб чым сведчаць, напрыклад, выказванні Чэслава Мілаша, Караля Вайтылы (Яна Паўла II), Марка Шагала, якія яго ведалі асабіста.

Гэта быў дар ад Бога. Унікальны чалавек, непаўторны паэт, таленавіты арганізатар літаратурна-мастацкага працэсу, каларытная, дзяржаўная асоба. Ён жыў самымі светлымі думкамі і ідэямі, якімі можа жыць чалавек, і пакінуў яркі след у душах і сэрцах сваіх суайчыннікаў, у гісторыі роднай Беларусі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Арочка, М. З прыналежнасцю высокай... / М. Арочка // *Польмя*. – 1974. – № 6. – С. 171–189.
2. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – М. : Высш. шк., 1989. – 612 с.
3. Глебка, П. Памятные разговоры / П. Глебка // Янка Купала: зборнік матэрыялаў аб жыцці і дзейнасці паэта / Акад. навук Беларус. ССР, Літ. музей Я. Купалы. – Мінск, 1955. – С. 234–241.
4. Гніламедаў, У. Пуцявіны паэтычнага слова / У. Гніламедаў // *Польмя*. – 1982. – № 12. – С. 186–187.
5. Кабаковіч, А. К. Беларускі свабодны верш / А. К. Кабаковіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1984. – 278 с.
6. Леви-Брюль, Л. Первобытное мышление / Л. Леви-Брюль. – М. : Атеист, 1930. – 479 с.
7. Лихачев, Д. Служение памяти / Д. Лихачев // *Наш современник*. – 1983. – № 3. – С. 167–179.
8. Мікуліч, М. У. Максім Танк і сучасная беларуская лірыка / М. У. Мікуліч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1994. – 191 с.
9. Мікуліч, М. У. Пошук вядзе ў глыбіню: літаратурна-крытычныя артыкулы, старонкі інтэрв'ю, публікацыі / М. У. Мікуліч ; рэд. У. В. Гніламедаў. – Гродна : Гродз. дзярж. ун-т, 1998. – 176 с.
10. Ор. Вечар беларускай паэзіі і песні / Ор // *Наша воля*. – 1936. – 20 сак. – С. 2.
11. Рагойша, В. Паэтыка Максіма Танка / В. Рагойша. – Мінск : Выд-ва Беларус. дзярж. ун-та, 1968. – 227 с.
12. Танк, М. Збор твораў : у 13 т. / М. Танк. – Мінск : Беларус. навука, 2009. – Т. 9 : Лісткі календара. Дзённікі (1941–1959). – 592 с.
13. Танк, М. Збор твораў : у 13 т. / М. Танк. – Мінск : Беларус. навука, 2006. – Т. 1 : Вершы (1930–1939). – 375 с.
14. Танк, М. Крыніцы нашай творчасці / М. Танк // *Беларус. летапіс*. – 1938. – № 2. – С. 19–28.
15. Чарадзейныя казкі : у 2 ч. / Акад. навук БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэдкал.: В. К. Бандарчык [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1973–1978. – 2 ч.
16. Шейн, П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северозападного края : в 3 т. / П. В. Шейн. – СПб. : Тип. Акад. наук, 1893. – Т. 2: Сказки, анекдоты, легенды, предания, воспоминания, пословицы, загадки, приветствия, пожелания, божба, проклятия, ругань, заговоры, духовные стихи и проч. – XXII, 715 с.

References

1. Arochka M. With high affiliation... *Polymya* [The Flame], 1974, no. 6, pp. 171–189 (in Belarusian).
2. Veselovskii A. N. *Historical poetics*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989. 612 p. (in Russian).
3. Glebka P. Memorable rhymes. *Yanka Kupala: zbornik materyyalau ab zhyttsi i dzeinastsi paeta* [Yanka Kupala: a collection of materials about life and work of the poet]. Minsk, 1955, pp. 234–241 (in Belarusian).
4. Gnilamedau U. Ways of the poetic word. *Polymya* [The Flame], 1982, no. 12, pp. 186–187 (in Belarusian).
5. Kabakovich A. K. *Belarusian free poem*. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1984. 278 p. (in Belarusian).
6. Levi-Bryul' L. *Primitive thinking*. Moscow, Ateist Publ., 1930. 479 p. (in Russian).
7. Likhachev D. Service to memory. *Nash sovremennik* [Our Contemporary], 1983, no. 3, pp. 167–179 (in Russian).
8. Mikulich M. U. *Maxim Tank and modern Belarusian lyric*. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1994. 191 p. (in Belarusian).
9. Mikulich M. U. *Search leads in depth: literary-critical articles, pages of interviews, publications*. Grodno, Grodno State University, 1998. 176 p. (in Belarusian).
10. Or. Evening of Belarusian poetry and songs. *Nasha volya* [Our Will], 1936, March 20, p. 2 (in Belarusian).
11. Ragoisha V. *Poetics of Maxim Tank*. Minsk, Publishing House of the Belarusian State University, 1968. 227 p. (in Belarusian).
12. Tank M. *Collected works. Vol. 9. Calendar Pages. Diaries (1941 – 1959)*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2009. 592 p. (in Belarusian).
13. Tank M. *Collected works. Vol. 1. Poems (1930–1939)*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2006. 375 p. (in Belarusian).
14. Tank M. Sources of our creativity. *Belaruski letapis* [Belarusian Chronicle], 1938, no. 2, pp. 19–28 (in Belarusian).
15. Bandarchyk V. K. (ed.). *Magical tales*. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1973–1978. 2 pt. (in Belarusian).
16. Shein P. V. *Materials for studying the life and language of the russian population of the north-western territory. Vol. 2. Fairy tales, anecdotes, legends, memoirs, proverbs, riddles, greetings, wishes, swearing, curses, conspiracies, spiritual poems, etc.* St. Petersburg, Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1893. XXII, 715 p. (in Russian).

Информация об авторе

Мікуліч Николай Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом взаимосвязей литератур. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: mikmik43@gmail.com

Information about the author

Nikolay V. Mikulich – Ph. D. (Philol.), Associate Professor, Head of the Literature Relations Department. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: mikmik43@gmail.com

ПРАВА
LAW

УДК 349.2
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-4-412-421>

Поступила в редакцию 08.07.2022
Received 08.07.2022

К. Л. Томашевский

Международный университет «МИТСО», Минск, Беларусь

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ГЕНЕЗИС ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
НЕТИПИЧНЫХ ФОРМ ЗАНЯТОСТИ В БЕЛАРУСИ**

Аннотация. Основываясь на общенаучных, конкретно-историческом и сравнительно-правовом методах, автор рассматривает генезис нетипичных форм занятости (включая труд квартирников, т. е. надомников, трудовых договоров с артелями, найм с помощью посредников и организационного набора в СССР, а также современные формы, такие, как дистанционная работа). Системно проанализированы нетипичные формы занятости по советскому трудовому законодательству (РСФСР, БССР, СССР) и законодательству о труде Республики Беларусь. В частности, проведено сравнение Кодексов законов о труде РСФСР 1918 г., 1922 г., Кодекса о труде БССР 1929 г., Кодекса законов о труде БССР 1972 г., Трудового кодекса Республики Беларусь в части регламентации видов трудовых договоров и нетипичных форм привлечения к труду. Выявлена преемственность в регулировании надомного труда, трудовых договоров с временными и сезонными работниками в советском и современном законодательстве, а также отмечаются элементы заимствования новых форм нетипичной занятости из зарубежного трудового законодательства. Обращается внимание на отсутствие в Республике Беларусь правового регулирования некоторых современных форм нетипичной занятости, таких, как заемный труд, работа по вызову (в том числе контракты «ноль часов») и платформенная занятость.

Ключевые слова: законодательство, нетипичные формы занятости, работник, наниматель, трудовые отношения, надомный труд, временные и сезонные работники, заемный труд, дистанционная работа

Для цитирования: Томашевский, К. Л. Исторический генезис правового регулирования нетипичных форм занятости в Беларуси / К. Л. Томашевский // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 4. – С. 412–421. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-4-412-421>

Kirill L. Tomashevski

International University “MITSO”, Minsk, Belarus

**HISTORICAL GENESIS OF LEGAL REGULATION OF ATYPICAL FORMS
OF EMPLOYMENT IN BELARUS**

Abstract. Based on general scientific, concrete historical and comparative legal methods, the author analyzes the genesis of atypical forms of employment (starting from the work of tenants, labor contracts with artels, hiring with the help of intermediaries and organizational recruitment in the USSR, ending with modern forms such as remote work). The article systematically analyzes atypical forms of employment under the Soviet labor legislation (RSFSR, BSSR, USSR) and labor legislation of the Republic of Belarus. In particular, the comparison of the Labor Codes of the RSFSR of 1918, 1922, the Labor Code of the BSSR of 1929, the Labor Code of the BSSR of 1972, the Labor Code of the Republic of Belarus regarding the regulation of types of labor contracts and atypical forms of employment is carried out. Continuity in the regulation of home work, employment contracts with temporary and seasonal workers in modern and former Soviet legislation, as well as elements of borrowing new forms of atypical employment from foreign labor legislation are revealed. Attention is drawn to the absence in the Republic of Belarus of legal regulation of some modern forms of atypical employment such as temporary agency work, on-call work (including zero-hour contracts) and platform employment.

Keywords: legislation, atypical forms of employment, employee, employer, labor relations, home work, temporary and seasonal workers, temporary agency work, remote work

For citation: Tomashevski K. L. Historical genesis of legal regulation of atypical forms of employment in Belarus. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 4, pp. 412–421 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-4-412-421>

Введение. Актуальность темы нетипичных форм занятости объясняется их широкой востребованностью на рынке труда. Так, согласно разделу 5.2 «Содействие эффективной занятости» главы 5 «Улучшение качества жизни населения» Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 29.07.2021 г. № 292, в Беларуси планируется расширить практику использования гибких (нестандартных) форм занятости населения в целях внедрения перспективных и востребованных на рынке труда форматов работы. Эта амбициозная государственная задача требует серьезной теоретической проработки понятия нетипичных форм занятости, а также учета прошлого исторического генезиса этих форм, закономерностей и современных тенденций их использования как в Беларуси, так и за рубежом.

Мы не будем касаться периода древних белорусско-литовских княжеств, Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой, поскольку нормы о наемном труде, которые в это время уже существовали, имели разрозненный характер, не были ориентированы на совместный (кооперированный) наемный труд. До 1861 г. в Российской империи, куда входили и белорусские земли, господствовало крепостное право, а наемные отношения на фабриках и заводах были фрагментарно урегулированы Положением об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на них по найму, принятым по проекту московского генерал-губернатора князя Голицина [1, с. 137–140], который имел на практике ограниченное применение.

В связи с вышеуказанным основное внимание будет сконцентрировано на трех исторических периодах: 1) дореволюционном пореформенном периоде (1880-е гг. – начало XX в.); 2) советском периоде (1917–1990 гг.); 3) периоде независимости Республики Беларусь (1991 г. – по настоящее время) применительно к правовому регулированию трудовых отношений на территории Беларуси (с акцентом на анализе правового регулирования нетипичных форм занятости).

Регламентация отношений в сфере наемного труда в фабричном законодательстве Российской империи. Как верно отметил Я. А. Конторович, к началу XX в. «из всех отделов наших архаических гражданских законов отдел о личном найме, как известно, наименее совершенен и наименее удовлетворяет как требованиям научной систематизации, так и, в особенности, практическим потребностям современной экономической жизни» [2, с. 1]. Помимо части 1 тома X Свода Законов гражданские отношения по договору личного найма регулировались в Российской империи множеством других законов и положений, входящих в так называемое фабричное законодательство. Кроме того, в силу ряда общественно-политических обстоятельств особое регулирование личного найма сохранялось в Царстве Польском и Прибалтийских губерниях.

К 1900 г. из всего массива разрозненных норм гражданского законодательства Российской империи выделялись как общие положения о личном найме, так и специальные правила, в которых отражалась дифференциация правового регулирования труда, к примеру, на сельских работах, а также цеховых мастеров, подмастерьев и учеников, наем приказчиков, рабочих на частных горных заводах и промыслах, на золотых и платиновых промыслах, сахалинской каменноугольной копи, казенных горных заводах и т. д. [2]. По существу, уже в этот исторический период проявился принцип единства и дифференциации правового регулирования труда в зарождающейся отрасли трудового права, которая окончательно обособилась от гражданского права в Беларуси и России уже после Февральской и Октябрьской революций 1917 г.

Исторической предпосылкой советского трудового законодательства является фабрично-заводское законодательство Российской империи 1880–1890-х гг., которое распространялось и на губернии Северо-Западного края, которые после революционных событий 1917 г. и формирования советских органов государственной власти составили «ядро» БССР. Следует обратить внимание на то, что акты фабричного законодательства Российской империи (их обзор приведен в работах М. И. Туган-Барановского [1], В. П. Литвинова-Фалинского [3], А. Н. Быкова [4], Г. В. Балицкого [5] и др.) обусловили формирование институтов охраны труда, рабочего времени, времени отдыха, надзора за соблюдением этого законодательства, но не содержали полного регулирования ни «классических» трудовых отношений, ни тем более норм, регулирующих нетипичные формы занятости.

В Царстве Польском, куда входила и часть современных белорусских земель, действовали особые законы о найме слуг и рабочих, основанные на Гражданском кодексе Наполеона 1804 г. В частности, этими законами регулировался труд слуг, обязывающихся к обыкновенным домашним работам. Причем понятие «слуги» трактовалось гораздо шире. Помимо современных домашних работников к ним относились швейцары, дворники, кучеры, прислужники, конюхи, камердинеры, лакеи, комнатная прислуга, полотеры, повара, кухарки, кухонная челядь, гардеробщицы, горничные, кормильцы и многие другие [2, с. 179]. Особые правила были установлены относительно труда поденщиков, лонлакеев, деревенской челяди (срок службы последней, как правило, составлял один год), выробников [2, с. 194–199].

Важное систематизирующее значение для фабричного, а позже и трудового законодательства России и Беларуси имел Устав о промышленном труде 1913 г. (далее – УПТ) [6].

Российский ученый И. Я. Киселёв в этой связи писал: «Устав представляет собой специализированный инкорпорационный акт, в котором составляющие его законы подверглись определенной, самой минимальной обработке и редактированию» [7, с. 10]. Тот же автор не без основания отмечал, что «УПТ подготовил почву для кодификации трудового права в России после октября 1917 г.» [7, с. 12].

Иного взгляда придерживается С. А. Соболев, считая УПТ первым кодифицированным актом о труде в России [8, с. 109]. И. О. Снигирева также не разделяет точку зрения И. Я. Киселева, она полагает, что УПТ – «акт более высокого уровня систематизации, близкий к кодификации» [9, с. 275]. Е. Б. Хохлов, напротив, убежден, что УПТ «не был результатом кодификации, ибо систематизация трудового законодательства осуществлялась в административном порядке и, соответственно, без изменения содержания действующих норм о труде», но его принятие «может рассматриваться в качестве первого шага на пути создания общего кодифицированного акта о труде по найму» [10, с. 178].

Здесь следует пояснить, что нормы, регулировавшие отношения наемного труда и содержащиеся в различных актах законодательства, были собраны и объединены в УПТ, который вошел в новое издание части второй тома XI Свода законов Российской империи 1832 г. Следовательно, УПТ можно считать первой попыткой провести систематизацию трудового законодательства на рубеже XIX – XX вв. Полагаем, что в соответствии с законодательной техникой в современном понимании УПТ представлял собой пример систематизации трудового законодательства, сочетающий в себе признаки консолидации и кодификации.

Согласимся с мнением И. Я. Киселева [7, с. 12] и Е. Б. Хохлова [10], что отдельные положения УПТ были в последующем в той или иной степени учтены при кодификациях советского трудового законодательства (в 1918, 1920-х и 1970-х гг.), а некоторые сохранились и сегодня. К примеру, согласно статье 106 УПТ, прогулом в отличие от несвоевременной явки на работу или самовольной отлучки с работы считалась неявка на работу в течение не менее половины рабочего дня. Если учесть, что в настоящее время в статье 81 Трудового кодекса Российской Федерации прогулом считается отсутствие на работе не менее 4 часов (при распространенной практике 8-часового рабочего дня с 5-дневной рабочей неделей), то определение прогула из статьи 106 УПТ сохранилось в России и сегодня. Для сравнения: в абзаце 2 пункта 7 статьи 42 Трудового кодекса Республики Беларусь это правило ужесточено (прогулом считается отсутствие на работе более трех часов в течение рабочего дня без уважительных причин).

Правда, в УПТ, несмотря на его большой объем (597 статей), превышающий средний объем современных трудовых кодексов (если ориентироваться на страны ЕАЭС), не были отдельно урегулированы нетипичные формы занятости (на тот период одни такие формы не вызвали потребности в особом правовом регулировании, а другие еще и не возникли). В УПТ регулировались именно трудовые отношения (наемный труд), причем на крупных промышленных предприятиях (фабриках, заводах). Вместе с тем в УПТ присутствовала дифференциация правового регулирования труда, к примеру, на горных и горнозаводских предприятиях, частных золотых и платиновых промыслах, в найме ссыльно-поселенцев для работы на сибирских золотых промыслах, найме для работы на сахалинских каменно-угольных копях, а также на казенных горных заводах [6, с. 70–148]. Оговоримся, что труд сельскохозяйственных рабочих регулировался не УПТ,

а отдельным Положением о найме на сельские работы, принятым в 1886 г., включенным во вторую часть тома XII Свода законов Российской империи.

Генезис нетипичных форм занятости в советском трудовом законодательстве. Первым кодифицированным актом советского трудового законодательства стал Кодекс законов о труде РСФСР 1918 г. (далее – КЗоТ 1918 г.), утвержденный Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом (далее – ВЦИК) 04.11.1918 г. [11]. Данный кодекс применялся и на территории белорусских губерний, входящих в то время в состав РСФСР на правах автономной области.

Кратко охарактеризуем КЗоТ 1918 г. – один из первых в мире кодифицированных законов о труде. В данном кодексе можно выделить как позитивные, так и негативные стороны. Причем последние во многом были обусловлены той военно-политической обстановкой, при которой он принимался: период военного коммунизма, окончание Первой мировой войны и начало гражданской войны в России.

Главной особенностью КЗоТ 1918 г. стало повсеместное использование трудовой повинности для привлечения рабочей силы вместо договора трудового найма (статья 1). Как писали о нем К. М. Варшавский, И. С. Войтинский и другие ученые-юристы, основой трудовых отношений в этот период становится вместо договора трудовая повинность. Привлечение трудящихся к работе осуществлялось через отделы распределения рабочей силы. Данный кодекс также регулировал порядок предоставления труда, предварительное испытание, увольнения трудящихся, включал разделы, посвященные вознаграждению за труд, рабочему времени и охране труда. В то же время он не закреплял нормы, посвященные нетипичным формам занятости.

Упоминая период 1918–1921 гг., А. С. Пашков отмечал: «в условиях гражданской войны и иностранной интервенции трудовая повинность становится всеобщей формой участия в общественном труде» [12, с. 67]. Наряду с трудовой повинностью законодательство того времени предусматривало проведение трудовой мобилизации как «организационно-правовой формы осуществления трудовой повинности, применяемой в массовом масштабе» [12, с. 69].

На смену политике военного коммунизма пришла новая экономическая политика. Таким образом, возникла необходимость в новой кодификации трудового законодательства. В результате был принят КЗоТ РСФСР от 30.10.1922 г. (далее – КЗоТ 1922 г.) [13], действие которого официально распространялось на территорию БССР (точнее – на ее восточную часть, поскольку Западная Беларусь в соответствии с Рижским мирным договором 1921 г. вошла в состав Польши и находилась там до 1939 г.).

Нестандартным или атипичным можно считать трудовой договор с артелью, допускаемый согласно КЗоТ 1922 г. В соответствии со статьей 33 этого кодекса «при заключении договора с артелью для нанимателя возникают по отношению к каждому лицу, входящему в состав артели и выполняющему у нанимателя обусловленную работу, те же обязанности и права, как если бы он заключил договор с ним лично» [13]. Из толкования этой нормы И. С. Войтинский делает вывод о том, что «наем артели порождает параллельные правоотношения: во-первых, правоотношение между нанимателем и артелью и, во-вторых, непосредственные правоотношения между нанимателем и отдельными членами артели, работающими у нанимателя» [14, с. 184]. Кроме того, особенность в положении члена артели заключается в том, что согласно части 2 статьи 35 КЗоТ 1922 г. «артель, нанявшаяся по трудовому договору, может, если противное в нем не обусловлено, сама распределять работу между своими членами и заменять одних членов другими» [13].

П. Д. Каминская, имея в виду работу известного немецкого ученого Г. Зинцгеймера, отмечала, что квартирники (в соответствии с современной терминологией – надомники), «т. е. лица, работающие вне данного предприятия, но исключительно для данного предприятия, поскольку они осуществляют несамостоятельный труд, являются стороной в трудовом договоре. Их положение как лиц несамостоятельного труда не изменяется от того, что ими используется свой материал или используется труд членов своей семьи» [15, с. 101]. Напомним, что еще ранее, чем в СССР, в начале XX в. сформировались специальные нормы о труде работников-квартирников (т. е. надомников) в Англии (1907–1913 гг.), Австрии (1918 г.), Норвегии (1918 и 1923 гг.) и ряде других стран [15, с. 118–119].

В. М. Догадов обратил внимание на то, что «как в буржуазных государствах, так и у нас наблюдаются случаи заключения трудовых договоров с так называемыми посредниками, т. е. лицами, которые вербуют рабочую силу для какого-либо предприятия (учреждения). Посредник заключает трудовой договор от своего имени, но работа выполняется нанятыми им лицами не для него, а для того предприятия (учреждения), в интересах которого посредник действует. Практикуется такой способ вербовки рабочей силы чаще всего при раздаче работ квартирникам» [16, с. 55]. В указанной форме найма с участием посредника, которая была известна уже в 1920-е гг., просматриваются определенные признаки такой нетипичной формы занятости, как заемный труд, поскольку между нанимателем и работником, пусть и временно, появляется фигура посредника. Этот субъект к концу XX в. получил на международном уровне наименование частного агентства занятости (конвенция МОТ № 181 «О частных агентствах занятости» 1997 г.).

В отличие от КЗоТ РСФСР 1918 г., для которого был характерен принудительный порядок привлечения к труду, в КЗоТ РСФСР 1922 г. находит широкое отражение принцип договорной свободы, на что обращали внимание в тот период К. М. Варшавский [17, с. 9–14] и другие ученые.

По мнению Н. Г. Александрова, «утверждение в КЗоТ договорного принципа социалистического труда рабочих и служащих явилось одним из выражений перехода страны от периода иностранной военной интервенции и гражданской войны к мирному хозяйственному строительству» [12, с. 20–21].

Как отмечали В. М. Блинов и В. И. Семенов, распространение КЗоТ РСФСР 1922 г. другими советскими республиками (в том числе БССР) на своих территориях заложило, по существу, фундамент или основу для создания общесоюзного законодательства о труде и, в частности, Основ законодательства о труде Союза ССР и союзных республик 1970 г. [12, с. 16, 194].

Примечания 2 и 3 к статье 1 КЗоТ РСФСР 1922 г. предусматривали особый порядок правового регулирования труда на сезонных и временных работах. Условия труда на сезонных работах были урегулированы постановлением ЦИК и СНК СССР от 04.06.1926 г., на временных работах – постановлением ЦИК и СНК СССР от 14.01.1927 г. В соответствии с принятой в то время законодательной практикой позже эти два постановления были включены в КЗоТ РСФСР, а затем и в КоТ БССР в качестве приложения 1. Как писал Е. А. Субботин, «главная особенность сезонных работ заключается в их зависимости от природных и климатических условий», а временные работы заведомо ограничены во времени и применительно к конкретному исполнителю не могут длиться свыше двух месяцев, а в случае замещения временно отсутствующего работника – свыше четырех месяцев [12, с. 186–187]. Удивительно, но эти нормы прошли проверку временем – просуществовали свыше 95 лет (весь советский период) и нашли аналогичное закрепление в статьях 292 и 299 Трудового кодекса Республики Беларусь 1999 г., в чем усматривается их преемственность в нормах трудового права.

Таким образом, КЗоТ 1922 г. уже предусматривал нормы, регламентирующие отдельные формы нетипичной занятости, в частности, такие, как трудовой договор с артелью, наем рабочей силы при помощи посредников (в том числе для трудоустройства квартирников), а в 1926 и 1927 гг. – на уровне постановлений ЦИК и СНК СССР были урегулированы также особенности найма сезонных и временных работников.

Постановлением ЦИК и СНК БССР от 27.07.1929 г. был принят Кодекс о труде БССР [18]. Хотя основу этого кодекса составляют нормы КЗоТ РСФСР 1922 г., есть веские основания утверждать, что Кодекс о труде БССР 1929 г. (далее – КоТ) является первым собственным трудовым кодексом Беларуси. Одним из первых выделение КоТ 1929 г. в качестве самостоятельного (нового) кодекса предложил и обосновал Л. Я. Островский [19, с. 409].

Анализ КоТ показывает, что в нем еще детальнее, чем в КЗоТ 1922 г. были урегулированы некоторые виды трудовых договоров и условия труда отдельных категорий работников, которые могут быть рассмотрены как нетипичные формы занятости или нестандартные трудовые отношения:

во-первых, труд граждан БССР, в порядке привлечения к трудовой повинности, урегулированный специальными нормами статей 11 и 12 КоТ (напомним, что с 1922 г. трудовая повинность

в СССР стала исключением из общего правила о свободе трудового договора в сравнении с прежним КЗоТ 1918 г., где она выступала основной, т. е. стандартной формой занятости);

во-вторых, допустимость заключения трудового договора на определенный срок и на время выполнения какой-либо работы (статья 29 КоТ);

в-третьих, допустимость заключения трудового договора с артелью, причем в этом случае оформлялась одна расчетная книжка (статья 30 КоТ);

в-четвертых, труд временных и сезонных работников (приложение 1 к КоТ) [18].

После окончания Великой Отечественной войны в СССР возникла такая нетипичная форма занятости, как организационный набор (далее – оргнабор). Трудовые договоры в порядке оргнабора рабочих обеспечивали «комплектование рабочими кадрами важнейших народнохозяйственных объектов, расположенных в районах страны с недостатком трудовых ресурсов» (в первую очередь в районах Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока). В соответствии с постановлением Совета Министров СССР «О порядке проведения организованного набора рабочих» от 21.05.1947 г. работа по оргнабору проводилась Министерством трудовых резервов СССР на основе специальных планов. Порядок оргнабора предусматривал заключение трудовых договоров между рабочими и предприятиями на срок от одного до трех лет. Вербуемым рабочим государство обеспечивало переезд на новое место жительства и материальную помощь в социально-бытовом устройстве на новом месте. Помимо льгот, изложенных в вышеуказанном постановлении, людям обещалась значительная по тем временам заработная плата – от 1000 до 2000 рублей [20]. Максимальный трехлетний срок заключения трудовых договоров в порядке оргнабора рабочей силы сохранялся и в более позднем законодательстве СССР (Инструкция о проведении оргнабора рабочих от 05.04.1968 г. и в актах 1980-х гг.).

Кратко коснемся регламентации видов трудовых договоров и нетипичных форм занятости в период 1970 – 1980-х гг., т. е. после общесоюзной кодификации трудового законодательства 1970 г. В КЗоТ БССР 1972 г. срок трудового договора регулировался статьей 17, согласно которой трудовые договоры заключались: 1) на неопределенный срок; 2) на определенный срок не более трех лет; 3) на время выполнения определенной работы [21]. Как видим, количество видов трудовых договоров по сроку ограничивалось всего тремя видами. При этом на подзаконном уровне (вне рамок КЗоТ) оставалось регулирование труда временных и сезонных работников, а также работников-надомников.

В. А. Глозман, основываясь на судебной практике Верховного Суда СССР, отмечал, что «заключение договора на определенный срок для выполнения постоянной по своему характеру работы допустимо (в случаях, прямо не предусмотренных законодательством), лишь когда инициатива заключения срочного трудового договора исходит от работника [22, с. 23].

Согласно статье 253 КЗоТ БССР 1972 г., законодательством СССР и в определенных им пределах законодательством БССР могли устанавливаться особые условия труда рабочих и служащих, занятых на сезонных работах, временных рабочих и служащих, а также некоторых других [21]. В развитие этой нормы были приняты Указы Президиума Верховного Совета СССР от 24.09.1974 г. «Об условиях труда рабочих и служащих, занятых на сезонных работах» и «Об условиях труда временных рабочих и служащих». Анализ этих подзаконных актов дан в комментариях [22, с. 390–391]. Обратим внимание на то, что эти два акта законодательства СССР действовали вплоть до 01.01.2000 г. и учтены при подготовке Трудового кодекса Республики Беларусь.

В законодательстве СССР 1980-х гг. сохранилась и такая нетипичная форма занятости, как ранее упоминавшийся оргнабор рабочих. Регулирование оргнабора в СССР осуществлялось рядом подзаконных нормативных правовых актов, принятых в 1984 и 1985 гг. Трудовые договоры по оргнабору о постоянной работе на предприятиях и в организациях, расположенных в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к этим районам, заключались по-прежнему на три года, а на предприятиях, находящихся в других местностях, – на два года [22, с. 54–55].

Анализ законодательной регламентации нетипичных форм занятости в Беларуси в период независимости. В связи с обретением политической независимости после распада СССР, процессами демократизации политической системы общества и постепенным переходом к эконо-

мике рыночного типа в Беларуси в процессе формирования национального трудового законодательства возник вопрос о целесообразности правового урегулирования нетипичных форм занятости.

На первом этапе обновления трудового законодательства (1991–1994 гг.) в отношении института занятости был принят Закон от 30.05.1991 г. «О занятости населения Республики Беларусь». При этом этот Закон, легально определив понятие «занятость», не различал типичную и нетипичную занятость, не регламентировал нетипичные формы занятости.

Законом Республики Беларусь от 15.12.1992 г. были внесены существенные изменения и дополнения в КЗоТ БССР 1972 г., которыми кодекс, по существу, излагался в новой редакции. Данным законом в КЗоТ была введена статья 256, посвященная контрактам и устанавливающая общие правила их заключения, перечневый способ сферы применения и некоторые другие правила. Неслучайно именно с этим законом связывается второй этап в развитии законодательства о контрактах [24, с. 8].

Контрактная система найма была первой нетипичной формой занятости, которая была введена в законодательство Беларуси вскоре после распада СССР в начале 1990-х гг.

О нетипичности контрактной системы найма на начальном и втором этапах ее развития (т. е. до 1999 г.) свидетельствуют следующие обстоятельства:

контракты заключались только в случаях, прямо предусмотренных законодательством (т. е. по общему правилу при постоянном характере работы с работником предполагалось заключение трудового договора на неопределенный срок);

заключение контрактов связывалось с ухудшением правового положения работников, за что предусматривалась выплата ему минимальной компенсации;

контракты предусматривали дополнительные меры стимулирования труда в целях создания материальной заинтересованности работников в их заключении;

контракт в Беларуси (в отличие от России) носил исключительно срочный характер, по истечении срока которого он мог быть прекращен как работником, так и нанимателем, причем причина его непродления могла ничем не мотивироваться любой из сторон.

С 1999 г. после принятия Декрета Президента Республики Беларусь от 26.07.1999 г. № 29 «О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины» (далее – Декрет № 29) [25] и за более чем 20-летний период его применения контракты существенно потеснили трудовые договоры с неопределенным сроком. В настоящее время из нетипичной формы занятости контракты «превратились» в типичную договорную конструкцию оформления трудовых отношений в Беларуси.

Более интенсивно нормы о нетипичных формах занятости стали появляться в ходе кодификаций трудового законодательства – принятия Трудового кодекса Республики Беларусь от 26.07.1999 г. [26]. К достоинствам первоначальной редакции Трудового кодекса в части регламентации срочных трудовых договоров и нетипичных форм занятости можно отнести следующие:

1) норма части 2 статьи 17 Трудового кодекса о том, что срочный трудовой договор заключается в случаях, когда трудовые отношения не могут быть установлены на неопределенный срок с учетом характера предстоящей работы или условий ее выполнения, а также в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом (отметим, что пункт 1 Декрета № 29, подписанного Президентом в один день с Трудовым кодексом, входил в коллизию с этой прогрессивной нормой около 20 лет, а многочисленные исключения из нее, предусмотренные теперь частями 3 и 4 статьи 17, а также главы 18¹ Трудового кодекса по сути нивелировали ее положительный эффект);

2) в статье 17 Трудового кодекса по сравнению с КЗоТ 1972 г. были расширены случаи заключения срочных трудовых договоров (с трех до пяти), но их было гораздо меньше в первоначальной редакции Трудового кодекса (более чем в два раза) в сравнении с действующей редакцией этой статьи (с учетом изменений и дополнений, внесенных в Трудовой кодекс Законом Республики Беларусь от 18.07.2019 г. № 219-3);

3) в главах 23 и 24 Трудового кодекса были кодифицированы специальные нормы об особенностях труда временных и сезонных работников, а в главах 24 и 25 – об особенностях труда работников-надомников и домашних работников.

Что же касается такой нетипичной формы занятости, как дистанционный труд, то в этом вопросе Беларусь примерно на 6–7 лет отстала от двух государств – членов ЕАЭС. В 2012 г. в Трудовом кодексе Казахстана впервые был урегулирован дистанционный труд. Спустя год Федеральным законом от 05.04.2013 г. № 60-ФЗ он был урегулирован в главе 49.1 Трудового кодекса России. И только с принятием Закона Республики Беларусь от 18.07.2019 г. № 219-З особенности дистанционной работы были урегулированы в главе 25¹ Трудового кодекса Беларуси [27, с. 227–242]. Дальнейшее развитие специальные нормы трудового права о дистанционной работе в условиях пандемии COVID-19 получили в законодательстве России в конце 2020 г. и в Казахстане в середине 2021 г. В Беларуси подобные изменения в главе 25¹ Трудового кодекса находятся в стадии разработки [28].

Заключение. Проведенное исследование генезиса правового регулирования нетипичных форм занятости в Беларуси позволило сформулировать следующие основные теоретические выводы.

Фабричное законодательство, сформировавшееся в Российской империи в дореволюционный период с 1880-х гг. до 1913 г., хотя и предусматривало дифференциацию правового регулирования наемного труда в отношении женщин, детей, некоторых других категорий работников, но еще не регламентировало нетипичные формы занятости.

Идея всеобщей обязательной занятости, провозглашенная в Советской России после Октябрьской революции 1917 г., привела к всеобщей трудовой повинности, которая оправдывалась политикой военного коммунизма, условиями гражданской войны, иностранной интервенции. Только с провозглашением НЭП и принятием КЗоТ 1922 г. в РСФСР и БССР был осуществлен переход от трудовой повинности к договорным началам в регулировании трудовых отношений.

КЗоТ РСФСР 1922 г. уже предусматривал нормы, регламентирующие отдельные формы нетипичной занятости, в частности такие, как трудовой договор с артелью, наем рабочей силы при помощи посредников, а в 1926 и 1927 гг. на уровне постановлений ЦИК и СНК СССР были урегулированы также особенности найма сезонных и временных работников.

В КоТ БССР 1929 г. еще детальнее, чем в КЗоТ РСФСР 1922 г. регулировались некоторые виды трудовых договоров и условия труда отдельных категорий работников, которые могут быть рассмотрены как нетипичные формы занятости: а) трудовая повинность стала исключением из общего правила о свободе трудового договора, т. е. стала нетипичной занятостью; б) допускалось заключение трудового договора на определенный срок и на время выполнения какой-либо работы; в) допускалось заключение трудового договора с артелью как с множеством лиц на стороне работника; г) был урегулирован труд временных и сезонных работников (приложение 1 к КоТ).

С 1947 г. в законодательстве СССР был урегулирован организационный набор как нетипичная форма найма рабочей силы для трудоустройства в районы Крайнего Севера и приравненные к ним районы, которая просуществовала вплоть до распада СССР, а также применялась и для переброски трудовых ресурсов из БССР в районы европейского севера России.

Сравнительный анализ КЗоТ БССР 1972 г., Декрета № 29, Трудового кодекса Республики Беларусь 1999 г., последующих реформ Трудового кодекса (в особенности третьей реформы 2019 г.) свидетельствует о негативной тенденции к постепенному расширению случаев заключения срочных трудовых договоров, существенно потеснивших трудовые договоры с неопределенным сроком, которые были господствующим видом трудового договора в период существования СССР.

Таким образом, нами выявлена преемственность в регулировании надомного труда, трудовых договоров с временными и сезонными работниками в советском и современном белорусском законодательстве.

Список использованных источников

1. Туган-Барановский, М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем / М. И. Туган-Барановский. – Харьков : Пролетарий, 1926. – 448 с.
2. Законы о личном найме / сост. Я. А. Канторович. – СПб. : Я. А. Канторович, 1900. – 260 с.
3. Литвинов-Фалинский, В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России / В. П. Литвинов-Фалинский. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1904. – 344 с.

4. Быков, А. Н. Фабричное законодательство и его развитие в России / А. Н. Быков. – СПб. : Правда, 1909. – 282 с.
5. Балицкий, Г. В. Фабричное законодательство в России / Г. В. Балицкий. – М. : Труд и воля, 1906. – 96 с.
6. Устав о промышленном труде с правилами и распоряжениями / сост. В. В. Громан. – Петроград : Изд. юрид. книж. склада «Право», 1915. – 440 с.
7. Киселев, И. Я. Трудовое право России: историко-правовое исследование : учеб. пособие / И. Я. Киселев. – М. : Норма, Инфра-М, 2001. – 384 с.
8. Соболев, С. А. Трудовое право России и социальное развитие / С. А. Соболев // Государство и право. – 1997. – № 4. – С. 108–116.
9. Снигирева, И. О. Систематизация норм трудового права. Ее формы и технологии / И. О. Снигирева // Системный характер трудового права и права социального обеспечения (Первые Гусовские чтения) : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 4–5 июня 2015 г. / под общ. ред. Н. Л. Лютова, Ф. О. Сулеймановой. – М., 2016. – С. 273–278.
10. Хохлов, Е. Б. Очерки истории правового регулирования труда в России. Ч. I. Правовое регулирование труда в Российской империи / Е. Б. Хохлов. – СПб. : Спец. юрид. фак-т по переподготовке кадров по юрид. наукам С.-Петерб. гос. ун-та, 1999. – 196 с.
11. Кодекс законов о труде РСФСР : принят ВЦИК, 10 дек. 1918 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. – 1918. – Отд. 1. – № 87–88. – Ст. 905.
12. Труды / Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. – М. : [б. и.], 1974. – Т. 35 : КЗоТ РСФСР 1922 года и современность. – 218 с.
13. Кодекс законов о труде РСФСР : принят на IV сес. 9 нояб. 1922 г. : введ. в действие постановлением ВЦИК 9 нояб. 1922 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. – 1922. – Отд. 1. – № 70. – Ст. 903.
14. Войтинский, И. С. Трудовое право С.С.С.Р. / И. С. Войтинский. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1925. – 364 с.
15. Каминская, П. Д. Очерки трудового права / П. Д. Каминская. – М. : Юрид. изд-во Н.К.Ю. РСФСР, 1927. – 136 с.
16. Догадов, В. М. Очерки трудового права / В. М. Догадов. – Л. : Прибой, 1927. – 163 с.
17. Варшавский, К. М. Трудовой договор по Кодексу законов о труде 1922 г. / К. М. Варшавский. – Петербург : Academia, 1923. – 107 с.
18. Кодекс о труде БССР : постановление Центр. исполн. ком. и Совета Нар. Комиссаров БССР, 27 июля 1929 г. // Собр. законов и распоряжений Рабоче-крестьян. Правительства Белорус. Социалист. Совет. Респ. – 1929. – Отд. 1. – № 33. – Ст. 191.
19. История государства и права Белорусской ССР : в 2 т. / [Акад. наук Белорус. ССР, Ин-т философии и права]. – Минск : Наука и техника, 1970. – Т. 1 : 1917–1936 гг. – 607 с.
20. Барабаш, Н. В. Организованный набор как форма привлечения населения из БССР в районы освоения европейского Севера в 1946–1965 гг. / Н. В. Барабаш // Европа: актуальные проблемы этнокультуры : материалы VI междунар. науч.-теорет. конф., г. Минск, 22 апр. 2013 г. / Белорус. гос. пед. ун-т ; редкол.: В. В. Тугай (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2013. – С. 288–290.
21. Кодекс законов о труде Белорусской ССР : офиц. текст с изм. на 1 апр. 1975 г. / М-во юстиции БССР. – Минск : Беларусь, 1976. – 143 с.
22. Комментарий к Кодексу законов о труде Белорусской ССР / под ред. Б. А. Волкова, Л. Я. Островского, В. Ф. Чигира. – Минск : Изд-во БГУ, 1978. – 448 с.
23. Законодательство о труде : юрид. справ. / под ред. В. И. Семенкова, Г. И. Лях. – Минск : Беларусь, 1991. – 592 с.
24. Томашевский, К. Л. Контрактная форма найма на работу / К. Л. Томашевский, А. А. Войтик // Пром.-торговое право. – 2001. – № 4. – С. 3–102.
25. О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины : Декрет Президента Респ. Беларусь, 26 июля 1999 г., № 29 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 58. – 1/512.
26. Трудовой кодекс Республики Беларусь: 26 июля 1999 г. № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 80. – 2/70.
27. Комментарий к изменениям и дополнениям в Трудовой кодекс Республики Беларусь: (внесены Законом Республики Беларусь от 18 июля 2019 г. № 219-З) / Е. А. Волк [и др.] ; под общ. ред. В. В. Лосева. – Минск : МИТСО, 2020. – 296 с.
28. Томашевский, К. Л. Анализ проекта закона «Об изменении законов по вопросам трудовых отношений» (часть 1) / К. Л. Томашевский // Трудовое и соц. право. – 2022. – № 1 (41). – С. 16–22.

References

1. Tugan-Baranovskii M. I. *The Russian factory in the past and present*. Kharkiv, Proletarii Publ., 1926. 448 p. (in Russian).
2. Kantorovich Ya. A. (comp.). *Laws on personal employment*. St. Petersburg, Ya. A. Kantorovich Publ., 1900. 260 p. (in Russian).
3. Litvinov-Falinskii V. P. *Factory legislation and factory inspection in Russia*. 2nd ed. St. Petersburg, A. S. Suvorin Publ., 1904. 344 p. (in Russian).
4. Bykov A. N. *Factory legislation and its development in Russia*. St. Petersburg, Pravda Publ., 1909. 282 p. (in Russian).
5. Balitskii G. V. *Factory legislation in Russia*. Moscow, Trud i volya Publ., 1906. 96 p. (in Russian).
6. Groman V. V. (comp.). *The Charter on industrial labor with rules and explanations*. Petrograd, Pravo Publ., 1915. 440 p. (in Russian).
7. Kiselev I. Ya. *Labor law of Russia: historical and legal research*. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 2001. 384 p. (in Russian).

8. Sobolev S. A. Labor law of Russia and social development. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 1997, no. 4, pp. 108–116 (in Russian).
9. Snigireva I. O. Systematization of labor law norms. Its forms and technologies. *Sistemnyi kharakter trudovogo prava i prava sotsial'nogo obespecheniya (Pervye Gusovskie chteniya): materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 4–5 iyunya 2015 g.* [The systemic nature of labor law and social security law (The First Gusov Readings): materials of the International scientific and practical conference, Moscow, June 4–5, 2015]. Moscow, 2016, pp. 273–278 (in Russian).
10. Khokhlov E. B. *Essays on the history of legal regulation of labor in Russia. Part I. Legal regulation of labor in the Russian Empire*. St. Petersburg, Special Faculty of Law for the Retraining of Personnel in Legal Sciences St. Petersburg State University, 1999. 196 p. (in Russian).
11. Code of Labor laws of the RSFSR, December 10, 1918. *Sobranie Uzakonenii i Rasporyazhenii Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva RSFSR* [Collection of Legalizations and Orders of the Worker and Peasants. Government of the RSFSR], 1918, no. 87–88, art. 905 (in Russian).
12. *Proceedings All-Union Legal Correspondence Institute. Vol. 35. Labor Code of the RSFSR of 1922 and the present*. Moscow, 1974. 218 p. (in Russian).
13. Code of Labor laws of the RSFSR, November 9, 1922. *Sobranie Uzakonenii i Rasporyazhenii Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva RSFSR* [Collection of Legalizations and Orders of the Worker and Peasants. Government of the RSFSR], 1922, no. 70, art. 903 (in Russian).
14. Voitinskii I. S. *Labor law S.S.S.R.* Moscow, Leningrad, State Publishing house, 1925. 364 p. (in Russian).
15. Kaminskaya P. D. *Essays of labor law*. Moscow, Legal Publishing house N.K.Yu. RSFSR, 1927. 136 p. (in Russian).
16. Dogadov V. M. *Essays of labor law*. Leningrad, Priboi Publ., 1927. 163 p. (in Russian).
17. Varshavskii K. M. *Labor contract under the Code of Labor laws 1922*. Peterburg, Academia Publ., 1923. 107 p. (in Russian).
18. Labor Code of the BSSR: Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the Belarusian SSR, July 27, 1929. *Sobranie zakonov i rasporyazhenii Raboche-Krest'yanskogo Pravitel'stva Belorusskoi Sotsialisticheskoi Sovetskoi Respubliki* [Collection of Laws and orders of the Workers' and Peasants' Government of the Byelorussian Socialist Soviet Republic], 1929, no. 33, art. 191 (in Russian).
19. *History of the state and law of the Belarusian SSR. Vol. 1 (1917–1936)*. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1970. 607 p. (in Russian).
20. Barabash N. V. Organized recruitment as a form of attracting the population from the BSSR to the areas of development of the European North in 1946–1965. *Evropa: aktual'nye problemy etnokul'tury: materialy VI mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii, g. Minsk, 22 aprelya 2013 g.* [Europe: actual problems of ethnoculture: proceedings of the VI international scientific and theoretical conference, Minsk, April 22, 2013]. Minsk, 2013, pp. 288–290 (in Russian).
21. *Code of Labor laws of the Belorusskoi SSR*. Minsk, Belarus' Publ., 1976. 143 p. (in Russian).
22. Volkov B. A., Ostrovskii L. Ya., Chigir V. F. (eds.). *Commentary to the Code of Labor Laws of the Belorussian SSR*. Minsk, Publishing house of the Belarusian State University, 1978. 448 p. (in Russian).
23. Semenov V. I., Lyakh G. I. (eds.). *Labor legislation: legal reference*. Minsk, Belarus' Publ., 1991. 592 p. (in Russian).
24. Tomashevski K. L., Voitik A. A. Contract form of employment. *Promyshlennno-torgovoe pravo* [Industrial and Commercial Law], 2001, no. 4, pp. 3–102 (in Russian).
25. On additional measures to improve labor relations, strengthen labor and performance discipline: Decree of the President of the Republic of Belarus, July 26, 1999, no. 29. *Natsional'nyi reestr pravovykh aktov Respubliki Belarus'* [National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus], 1999, no. 58, 1/512 (in Russian).
26. Labor Code of the Republic of Belarus: July 26, 1999, no. 296-Z; adopted by the House of Representatives on June 8, 1999; approved by the Council of the Republic June 30, 1999. *Natsional'nyi reestr pravovykh aktov Respubliki Belarus'* [National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus], 1999, no. 80, 2/70 (in Russian).
27. Losev V. V. (ed.). *Comment on amendments and additions to the Labor Code of the Republic of Belarus (introduced by the Law of the Republic of Belarus No. 219-Z of July 18, 2019)*. Minsk, International University “MITSO”, 2020. 296 p. (in Russian).
28. Tomashevski K. L. Analysis of the draft law “On changing laws on labour relations” (part 1). *Trudovoe i sotsial'noe pravo = Labour and Social Law*, 2022, no. 1 (41), pp. 16–22 (in Russian).

Информация об авторе

Томашевский Кирилл Леонидович – доктор юридических наук, профессор. Международный университет «МИТСО» (ул. Казинца, 21/3, 220099, Минск, Республика Беларусь). E-mail: k_tomashevski@tut.by. <https://orcid.org/0000-0002-4098-4943>

Information about the author

Kirill L. Tomashevski – D. Sc. (Law), Professor. International University “MITSO” (21/3 Kazinets Str., 220099 Minsk, Belarus). E-mail: k_tomashevski@tut.by. <https://orcid.org/0000-0002-4098-4943>

ЭКАНОМІКА
REVIEWS

УДК 339.994.2
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-4-422-432>

Поступила в редакцию 02.03.2022
Received 02.03.2022

Е. В. Тулейко

Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА
В УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ**

Аннотация. Актуальность данной темы обусловлена современными тенденциями развития государственно-частного партнерства (ГЧП), включая развитие межгосударственных и трансграничных проектов, появление новых форм партнерства, а также необходимостью углубления экономической интеграции посредством реализации проектов, представляющих общий интерес. Цель исследования – развитие теоретических основ ГЧП в условиях экономической интеграции, а также реализации совместных проектов в социальной сфере как одного из направлений интеграции. Осуществлено уточнение понятия ГЧП применительно к условиям региональной интеграции; определены особенности применения ГЧП как инструмента социальной интеграции в региональном объединении; разработана авторская классификация проектов ГЧП применительно к интеграционным связям, в том числе в социальной сфере. Авторское определение ГЧП в условиях интеграционных связей развивает теоретические подходы к пониманию экономической сущности ГЧП в условиях интеграционного объединения, а также создает основу для реализации совместных программ и проектов. Особенности применения ГЧП как инструмента социальной интеграции в региональном объединении позволили определить его значение для достижения социальной интеграции и разработать авторскую классификацию проектов ГЧП применительно к интеграционным связям, в том числе в социальной сфере. Указанная классификация может стать основой для оценки уровня развития ГЧП и достижения социальной интеграции в региональном объединении, а также для обоснования институциональных и организационно-экономических условий для реализации соответствующих проектов в странах – членах ЕАЭС.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, интеграционные проекты, модели интеграции, региональное объединение, социальная интеграция, социальная политика

Для цитирования: Тулейко, Е. В. Теоретические основы использования государственно-частного партнерства в условиях региональной экономической интеграции / Е. В. Тулейко // Вестн. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук. – 2022. – Т. 67, № 4. – С. 422–432. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-4-422-432>

Katsiaryna V. Tuleika

Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**THEORETICAL FOUNDATIONS FOR USING PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIPS
IN CONDITIONS OF REGIONAL ECONOMIC INTEGRATION**

Abstract. The article is devoted to the development of the theoretical foundations of PPP in the context of economic integration, as well as the implementation of joint projects in the social sphere as one of the areas of integration. The relevance of the study is due to the internationalization of PPP, the emergence of new forms of partnership, the need to deepen integration processes, including in the social sphere. As a result of the study, the concept of PPP has been clarified in relation to the conditions of regional integration; the features of the use of PPP as a tool for social integration in a regional association are determined; the author's classification of PPP projects has been developed in relation to integration ties, including in the social sphere.

Keywords: public private partnership, integration projects, integration models, regional association, social integration, social politics

For citation: Tuleika K. V. Theoretical foundations for using public-private partnerships in conditions of regional economic integration. *Vesti Natsyonal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 4, pp. 422–432 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-4-422-432>

Введение. В настоящее время одной из форм взаимодействия государства и бизнеса, получившей широкое распространение за рубежом, а также в странах – членах ЕАЭС, является государственно-частное партнерство (ГЧП). Возникновение ГЧП обусловлено недостатком бюджетных средств для реализации приоритетов социально-экономического развития, включая развитие инфраструктуры и повышение качества услуг, соответствующих основным потребностям общества и государства. Как следствие, частные инвестиции стали привлекаться в сферы, традиционно относящиеся к зоне ответственности государства (транспорт, ЖКХ, социальное обеспечение) на определенных условиях при обеспечении стандартов качества.

Современный этап развития ГЧП характеризуется увеличением количества международных и региональных проектов, что обусловлено в том числе развитием транснациональных связей, масштабы которых расширились в эпоху глобализации и регионализации. Интернационализации ГЧП способствует рост трансграничных программ (Horizon 2020, «Север – Юг» и др.), а также международное сотрудничество в области глобальных проблем и целей (ЦУР, проблемы здравоохранения). В результате международного сотрудничества развиваются формы ГЧП (P4G – партнерства для зеленого роста и достижения глобальных целей до 2030 г.; формирование регионов умной специализации, кластерные формы, кооперативные исследовательские центры, образовательные коалиции и альянсы).

Несмотря на тенденцию интернационализации ГЧП, указанный аспект не получил глубокой научной проработки. Отдельные аспекты ГЧП в рамках межгосударственного взаимодействия и трансграничного сотрудничества представлены в работах Н. Ю. Бородавкиной, S. Campre, Ch. Kaan, С. В. Масловой, М. Ю. Соколова, M. Schäferhoff и Л. Е. Филипповой.

Вместе с тем необходимость углубления интеграционных связей с привлечением частных ресурсов на ее реализацию является актуальной и своевременной задачей. Цель настоящей статьи – развитие теоретических основ ГЧП в условиях экономической интеграции, а также реализации совместных проектов в социальной сфере как одного из направлений интеграции.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих взаимосвязанных задач:

- уточнение понятия ГЧП применительно к условиям региональной интеграции;
- определение особенностей применения ГЧП как инструмента социальной интеграции в региональном объединении;
- разработка авторской классификации проектов ГЧП применительно к интеграционным связям, в том числе в социальной сфере.

Уточнение понятия ГЧП применительно к условиям региональной интеграции. Развивающееся с 1980-х гг. партнерство государственного и частного секторов получило широкое распространение в зарубежной практике. Значительный опыт реализации проектов ГЧП на национальном и межгосударственном уровне имеется в ЕС, на национальном – в Великобритании, Германии, Канаде, США, Франции и других странах. По данным Европейского центра экспертизы ГЧП, в 2020 г. Германия являлась крупнейшим рынком ГЧП в Европе по совокупной стоимости проектов ГЧП – 2,8 млрд евро (1,3 млрд евро в 2019 г.). В 2019 г. по этому показателю лидером была Великобритания. По количеству реализованных проектов в 2020 г. первое место занимала Франция (12 проектов в 2020 г. и 14 – в 2019 г.) [1, с. 2].

В качестве основных факторов, влияющих на расширение масштабов и форм ГЧП в мировой экономике, включая реализацию проектов в рамках региональных объединений, выделим следующие:

- несоответствие инфраструктуры и экологических условий растущим потребностям экономики и общества;
- недостаток бюджетных средств на развитие инфраструктуры и достижение установленных социально-экономических показателей;
- потребность в снижении (устранении) национальных барьеров в области взаимного инвестиционного взаимодействия при обеспечении равных условий функционирования хозяйствующих субъектов государств – членов интеграционного объединения;

взаимная заинтересованность в повышении эффективности использования технологического и ресурсного потенциала стран – членов интеграционного объединения, углублении сотрудничества, совместном развитии системообразующих для стран – членов интеграционного объединения отраслей, развитии трудовой миграции и мобильности;

принятие нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения в сфере ГЧП, а также развитие межгосударственных программ и проектов, требующих привлечения частных ресурсов;

возможность достижения потенциальных выгод от партнерства: сокращение сроков реализации инфраструктурных проектов за счет привлечения различных источников финансирования; возможность разделения рисков между партнерами; учет интересов партнеров; повышение качества технического обслуживания и управления объектами инфраструктуры; внедрение инновационных технологий и услуг; сочетание государственных и частных экспертных знаний для проведения оценки эффективности проектов; согласование нормативных правовых актов, стандартов в сфере инвестиционной деятельности;

направленность на повышение интеграционного потенциала стран – членов регионального объединения, предполагающего получение дополнительного интеграционного эффекта для стран-членов, выражаемом в приросте ВВП, устойчивости темпов экономического роста, повышении производительности труда, увеличении численности занятого населения, притоке инвестиций и др.

Анализ научной литературы, посвященной различным аспектам реализации международных и трансграничных проектов, позволил выделить следующие характеристики ГЧП: «объединение стран разных регионов»; «привлечение иностранных инвесторов в инвестиционные проекты внутри страны»; «государственную поддержку национального капитала во внешнеэкономической деятельности (субсидирование экспортных кредитов, гарантии экспортных кредитов, фонды поддержки и др.)»; «создаваемый и подлежащий эксплуатации объект ГЧП расположен на границе двух и более государств и (или) пересекает фактически и юридически их границы»; «на стороне публичного партнера (концедента) выступают как минимум два государства»; «трансграничный проект ГЧП всегда реализуется одним лицом – единым для обоих государств частным партнером»; «правовой режим определяется нормами национального законодательства о ГЧП и нормами международного права, содержащимися в двусторонних межгосударственных соглашениях и международных обычаях»; «институционализированное взаимодействие, включающее правительства, международные организации и частных субъектов» [2; 3].

В качестве основных принципов реализации ГЧП на международном уровне, изложенных ОЭСР, отмечаются следующие: *долгосрочность*, которая характеризует длительный период времени реализации проектов ГЧП; *многопартнерская и договорная форма отношений*, предполагающая участие в проекте множества заинтересованных сторон с различной степенью компетенции; *междисциплинарность*, характеризуемая «объединением различных областей науки и технологий посредством сотрудничества между участниками и интеграции подходов, изначально рассматриваемых как отдельные» [4, с. 13].

Таким образом, анализ научных подходов к реализации проектов ГЧП в рамках международных связей указывает на более сложную структуру экономических отношений хозяйствующих субъектов, а также институциональных условий их взаимодействия. Полагаем, что специфика взаимодействия государства и частного сектора в рамках интеграционного объединения, в дополнение к существующим подходам к пониманию ГЧП, определяется закономерностями и механизмами самих интеграционных процессов, включая модели и этапы интеграции.

Особенности ГЧП в условиях интеграционных связей могут быть раскрыты через следующие модели и теории интеграции. Так, с точки зрения институциональной теории ГЧП в рамках интеграционного объединения могут иметь место два способа интегрирования экономических агентов. Первый способ предполагает *институциональную интеграцию* («формальная интеграция», «интеграция сверху»), где главную роль в проектах ГЧП играют государства. Вторым способом предполагает *корпоративную интеграцию* («неформальная интеграция», «интеграция снизу»), где ведущая роль принадлежит субъектам частного сектора.

Поскольку институциональная интеграция устанавливает определенные правила и требования к организационному взаимодействию субъектов, то в рамках этого направления можно выделить также две модели интеграции – многоуровневого и сетевого взаимодействия.

Модель многоуровневого взаимодействия, основанная на теории многоуровневого управления (multi-level governance), предполагает наличие различных уровней принятия решений и обмена информацией в контексте интеграционных процессов. Указанная теория может быть применима к раскрытию особенностей взаимодействия субъектов ГЧП, которое осуществляется на вертикальном, горизонтальном и междисциплинарном уровнях.

Кроме того, ГЧП предполагает различные формы интеграции субъектов. Участниками ГЧП могут быть государство, частные субъекты, научно-исследовательские центры, учреждения высшего образования, ассоциации, которые представляют различные страны – члены интеграционного объединения. Это позволяет говорить о «*сетевой интеграции*», которая способствует синергетическому эффекту за счет формального объединения экономических интересов нескольких участников и их ресурсного потенциала.

В связи с тем, что основу развития интеграционных процессов составляют интеграционные программы и проекты, обоснованно также говорить о «*проектной интеграции*» в рамках ГЧП. Особенности ГЧП в рамках проектной интеграции в условиях интеграционного объединения заключаются в управлении ими. В данном случае можно выделить два подхода к управлению проектом.

Первый подход основан на теориях проектного управления и предполагает определенную технологию управления проектами ГЧП на протяжении всего жизненного цикла проекта, включая его стадии, фазы и этапы реализации. Методология управления проектами ГЧП подробно представлена в работе Н. Л. Персода и Э. Ш. Джураева [5].

Второй подход предполагает наличие механизма управления проектом ГЧП на уровне интеграционного объединения, выполняющего координационную, согласующую, информационную и иные функции с участием наднациональных органов интеграционного объединения. Важность управления проектом на региональном уровне в том числе обусловлена сложностью таких проектов, которая заключается в экономических, политических, социально-культурных и технологических различиях стран – членов интеграционного объединения.

Таким образом, можно сделать вывод, что ГЧП как институт представляет собой смешанную модель интеграции, определяемую особенностями управления проектами ГЧП и способами взаимодействия экономических субъектов, формы которой зависят от стадии экономической интеграции.

Как известно, развитие ГЧП предполагает прохождение странами определенных этапов, когда на первом этапе вырабатывается общая концепция механизма ГЧП, на втором – разрабатывается специальное законодательство, создаются структуры управления ГЧП и расширяются сферы реализации проектов, на третьем этапе создается эффективная институциональная среда для реализации проектов ГЧП и осуществляется активная реализация проектов ГЧП.

Полагаем, что аналогичный подход применим для проектов ГЧП в условиях интеграционного объединения, когда развитие ГЧП соответствует этапу экономической интеграции: чем глубже степень интеграции, тем более развито ГЧП (множество региональных проектов, развитая корпоративная интеграция, более неформальные формы партнерства).

С учетом проведенного анализа предлагается следующее функциональное определение ГЧП в рамках интеграционного объединения.

Во-первых, ГЧП в условиях интеграционных отношений представляет собой *экономические отношения* между государственным и частным партнером разной страновой принадлежности с участием наднациональных органов управления по поводу совместной инвестиционной деятельности, осуществляемой по различным направлениям интеграции и, как правило, в отношении инфраструктурных проектов, представляющей общий интерес и обеспечивающей вклад в экономическую интеграцию.

В рамках указанного определения можно выделить следующие основные характеристики ГЧП в условиях интеграционных отношений:

государственный партнер представлен двумя и более государствами – членами интеграционного объединения;

объектом экономических отношений выступает совместная инвестиционная деятельность, направленная на реализацию интересов стран – членов интеграционного объединения и обеспечивающая вклад в экономическую интеграцию;

реализуется в *различных правовых формах*, определяемых национальным и международным законодательством (двусторонние и многосторонние соглашения), а также моделями и уровнем экономической интеграции;

зависит от *институционального контекста* участвующих стран – членов интеграционного объединения, включая правовое, техническое, организационное регулирование (с привлечением наднациональных органов управления), различные нормы и стандарты;

имеет *многоуровневую систему управления*, обмена информацией, знаниями и иными ресурсами: вертикальный (региональный, национальный, интеграционный, международный); горизонтальный (между странами – членами интеграционного объединения, вовлеченными в проект); междисциплинарный обмен (между государственным и частным сектором двух и более стран – членов объединения и иными субъектами (консультанты, эксперты и др.));

обладает *расширенным профилем риска*, обусловленным масштабом проекта, вовлеченностью большего количества участников, представляющих разные страны, различными социально-экономическими, правовыми и политическими условиями реализации проекта;

требует *обеспечения баланса интересов* между интеграционными целями и национальными контекстами; между действиями различных участников и заинтересованных сторон с учетом международной повестки и процессов;

предполагает *получение интеграционного эффекта*, направленного на углубление экономической интеграции.

Во-вторых, ГЧП как инструмент интеграции представляет собой институт, выполняющий функции, направленные на *достижение целей интеграционного объединения* в соответствии с уровнем экономической интеграции, а также осуществляющий специфическую управленческую деятельность, ориентированную на выполнение проектов, включая организационные, финансовые, технические аспекты и юридическое обеспечение.

В соответствии с определением, ГЧП выполняет следующие функции, направленные на достижение целей интеграционного объединения:

планирующая – предполагает создание единой системы планирования направлений инвестиционного сотрудничества стран – членов ЕАЭС, разработку согласованных планов и дорожных карт совместного инвестирования и приоритетных сфер реализации совместных проектов;

согласующая – направлена на согласование нормативных правовых актов, стандартов, унификацию инвестиционных процессов, механизмов и инструментов;

организационная – основана на формировании эффективной системы управления совместными инвестиционными проектами, постепенном накоплении компетенций и укреплении потенциала в области реализации совместных проектов, развитии новых форм реализации совместной инвестиционной деятельности;

координирующая – заключается в выработке согласованных подходов и методов управления совместными проектами, определении компетенции организационных структур в сфере ГЧП, включая наднациональные органы управления;

информационная – направлена на информационное сопровождение реализации совместных проектов, устранение информационной асимметрии в области развития инфраструктуры и реализации совместных проектов ГЧП, выстраивание эффективной системы коммуникации между участниками ГЧП.

ГЧП как специфическая *управленческая деятельность, ориентированная на выполнение проектов*, реализуется с позиции организационных (инструменты управления, распределение ресурсов), юридических (правовое структурирование проекта, минимизация юридических рисков), финансовых (финансовая модель проекта, оценивание выгод от реализации проекта) и технических (оценка технической реализуемости проекта, распределение технических рисков) аспектов.

Определение особенностей применения ГЧП как инструмента социальной интеграции в региональном объединении. Социальная интеграция в рамках интеграционного объединения рассматривается как конечная цель социальной политики, достижение которой предполагает постепенное и поэтапное сближение социальных систем стран – членов интеграционного объединения. Важность определения особенностей применения ГЧП как инструмента социальной интеграции в региональном объединении обусловлена ростом вызовов для большинства стран – участниц интеграционных объединений, включая демографические проблемы, несоответствие образования и квалификации работников задачам новой промышленной революции и цифровизации экономики, а также трансформацию взаимоотношений между людьми, ценностные ориентации, культурные установки и др.

Опыт ЕС показывает высокую значимость социальной интеграции для реализации целей социальной политики и углубления экономической интеграции, основу которой составляют такие понятия, как социальная модель, социальный диалог и партнерство, социальная экономика, социальная включенность, социальные инвестиции, экономика социальной солидарности, социальное предпринимательство. Среди основных подходов к формированию и развитию социальной политики в ЕС можно выделить следующие:

1) *развитая система организационных структур, деятельность которых направлена на поддержку и реализацию социальных мер:* Экспертная группа по социальной экономике и социальным предприятиям (GECES) при Европейской комиссии; Европейский фонд улучшения условий жизни и труда (Eurofound), Совет по занятости, социальной политике, здравоохранению и делам потребителей (EPSCO), Комитет по занятости (EMCO), Европейский социально-экономический комитет (EESC), Европейская сеть социальной политики (ESPN) и др.;

2) *наличие ряда программных документов в области социальной политики:* Европейская стратегия занятости (European Employment Strategy); Стратегический план на 2020–2024 гг. – Образование, молодежь, спорт и культура (Strategic plan 2020–2024 – Education, Youth, Sport and Culture) и др.;

3) *различные способы финансирования социальной сферы:* софинансирование проектов через структурные, инвестиционные и социальные фонды (ESIF, ERDF, EIF, ESF), финансово-кредитные учреждения, инструменты институционального строительства (Twinning, TAIEX, SIGMA) и инфраструктурной поддержки (Инвестиционный фонд соседства), кредитование стран-партнеров на основе грантов, контрактов, бюджетной поддержки и приграничного сотрудничества, применение инфраструктурных облигаций;

4) *цифровые инструменты управления социально-экономическими процессами, основанные на формировании цифровых платформ:* цифровые платформы, направленные на привлечение инвестиций в развитие инфраструктуры, включая социальную инфраструктуру (Портал европейских инвестиционных проектов – EIPP); цифровые платформы, сосредоточенные на реализации целей социальной политики интеграционного объединения и удовлетворении потребностей различных социальных и профессиональных групп (Европейский молодежный портал (European Youth Portal); Платформа по трудоустройству и социальным вопросам (Employment and Social Affairs Platform) и др.);

5) *инструменты регионального мониторинга развития социальной политики и достижения социальной интеграции:* Общеевропейская платформа социальных прав (EPSR), Региональный индекс социального прогресса.

Несмотря на то что социальные цели не отражены в Договоре о ЕАЭС, практика евразийской интеграции показывает тесное взаимодействие и взаимопроникновение социальных и интеграционных процессов. В рамках интеграционного объединения наблюдается социальная ориентированность политики, что выражается в совместной выработке общих подходов к социальному обеспечению, развитию человеческого и культурного потенциалов в странах-членах, а также реализации совместных проектов в социальной сфере. Значительный импульс углублению сотрудничества в социальной сфере придало утверждение Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 г.

Таким образом, можно сделать вывод, что социальная политика занимает важное место в региональных объединениях и включает в себя следующие меры, направленные на достижение социальной интеграции:

создание механизма социального перераспределения, предполагающего региональные трансферты, привлечение зарубежной финансовой помощи в целях решения наиболее острых социальных проблем;

разработку региональных правил в области социальной политики, включающих стратегии, стандарты, нормативы в отраслях социальной сферы, согласование социальных программ;

формирование региональных механизмов управления и координации социальной политики, включая деятельность наднациональных органов управления, создание специальных организационных структур;

привлечение инвестиций и ряда субъектов (частных предприятий, некоммерческого сектора, научных институтов и учреждений образования, граждан и др.) в целях реализации общих приоритетов социальной политики;

региональное техническое сотрудничество в области социальной политики, направленное на внедрение инновационных и технологических решений в социальной сфере;

осуществление социальных программ (проектов) и иных мероприятий, направленных на реализацию социально-экономических целей интеграционного объединения.

Анализируя опыт реализации социальной политики региональных объединений, а также учитывая приоритеты ЕАЭС в социальной сфере, полагаем, что значение социальной интеграции в ЕАЭС выражается в следующем:

улучшении благосостояния населения стран – членов ЕАЭС, выражаемом в повышении уровня и качества жизни населения, создании благоприятных условий для трудовой деятельности, социальной поддержке различных групп населения, повышении доступности государственных социальных гарантий для граждан Союза;

выравнивании уровней социально-экономического развития стран интеграционного объединения и их регионов через механизмы снижения социальной дифференциации, повышении доступности социальной инфраструктуры и услуг;

содействии реализации инновационной и промышленной политики на основе создания единого рынка научно-исследовательских и образовательных услуг, внедрения инноваций;

реализации совместных проектов в социальной сфере;

создании условий для свободного перемещения граждан и функционирования общего рынка труда на основе содействия трудоустройству и занятости в странах – членах Союза;

обеспечении прав и свобод граждан, в том числе через развитие механизмов участия общественности в управлении интеграционными процессами.

Практика региональных объединений показывает, что в направлении достижения социальной интеграции важное значение имеет частный сектор экономики, который через механизмы инвестирования, софинансирования, партнерства и внедрения инноваций содействует реализации социальной политики. Одним из распространенных механизмов привлечения частных ресурсов для решения социально-экономических задач государства в зарубежной практике и странах – членах ЕАЭС является ГЧП. Развитие ГЧП способствует вовлечению бизнеса в процессы функционирования интеграционного объединения и участию в определении дальнейших направлений углубления евразийской интеграции через совместные кооперационные проекты.

Анализ социальной политики в региональных объединениях, а также специфики реализации проектов ГЧП в условиях интеграционных связей позволил выявить *особенности применения ГЧП применительно к социальной интеграции*:

объектом экономических отношений выступает совместная инвестиционная деятельность в социальной сфере, направленная на реализацию социальной политики стран – членов интеграционного объединения, которая может выражаться в следующем: решении острой социально-экономической проблемы в рамках интеграционного объединения; повышении взаимной доступности социальной инфраструктуры и услуг; содействии трудовой и образовательной мобильности граждан; обеспечении инновационного развития отраслей социальной сферы; создании

эффективных механизмов управления социальной инфраструктурой; развитию инструментов поддержки и финансирования совместных социальных проектов и др.;

реализуется в *различных правовых формах*, включая соглашения (договоры) о ГЧП, учредительные документы, меморандумы о взаимопонимании, соглашения о сотрудничестве и др., которые заключаются между различными субъектами, представляющими страны – члены интеграционного объединения и третьей страны;

имеет *специфику проектных рисков*, заключающуюся не столько в финансовых аспектах проекта, сколько в социальных последствиях его реализации (падение социальных стандартов, снижение уровня регулирования социальной сферы, низкий спрос на услуги и др.);

может предполагать *наличие большого количества участвующих в проекте партнеров с различной степенью компетенции* (государственные органы, курирующие вопросы в отраслях социальной сферы, частные предприятия, учреждения образования, научные организации, некоммерческие организации, ассоциации и др.);

выражается в *различных формах реализации партнерских отношений: совместные социальные программы*, направленные на создание рабочих мест и реализацию иных направлений в социально-трудовой сфере; *совместная сетевая деятельность*, предполагающая объединение ряда участников, находящихся на территории стран – членов ЕАЭС и осуществляющих совместную деятельность, направленную на решение актуальных социально-экономических проблем; *совместные организации* для проведения исследований и инновационного развития (центры передового опыта, технологические консорциумы, центры компетенции); *научно-технологическое сотрудничество* в социальной и экологической сферах, основанное на проведении совместных исследований в целях внедрения новых технологий в сфере здравоохранения и устойчивого развития; *совместные инфраструктурные объекты в социальной сфере*, направленные на сокращение регионального инфраструктурного разрыва; объекты, связанные с развитием человеческого потенциала, нацеленные на интеграционные связи (подготовка кадров для совместных предприятий, проектов и др.); *трансграничные и межрегиональные связи*, нацеленные на создание социальных объектов совместного пользования;

имеет *различные способы финансирования проектов*, осуществляемые на конкурсной, грантовой основе, с использованием средств учреждений социальной сферы, социальные облигации, софинансирование проектов через фонды интеграционного объединения (при наличии – социальные);

управление реализацией проектов ГЧП в социальной сфере реализуется с учетом их отраслевой специфики и предполагает выработку региональной стратегии реализации совместных проектов в социальной сфере; развитие институциональных условий и механизмов их реализации (методических, организационных, финансовых, информационных) применительно к социальной сфере; выбор индикаторов для оценки степени достижения социальной интеграции и др.

Разработка авторской классификации проектов ГЧП, в том числе в социальной сфере.

Анализ европейского опыта реализации проектов ГЧП на межгосударственном и наднациональном уровнях показал, что в ЕС часть проектов реализуется в рамках:

действующих программ, направленных на развитие инфраструктуры и услуг, привлечение инвестиций в отрасли социальной сферы («Свеннборгский исследовательский парк» (Svendborg Research Park) в Дании (научно-исследовательская инфраструктура); «Строительство и долгосрочное обслуживание современных школ в регионе Аттики в Греции» (Construction and long-term maintenance of modern schools in Greece's Attica region) (образование) и др.;

международного и трансграничного сотрудничества (COFFEE – совместное строительство (High Employability Training Offer), а также проект «SMART SCHOOLS» и др.);

региональных, международных, отраслевых сетей и кластерных (кросс-кластерных) инициатив (Ассоциация высшего образования и научно-исследовательских институтов университета (Francophonie, AUF); Соединенное австралийско-европейское общество науки и инноваций (CAESIE); Форум европейско-австралийского научно-технического сотрудничества (FEAST); Европейская ассоциация высших учебных заведений (European Association of Institutions in Higher Education, EURASHE);

социального предпринимательства (кластеры социальной экономики или кластеры социальных и экологических инноваций);

развития человеческого потенциала (Альянсы секторального сотрудничества в области навыков, Ресурсный центр работодателей и др.).

Анализ институциональных условий реализации проектов ГЧП в ЕС, а также подходов к оценке развития институциональной среды ГЧП, используемых в методических изданиях в области ГЧП, практике международных институтов, позволил выявить наиболее общие (ключевые) критерии, применяемые при анализе развития ГЧП в различных странах: развитие законодательства, институтов, финансовые аспекты, инвестиционный и деловой климат, сферы реализации проектов, а также опыт реализации проектов ГЧП [6–10].

Исследование зарубежной практики реализации проектов ГЧП в социальной сфере, а также анализ институциональной среды позволили разработать авторскую классификацию проектов ГЧП применительно к интеграционным связям, в том числе в социальной сфере (таблица).

Классификация проектов ГЧП применительно к интеграционным связям, в том числе в социальной сфере
Classification of PPP projects, in relation to integration ties, including in the social sphere

Критерий	Характеристика проектов ГЧП
Объект партнерства	ГЧП, направленное на выравнивание регионального инфраструктурного развития; ГЧП в области развития человеческого потенциала; ГЧП в области создания инновационной инфраструктуры и услуг.
Механизм партнерства	Инвестиционный проект; региональные и международные сети; кластерные (кросс-кластерные) инициативы.
Способ присоединения новых партнеров к проекту	Открытое партнерство – к проекту могут присоединяться новые партнеры; закрытое партнерство – к проекту не могут присоединяться новые партнеры; частично открытое партнерство – к проекту могут присоединяться только некоторые виды партнеров или только на определенных условиях.
Уровень реализации проекта	ГЧП в рамках регионального и трансграничного сотрудничества; ГЧП в рамках международного сотрудничества; ГЧП в рамках глобальных проблем и инициатив.
Территориальная принадлежность частного партнера	Частный партнер, являющийся субъектом одной страны – члена интеграционного объединения; частный партнер, представляющий объединение субъектов двух и более стран – членов интеграционного объединения; частный партнер, представляющий объединение субъектов стран – членов интеграционного объединения и (или) международных субъектов.
Функциональное назначение проектов в сфере образования	ГЧП, ориентированные на инфраструктурное и ресурсное обеспечение сферы образования; ГЧП, ориентированные на развитие навыков в соответствии с потребностями рынка труда; ГЧП, ориентированные на развитие системы образования и образовательного процесса; ГЧП, ориентированные на развитие научно-технической и инновационной деятельности.
Развитость условий для реализации совместных проектов ГЧП, в том числе в социальной сфере	Правовое обеспечение; методическое обеспечение; кадровое обеспечение; информационное обеспечение (включая наднациональный уровень), направленное на реализацию совместных проектов.
Характеристика специализированного органа в области ГЧП	Правовая структура; функциональное назначение; отраслевая направленность.

Примечание. Таблица составлена на основе собственной разработки автора.

В отличие от существующих подходов к критериям развития ГЧП и видам ГЧП основанием авторской классификации проектов ГЧП является социальная направленность проектов ГЧП применительно к их реализации в рамках интеграционного объединения. Указанная классификация раскрывает особенности реализации совместных проектов в социальной сфере в условиях

интеграционных связей, включая направления, механизм взаимодействия и институциональные условия.

Заключение. Авторское определение ГЧП в условиях интеграционных связей развивает теоретические подходы к пониманию экономической сущности ГЧП в условиях интеграционного объединения и основывается на концепциях и моделях экономической интеграции. В практическом аспекте оно создает основу для реализации совместных программ и проектов и выявления особенностей применения ГЧП как инструмента социальной интеграции в рамках интеграционного объединения.

Выявление особенностей применения ГЧП как инструмента социальной интеграции в региональном объединении позволило определить его *значение для достижения социальной интеграции*, которое в общем виде заключается в следующем:

создании условий для углубленного сотрудничества между государствами в инвестиционной и социальной сферах;

наращивании потенциала национальных и региональных органов управления для вовлечения частного сектора в разработку и реализацию интеграционных проектов в социальной сфере, а также повышении эффективности управления совместными проектами;

содействии реализации согласованной социальной политики, включая гармонизацию и унификацию законодательства стран – членов интеграционного объединения в социальной сфере;

внедрении инновационных решений при реализации проектов ГЧП в социальной сфере;

повышении благополучия граждан за счет развития социальной инфраструктуры и расширения доступа к социальным услугам, создании дополнительных рабочих мест, содействии социальной инклюзии (удовлетворении потребностей различных групп населения) и др.;

реализации ЦУР за счет эффективного партнерства различных субъектов в социальной сфере и мобилизации ресурсов (знаний, опыта, технологий, финансов), а также привлечения инвестиций для реализации стратегических направлений интеграционного сотрудничества в социальной сфере.

В практическом аспекте выявление особенностей ГЧП применительно к социальной интеграции послужило основой для формирования авторской классификации проектов ГЧП, в том числе в социальной сфере, в условиях интеграционных процессов. Указанная классификация может стать основой для оценки уровня развития ГЧП и достижения социальной интеграции в региональном объединении, а также для обоснования институциональных и организационно-экономических условий для реализации соответствующих проектов в странах – членах ЕАЭС.

Список использованных источников

1. Market Update. Review of the European PPP Market in 2020 [Electronic resource] / Europ. PPP Expertise Centre. – Luxembourg : Europ. Investment Bank, 2021. – Mode of access: https://www.eib.org/attachments/epec/epec_market_update_2020_en.pdf. – Date of access: 21.02.2022.
2. Филиппова, Л. Е. Государственно-частное партнерство в реализации международных проектов: модели и формы : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.14 / Л. Е. Филиппова. – Минск, 2017. – 24 с.
3. Маслова, С. В. Трансграничные проекты государственно-частного партнерства: концептуальные особенности и практические аспекты управления / С. В. Маслова, М. Ю. Соколов // Вопр. гос. и муницип. упр. – 2020. – № 1. – С. 86–114.
4. Strategic public/private partnerships in science, technology and innovation – final report [Electronic resource] / Organisation for Economic Co-operation and Development. – OECD, 2014. – Mode of access: https://era.gv.at/public/documents/2586/Beilage_5a_OECD-PPP_in_science_and_technology.pdf. – Date of access: 21.02.2022.
5. Джураев, Э. Ш. Система управления ГЧП-проектами «ГЧП-штаб». Методология управления / Э. Ш. Джураев, Н. Л. Персод. – [Б. м.] : Литагент Ридеро, 2016. – 233 с.
6. Практическое руководство по вопросам эффективного управления в сфере государственно-частного партнерства [Электронный ресурс] / Европ. экон. комис. – Нью-Йорк ; Женева : Орг. Объед. наций, 2008. – Режим доступа: https://www.unesc.org/fileadmin/DAM/ceci/publications/ppp_r.pdf. – Дата доступа: 22.02.2022.
7. Государственно-частное партнерство в странах Евразийского экономического союза : практ. рук. для инвесторов / Евраз. экон. комис. – М. : Центр развития ГЧП, 2017. – 80 с.
8. Об организации в Минэкономразвития России работы по расчету показателя «Уровень развития сферы государственно-частного партнерства в субъекте Российской Федерации» за 2019 год : приказ Минэкономразвития России, 25 нояб. 2019 г., № 762 [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. –

Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/prikaz_minekonomrazvitiya_rossii_762_ot_25_noyabrya_2019_goda.html. – Дата доступа: 22.02.2022.

9. Evaluating the environment for public-private partnerships in Latin America and the Caribbean: The 2019 Infrascope [Electronic resource] / The Economist Intelligence Unit. – New York : EIU, 2019. – Mode of access: https://infrascope.eiu.com/wp-content/uploads/2019/04/EIU_2019-IDB-Infrascope-Report_FINAL-1.pdf. – Date of access: 22.02.2022.

10. Evaluating the environment for public-private partnerships in Africa: The 2015 Infrascope [Electronic resource] / The Economist Intelligence Unit. – London : EIU, 2015. – Mode of access: <https://ppiaf.org/documents/2399/download>. – Date of access: 22.02.2022.

References

1. European PPP Expertise Centre. *Market Update. Review of the European PPP Market in 2020*. Luxembourg, European Investment Bank, 2021. Available at: https://www.eib.org/attachments/epec/epec_market_update_2020_en.pdf (accessed 21.02.2022).

2. Filippova L. E. *Public-private partnership in the implementation of international projects: models and forms*. Abstract of Ph.D. diss. Minsk, 2017. 24 p. (in Russian).

3. Maslova S. V., Sokolov M. Yu. Public-private partnership's transboundary projects: conceptual features and practical aspects of management. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya = Public Administration Issues*, 2020, no. 1, pp. 86–114 (in Russian).

4. Organisation for Economic Co-operation and Development. *Strategic public/private partnerships in science, technology and innovation – final report*. OECD, 2014. Available at: https://era.gv.at/public/documents/2586/Beilage_5a_OECD_PPP_in_science_and_technology.pdf (accessed 21.02.2022).

5. Dzhuraev E. Sh., Persod N. L. *PPP project management system “PPP Headquarters”. Management methodology*. Litagent Ridero Publ., 2016. 233 p. (in Russian).

6. United Nations Economic Commission for Europe. *Guidebook on promoting good governance in public-private partnerships*. New York, Geneva, United Nations, 2008. Available at: <https://unece.org/sites/default/files/2022-01/ppp.pdf> (accessed 22.02.2022).

7. Eurasian Economic Union. *Public and private partnership in the countries of the Eurasian Economic Union: practical guide for investors*. Moscow, Tsentr razvitiya GChP Publ., 2017. 80 p. (in Russian).

8. *On the organization in the Ministry of Economic Development of Russia of work on the calculation of the indicator “The level of development of the sphere of public-private partnership in a constituent entity of the Russian Federation” for 2019: order of the Ministry of Economic Development of Russia, November 25, 2019, no. 762*. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/prikaz_minekonomrazvitiya_rossii_762_ot_25_noyabrya_2019_goda.html (accessed 22.02.2022) (in Russian).

9. The Economist Intelligence Unit. *Evaluating the environment for public-private partnerships in Latin America and the Caribbean: The 2019 Infrascope*. New York, EIU, 2019. Available at: https://infrascope.eiu.com/wp-content/uploads/2019/04/EIU_2019-IDB-Infrascope-Report_FINAL-1.pdf (accessed 22.02.2022).

10. The Economist Intelligence Unit. *Evaluating the environment for public-private partnerships in Africa: The 2015 Infrascope*. London, EIU, 2015. Available at: <https://ppiaf.org/documents/2399/download> (accessed 22.02.2022).

Информация об авторе

Тудейко Екатерина Васильевна – заведующий сектором глобальной экономики Центра мировой экономики. Институт экономики, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: e_tulejko@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0001-7246-3694>

Information about the author

Katsiaryna V. Tuleika – Head of the Global Economy Sector of the World Economy Center. Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: e_tulejko@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0001-7246-3694>